

Дмитрий Романовский

Королевство Хатуту

Дмитрий Романовский
Королевство Хатуту

«Издательские решения»

2015

Романовский Д. В.

Королевство Хатуту / Д. В. Романовский — «Издательские решения», 2015

Невероятные приключения легкомысленного, но очень упрямого, человека, бросившего вызов сразу двум очень разным цивилизациям.

Содержание

Глава 1. Пал-Пол	6
Глава 2. Наказание. Состязание. Морские свиньи	20
Глава 3. Каноэ. Большое каноэ. Очень большое каноэ	35
Глава 4. Поль Дожер	51
Глава 5. Белые женщины	68
Глава 6. Панама. Паровоз. Голос мамы	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Королевство Хатуту

Дмитрий Владимирович Романовский

© Дмитрий Владимирович Романовский, 2015

© Владимир Дмитриевич Романонвский, иллюстрации, 2015

Корректор Владимир Дмитриевич Романовский

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Copyright © by Author

Глава 1. Пал-Пол

Было полнолуние.

Это плохо: в ярком свете луны далеко видно.

Но с другой стороны это хорошо. Пал-Пол сразу это понял, как только увидел Ол-Мэй, выходящую из зарослей бамбука, совсем обнаженную. При свете луны четко выделялись ее маленькие груди, а слегка выпуклый треугольник внизу живота сходил к низу в очаровательную точку. На шее Ол-Мэй – ожерелье из белых кораллов. Днем она носила красные кораллы. Пал-Пол понял, что это ожерелье она надела для него: при луне белые кораллы светились, будто излучая свет. Они быстро пошли, почти побежали друг к другу и одновременно остановились на расстоянии шага. На голове Пал-Пола красовался головной убор из перьев чаек и кистей камыша, выкрашенных соком ягод колючего кустарника – яркий красный цвет. Но в лунном освещении кисти камыша казались черными. Из дома он вышел только после того, как убедился, что Соу-Най и Тав-Чев крепко спят. Тем не менее, он не побежал сразу к бамбуковым зарослям, а направился к сточной канаве, куда впадал ручей, и которая вела к океану. Иногда он выходил ночью поссать. Около дома это было делать нельзя: земля завоняет. Все пользовались сточными канавами. На этот раз ссать не хотелось, но он все же поссал в канаву, потом вернулся к дому, прислушался. Было попрежнему тихо. Пал-Пол обогнул дом, стал спускаться по откосу мимо соседних домов, стараясь держаться тени деревьев. Миновав последний дом, он вышел на знакомую с детства тропу, освещенную луной, и быстро побежал к бамбуковой роще, где они уговорились встретиться. Здесь пришлось немного подождать: Ол-Мэй жила в деревне, расположенной в долине, и ей следовало пересечь всю бамбуковую рощу.

Теперь они стояли, глядя друг другу в глаза. И больше никого не было, только ночь и луна.

– Это правда, что ты говорил? – спросила Ол-Мэй.

– Что – правда?

– Что тебе снится девушка.

– Правда. Мне часто снилась одна девушка. Я никогда ее раньше не видел. А когда я тебя увидел, я понял, что ты и есть та девушка, которая мне снилась. – Пал-Пол провел рукой по ее волосам, подвязанным на затылке гибким стеблем лунника, тронул пальцами тонкую шею. Ол-Мэй отступила, сказала поучительно:

– Тебе нельзя вот так встречаться с девушками. Для тебя такой закон.

– Это плохой закон, – сказал Пал-Пол. – И ты сама согласилась прийти сюда.

– Ты сказал, что хочешь поговорить со мной, когда никого нет. Вот я и пришла сказать тебе, что тебе нельзя встречаться с девушками, когда никого нет.

Ол-Мэй приняла смущенную позу. Пал-Пол схватил ее за руки.

– А ты знаешь, – спросил он, – кто посылает людям сны?

– Знаю. Чомга.

– Чомгу нельзя видеть, – стал объяснять Пал-Пол. – Но Чомга видит всех. Он все знает. И когда он посылает сны, он говорит людям, что нужно делать.

– А ты мне тоже снился, – призналась Ол-Мэй. – Сразу после того, когда я первый раз тебя увидела.

– Вот видишь! – подхватил Пал-Пол. – Это Чомга велел, чтобы ты вот так со мной встретишься. Когда никого нет.

– Но тогда во сне ты был с другой девушкой, – возразила Ол-Мэй, пытаясь вырвать у него свою руку. – Ты сидел с ней рядом на берегу. Так мне сказал Чомга.

– Та другая девушка была ты сама, только в другом виде, – сказал Пал-Пол.

– Нет, это была другая девушка, – настаивала Ол-Мэй. – Ты сидел с ней рядом.

– Нет, это была ты. Только в другом виде. Ведь не может же человек присниться сам себе в таком виде, как он есть! – Он обнял ее за плечи, повел вниз к берегу. – Вот мы сейчас и сядем рядом, как ты это видела во сне.

Ол-Мэй покорно пошла рядом с ним: поверила Чомге. У обрывистого берега лес отступал, образуя узкую поляну, поросшую высокой травой. Днем в безветренную погоду здесь стоял постоянный гул от летающих пчел. Теперь же, ночью, насекомые спали. Пал-Пол подвел Ол-Мэй к хлебному дереву, одиноко стоящему посреди поляны. Это дерево, открытое ветру со стороны океана, почти не давало плодов. Но крона его была достаточно густой, чтобы скрыться в тени от лунного света. Стоящих под деревом трудно было разглядеть со стороны, зато отсюда еще издали хорошо можно было заметить каждого, кто мог появиться на поляне. Пал-Пол сел в траву, обняв ноги Ол-Мэй. Она тотчас присела на корточки. Он провел рукой по ее спине, подвел ладонь под ее упругие ягодички. Она села, придавив его ладонь к земле. Он пошевелил пальцами, спросил игриво:

– Ты не хочешь отпустить мою руку?

– А вот и не отпускаю, – ответила она в тон ему и слегка поерзала ягодичками, как бы вдавливая его руку в землю.

Свободной рукой он обнял ее за тонкую талию, потом отвел в сторону ее колено и приподнял ее бедро, освобождая из-под нее руку. Она провела своей узкой ладонью по его груди, животу, коснулась пальцами напряженного члена. Не в силах больше сдерживаться и продолжать любовную игру, он развел ее бедра, навалился на нее грудью, опрокидывая на спину и оперевшись локтями во влажную землю. Она спросила вдруг жалобным голосом:

– Нам Чомга это велит?

– Да, так велит Чомга. Разве ты этого не чувствуешь?

– Чувствую, – ответила она еще более жалобным тонким голосом.

Ночь была тихой и безветренной. Отчетливо слышались влажные чмокающие звуки при каждом ритмичном ударе его бедер. Ол-Мэй безвольно пролепетала:

– Чомга так хочет...

Вероятно, она уже не сознавала того, что говорит. Пал-Пол подтвердил:

– Да, да. Чомга велит, чтобы нам было хорошо. Тебе хорошо?

– Хорошо, – ответила она тоненьким голосом и тихо простонала.

Когда ее стоны усилились, Пал-Пол, не прекращая ритмичных движений, выгнув спину, пригнул книзу голову, пытаясь, не меняя позы, дотянуться губами до ее рта. Это было трудно: она была на голову ниже его. Она всё поняла, вытянула шею. Он прижался губами к ее стонущему рту, приглушая звук ее голоса.

Предосторожность оказалась не лишней. Когда Пал-Пол, тяжело переводя дыхание, поднял из травы голову, он увидел в дальнем конце поляны двух мужчин. Одного из них он сразу узнал. Это был Тибу-Тов, двоюродный по матери брат Соу-Най, самый сильный из молодых мужчин деревни.

– Нас выследили, – быстро прошептал Пал-Пол.

Ол-Мэй гибким движением резко поднялась на четвереньки, но ослабевшая от только что испытанного оргазма, покачнулась, и Пал-Пол галантно поддержал ее за локоть.

– Ползем к лесу, – шопотом скомандовал Пал-Пол. – А там до бамбуковой рощи.

Они, как два солдата, попавшие в засаду, быстро на четвереньках поползли вниз, к обрыву. Здесь трава была выше, и в ней легче было скрываться. Когда они доползли до колючего куста с красными ягодами, Пал-Пол, воспользовавшись тенью от куста, высунул голову из травы и увидел Тибу-Това, быстро приближающегося к дереву, под которым они только-что лежали. Наклонив вперед широкий, почти квадратный торс, Тибу-Тов шел с видом охотника, выслеживающего горную козу. За ним шел другой мужчина. На краю поляны показались еще двое мужчин. Ол-Мэй устала от непривычного бега на четвереньках, но Пал-Пол настаивал:

– Быстрее. Они знают, что я здесь. Главное, чтобы они не узнали тебя.

Ол-Мэй, ползущая впереди, уже задыхалась, но подчинилась тихому, но командно жесткому голосу Пал-Пола и поползла быстрее. Они доползли почти до леса. Пал-Пол обернулся, подняв голову из травы, и увидел, что мужчины остановились под деревом. Видны были их слившиеся силуэты. Один из них нагнулся, что-то поднял из травы. Пал-Пол посмотрел на Ол-Мэй.

– Твое ожерелье! – шопотом воскликнул он. – Они нашли его.

– Я обронила, – почти плача, задыхаясь сказала Ол-Мэй. – Теперь они узнают, кто я.

– Не узнают, – шопотом успокоил ее Пал-Пол. – Все девушки твоей деревни носят такие же.

Они уже доползли до леса. У крайнего дерева они поднялись на ноги. Скрытые тенью листвы, они хорошо могли видеть мужчин, собравшихся на поляне, что-то тихо обсуждавших. Мужчины были голые. Разбуженные тревогой, которую, очевидно, подняла Соу-Най, они выбежали из своих домов, даже не надев свои традиционные головные уборы, и тут же пустились на розыски Пал-Пола. Тибу-Тов вышел из тени дерева. В его руке поблескивало в свете луны ожерелье Ол-Мэй. Мужчины, сговорившись, направились в разные стороны поляны. Тибу-Тов держал ожерелье перед собой, будто оно могло указать дорогу к незаконным любовникам. Пал-Пол бросился в глубину леса, увлекая за собой Ол-Мэй. Они побежали по краю леса, выбирая затененные места, по направлению к бамбуковой роще. Первым их увидел Катога.

– Вот они! – завопил он. – Оба! – и побежал к ним, вытянув вперед указательный палец. А ведь Пал-Пол считал его своим другом.

Остальные мужчины устремились вслед за ним. Впереди оказался Тибу-Тов. Он бежал наперерез беглецам. Ол-Мэй споткнулась о корень дерева, Пал-Пол успел подхватить ее под мышки, крикнул на ходу:

– Беги быстреей! В бамбуки!

А сам неожиданно повернул навстречу Тибу-Тову. Неимоверно широкий в плечах и груди, Тибу-Тов отличался мускульной силой. Если бы они столкнулись при таком быстром беге, Пал-Пол просто переломал бы кости о могучее тело Тибу-Това, но Пал-Пол был значительно ловчее. Перед самым столкновением он слегка отклонился в сторону и, резко пригнувшись, ударил головой в живот Тибу-Това. Сам Пал-Пол отскочил назад от толчка, как отскакивает камень, брошенный о ствол дерева, упал на бок, перекувырнувшись через голову, но тут же вскочил на ноги. Тибу-Тов остановился, не упал, а только слегка качнулся, схватившись за живот, а потом яростно набросился на Пал-Пола. Но тот отскочил в сторону, давая остальным мужчинам добежать до него. Необходимо было задержать их, отвлечь от Ол-Мэй. Мужчины знали, что Пал-Полу и так никуда от них не уйти, а вот девушку следовало поймать, или хотя бы увидеть, чтобы узнать ее в лицо. Последним бежал Катога. На бегу он кричал:

– Девушку! Девушку ловите!

Пал-Пол уже отбивался кулаками от подбежавшего к нему первым мужчины. Это был Пао-Токо, ровесник Пал-Пола. Остальные мужчины замешкались, не зная хватать ли Пал-Пола, или бежать за девушкой. Это и спасло Ол-Мэй. Она успела добежать до бамбуковой рощи, в которой знала все проходы между густыми купами бамбуковых стволов. Даже днем трудно догнать человека в бамбуковой роще, не зная узких извилистых проходов. А ночью при лунном свете, когда тени от тонких стволов путаются с самими стволами, уже за несколько шагов человек становится невидим в сетке бамбуковых стволов и теней. Еще двое людей, Пал-Пол не видел кто, схватили его сзади за руки, скручивая их за спину. Гигант Тибу-Тов захватом одной своей руки ухватил оба запястья Пал-Пола. Дальнейшее сопротивление было невозможно. Тибу-Тов повел перед собой Пал-Пола, держа его скрученные за спиной запястья. Мужчины, преследовавшие Ол-Мэй, вернулись. Она ушла от них, как уходит в океан рыба сквозь

прорванную рыбацью сеть. Они только мельком увидели девушку, когда она бежала через лес вместе с Пал-Полом, но так и не опознали ее.

И теперь они возвращались в свою Большую деревню. Пал-Пол с ненавистью искоса поглядывал на идущих рядом мужчин. А у них были веселые довольные лица. В погоне за Пал-Полом участвовало около десяти мужчин. Почти все они имели постоянных жен, а некоторые так и по две жены. Измены женам не считались для них преступлением. И только один Пал-Пол мог иметь одну единственную жену, и измена этой жене была для него строгим табу. У Пал-Пола было много преимуществ над всеми жителями деревни, и многие мужчины завидовали ему. Теперь же, когда он нарушил свое индивидуальное табу, мужчины откровенно злорадствовали и гордились единственным, но таким важным над ним преимуществом.

Почти все жители деревни высыпали навстречу позорно ведомому Пал-Полу. Еще издали они начали приветствовать мужчин, ведущих его, веселыми громкими криками. Здесь были и мужчины, и женщины – всех возрастов – кроме детей. Детям при таких событиях присутствовать запрещалось. В толпе женщин, конечно же, была и Соу-Най. Она одна не кричала и не торжествовала. В лунном свете гневно посверкивали ее глаза. Пал-Пола привели на площадь, расположенную посреди Большой деревни. В других деревнях таких площадей не было.

Это было место общественных собраний. Земля здесь была хорошо вытоптана. На некоторые, особенно торжественные, многолюдные собрания сюда приходили люди из других деревень.

Но теперь здесь были только свои – жители Большой деревни.

Участники поимки Пал-Пола начали добросовестно излагать событие. Каждый рассказывал свою версию: то, что он видел сам. Говорили одновременно, и жители деревни перемещались от одного рассказчика к другому. Конечно, такой способ передачи событий был несколько сумбурным, но поскольку каждый рассказчик, окончив рассказ, начинал рассказывать всё сначала, картина произошедшего проявлялась всё более четко. При каждом повторном рассказе обнаруживались новые детали, так что самому Пал-Полу стало понятно многое, чего он еще не знал.

Оказывается, Соу-Най не спала, а притворялась спящей. Накануне женщины ей рассказали, а этим женщинам рассказали мужчины, что во время похода мужчин за форелью на горное озеро Пал-Пол заговаривал в долине с несколькими девушками. Поэтому Соу-Най и притворялась, подозревая, что Пал-Пол мог назначить встречу с какой-нибудь бесстыдницей из Долинной деревни. Когда Пал-Пол ночью, крадучись, вышел из дома, Соу-Най проследила за ним и, убедившись, что он пошел к сточной канаве поссать, снова улеглась на циновки. Она видела через полуоткрытую камышовую завесу над входом, как Пал-Пол вернулся к дому, но не вошел в него, а направился в другую сторону. Соу-Най тотчас выбежала наружу. Спавшая у порога дома Ниуфат, женщина, в обязанности которой входила слежка за порядком в семье Соу-Най, тотчас проснулась и выбежала следом за Соу-Най. Женщины увидели бегущего к берегу Пал-Пола и побежали за ним. Однако он бежал куда быстрее женщин, и тогда они бросились к дому Тибу-Това, двоюродного по матери брата Соу-Най. Тибу-Тов быстро поднял на ноги сонных мужчин из ближайших домов, стараясь вызывать тех, кто быстрее бежал. Направление было ясным каждому преследователю: Пал-Пол побежал к берегу океана, где была хорошо протоптанная тропа. По этой тропе можно быстро пробежать до бамбуковых зарослей, за которыми расположена Долинная деревня. Навряд ли Пал-Пол назначит встречу с девушкой среди самих бамбуков. Жители Большой деревни не знают тропинок в бамбуковой роще. Обычно они ходят в Долинную деревню окружным путем. Значит, встреча с девушкой назначена где-нибудь вблизи бамбуковой рощи, а не в самих бамбуках. Такая цепь логических рассуждений и привела преследователей к месту преступного свидания. Мужчины продолжали повторять свои рассказы, а люди стали задавать вопросы, заодно делясь друг с другом своими

соображениями. Тибу-Тов, повторяя свой рассказ, потрясал коралловым ожерельем, показывая его каждому.

Канига, абсолютно лысый высокий мужчина, старейшина Большой деревни, поднял, наконец, раздвинутые в стороны руки, и все притихли. Канига заявил, что Намикио, король Земли, испытывает недомогание, поэтому он и не вышел из своего дома. Но королю уже доложили о происшедшем, и он будет завтра присутствовать на площади во время наказания преступника, нарушившего табу.

Пал-Пола отвели в клетку – дом из вбитых в землю кольев, переплетенных стеблями бамбука. Это была тюрьма, куда запирали преступников до их наказания. Помещение размером четыре на четыре шага. Пал-Пол уже не раз побывал в клетке, и всё по поводу нарушения того же табу.

Пребывая в самом мрачном настроении, он размышлял о несправедливости наложенного на него табу. Ни одного мужчину в деревне не посадили бы в клетку за измену жене, потому что измена не считается преступлением. Это проклятое табу тяготело только над Пал-Полом, и всё потому, что его жена Соу-Най была дочерью короля Намикио. Старейшин выбирают, у королей же власть наследственная. Если у короля нет сыновей, а только дочери, следующим королем становится его внук, поэтому дочь короля должна выбрать мужа только при согласии и одобрении совета всех старейшин и самого короля. И этот муж должен быть единственным, чтобы ни у кого не было сомнений, кто является отцом будущего короля. По этой же причине исключались какие-либо измены мужу со стороны дочери короля. Для этого и не требовалось особого табу: к дочери короля была приставлена опытная женщина Ниуфат, обязанностью которой было следить за каждым шагом Соу-Най.

Но какое отношение к этому имел муж королевской дочери?

Под строгим наблюдением Ниуфат королевская дочь может родить ребенка только от собственного мужа – независимо от того, изменяет он ей или нет. На этом логика закона кончалась. Пал-Пол не знал, существовало ли раньше такое табу на мужа королевской дочери, или его придумали старейшины, когда он женился на Соу-Най.

Возможно, это табу придумала для него сама Соу-Най. Избалованной королевской дочке было обидно, что муж будет изменять ей с кем попало, а она не будет иметь такого же права. Намикио обожал свою дочь и мог заставить старейшин принять такое табу. Пал-Пол вспомнил, как злобно сверкали глаза Соу-Най, когда мужчины привели его в деревню. Она была красивой молодой холеной женщиной, но теперь Пал-Пол чувствовал к ней ненависть. И тут же вспомнилась совсем юная Ол-Мэй из Долинной деревни. Голос Ол-Мэй был нежным, она растягивала слова с жалобной, а иногда капризной интонацией, и эта медлительность речи подчеркивала ее плавные движения. И как она красиво умеет закидывать за голову руки, так что приподнимаются вверх ее аккуратные груди. Фан-Фао, девушка из Большой деревни, тоже красива, но ей далеко до Ол-Мэй. У Фан-Фао слишком узкие бедра и отвислые груди. Это из-за нее Пал-Пол сидел прошлый раз в этой же клетке.

И тут он почувствовал такую тоску – от унижительного заточения и от предстоящего позорного наказания, что судорожно вытянулся на циновке и, запрокинув голову, протяжно завывал. А в деревне стояла тишина. Люди, удовлетворенные зрелищем поимки Пал-Пола, крепко спали, чтобы утром проснуться бодрыми для другого увлекательного зрелища: наказания Пал-Пола.

Луна, опускаясь к западу, скрылась за верхушками деревьев. Пал-Пол присел на корточки, сквозь переплетенные стебли бамбука стал смотреть наружу. Клетка была в тени, но часть площади освещалась луной. Мелькнула чья-то тень. Еще не разглядев маленькую гибкую фигурку, Пал-Пол понял, что это его сын Тав-Чев, будущий король Земли. И тут же раздался такой знакомый мальчишеский оклик:

– Па! – Мальчик старался говорить тихо, но тем не менее голос его звучал как всегда звонко. – Ты не спишь?

– Нет, – отозвался Пал-Пол.

– Хочешь пить?

– Хочу. – Только теперь Пал-Пол почувствовал жажду. Мальчик снаружи водил пальцами по переплетенным прутьям, ища подходящую щель. Нашел. Сквозь щель он просунул тоненькую трубочку стебля камыша. Сквозь другие щели Пал-Пол видел, что Тав-Чев держит в руке калабаш из скорлупы кокосового ореха. Пал-Пол взял конец просунутой трубочки в рот. По другую сторону стены мальчик поднес калабаш к другому концу трубочки. Пал-Пол стал втягивать в рот душистую влагу. Это был сок манго. Когда калабаш был осушен, Тав-Чев спросил:

– Хочешь еще?

– Хватит. Мать знает, что ты ушел из дома?

– Нет. Она пошла с Ниуфат к ручью мочить лицо. Она не хочет, чтобы ты знал, что она плакала. Она мочит лицо, чтобы глаза не были распухшие.

– Она злая?

– Сперва была злая. А потом плакала.

– Ладно. Беги домой, пока она не вернулась.

– Можно ей сказать, что ты заболел?

– Нет. Я учил тебя не врать. И это всё равно не поможет.

Мальчик повернулся, быстро побежал краем площади к дому. Ему было десять лет. Пал-Пол каждый год делал зарубки на столбе входной двери. Годы считать легко: сезон дождей и сезон засухи – это год. Десять зарубок. А своего возраста Пал-Пол точно не знал. Один год из его возраста был под сомнением.

Он рано женился. Редко кто из мальчиков женится в таком возрасте. Получилось так, что Соу-Най сама выбрала его в мужа. Она тогда спросила:

– Сколько тебе лет?

Ему было тогда не то двенадцать, не то тринадцать лет. Один год под сомнением. Но он твердо ответил:

– Тринадцать.

– А мне четырнадцать, – с гордостью сказала она и растопырила длинные тонкие пальцы на руках – десять, а потом взмахнула рукой и показала еще четыре пальца. Десять и четыре.

Это было солнечным утром. Они сидели рядом на камнях у самого океана. Поодаль сидела Ниуфат. Соу-Най так привыкла к ее постоянному присутствию, что не обращала на нее внимания и говорила с Пал-Полом, будто они были только вдвоем.

– Ты хочешь быть моим мужем? – спросила Соу-Най.

Она была дочерью короля, и Пал-Пол твердо ответил:

– Хочу.

– Муж должен быть сильным. Давай бороться, кто кого положит на спину.

Она поднялась с камня. Он тоже поднялся. Они были одинакового роста. Соу-Най была длинноногой девочкой с очень тонкой талией. Тут Пал-Пол понял, что он намного тоньше ее и в бедрах, и в плечах, и в груди. Он был очень худым, как все быстро растущие мальчики. Пригнувшись, они ухватили друг друга за предплечья, стали бороться. Пал-Пол завел ногу за ноги Соу-Най и со всей силы качнул ее вбок, как он это делал в борьбе со своими сверстниками. Но Соу-Най устояла на своих длинных ногах. Пал-Пол попытался обхватить ее талию, но она быстро сменила положение руки и сама обхватила его. Он опять завел ногу за ее ноги, и это была его ошибка. Удерживаясь на ногах, она резко наклонила его в сторону, так что для равновесия ему пришлось высоко задрать ногу. Тут уж ей ничего не стоило повалить его на песок. Правда, они повалились оба, но Соу-Най, падая, надавила на его плечи, и он упал на спину, прижатый ею к земле. Она тут же с торжеством вскочила на ноги.

– Я сильнее тебя, – сказала она.

– Это потому, что ты старше на год, – пояснил Пал-Пол, тоже вскакивая на ноги. – Я расту и через год буду выше тебя и сильней.

– А я тоже расту, – возразила Соу-Най.

– А я расту быстрее, потому что ты уже кончаешь расти, – не сдавался Пал-Пол.

Соу-Най села на прибрежный песок. Пал-Пол сел рядом. Подошедшая во время их борьбы Ниуфат снова отошла и присела на камень. Соу-Най нахмурилась.

– Отец говорит, что мне должны выбрать мужа в этом году.

– А ты сама не будешь выбирать? – спросил Пал-Пол.

– Может и буду, – тут Соу-Най как-то странно посмотрела на Пал-Пола и сказала: – А у меня груди растут. – И она провела рукой по груди. – Вот потрогай. – Пал-Пол прикоснулся пальцами к ее маленькой выпуклой груди. – Да ты не бойся, сильнее потрогай, – сказала она.

Пал-Пол слегка сжал ладонью ее грудь, потом стал пальцами водить по мягкому торчащему соску. Ниуфат тотчас поднялась с места, подошла ближе, остановилась. Пал-Пол отвел руку. Не обращая внимания на Ниуфат, Соу-Най спросила:

– А тебе приятно трогать у меня грудь?

– Приятно, – признался Пал-Пол.

– Мне тоже, – сказала Соу-Най и вздохнула.

Теперь Пал-Пол сам удивился, что так хорошо запомнил этот разговор из далекого детства, когда они с Соу-Най впервые уединились от людей, не считая Ниуфат. Король Намикио уступил своей упрямой дочери и на совете старейшин настоял на том, чтобы отцом будущего короля стал Пал-Пол.

Свадьбы в семьях вождей и старейшин, а тем более в королевской семье, происходят при участии всей деревни.

От площади до королевского дома по земле были расстелены пальмовые и банановые листья, на которых были расставлены в тыквянных и кокосовых калабашах, а то и в мисках из обожженной глины, всевозможные яства и напитки. Были дудки, барабаны и пляски, и был шум веселящейся толпы. Пал-Пол добросовестно старался сохранять независимый и довольный вид, как и положено жениху, отвечал улыбкой на приветствия и поздравления, а то и грубоватые шутки, возбужденных напитками и едой жителей деревни.

Присутствовали и представители других деревень. И каждый из гостей считал своим долгом повторять свои поздравления, как только встречался глазами с Пал-Полом и Соу-Най, так что улыбаться приходилось почти постоянно. Соу-Най держалась великолепно, как и положено дочери короля. Ослепительная улыбка не сходила с ее лица. Вся она с головы до ног была украшена гирляндами цветов, как впрочем и многие девушки и женщины, присутствовавшие на свадьбе.

С наступлением темноты принесли зажженные факелы. Мужчины размахивали факелами, рассыпая вокруг искры, и женщины восторженно визжали. Всё это уже не веселило Пал-Пола, потому что предстоял заключительный обряд.

Существовал обычай, по которому несовершеннолетний мальчик, беря в жены девушку, должен был продемонстрировать перед людьми мужского пола эрекцию, чтобы доказать свою мужскую дееспособность. Обычай распространялся на мальчиков до четырнадцати лет. После четырнадцати лет эрекция подразумевалась сама собой. Пал-Полу было тринадцать лет, а может, и двенадцать, один год под сомнением. Ему, как и другим детям, уже приходилось подсматривать половые акты взрослых людей, и при этом Пал-Пол чувствовал естественное возбуждение.

Однажды это случилось в присутствии Соу-Най. Они еще не были объявлены женихом и невестой. По дороге к предгорью, где растет шелковица со сладкими ягодами, они увидели

в стороне от тропы совокупляющихся юношу и девушку. Соу-Най первой увидела их. Она дернула Пал-Пола за руку, сказала шопотом:

– Смотри!

Пригибаясь за кустами, они подкрались ближе к любовной паре. Ниуфат, как всегда следующая за ними, осталась на тропе, не считая предосудительным позволять королевской дочери присутствовать при таком зрелище. Пал-Пол и Соу-Най присели за раскидистым кустом, наблюдая волнующее зрелище. Пал-Пол почувствовал, как его член твердеет. А Соу-Най, дыша ему в ухо, шептала:

– Видишь?

Половой акт закончился в резких судорогах влюбленных. Их расслабленные тела, наконец, застыли, а Соу-Най и Пал-Пол продолжали на них смотреть.

Соу-Най шопотом спросила:

– А ты бы хотел так? Ё

Пал-Пол не ответил. Его напряженный член торчал вверх. Он поднялся на ноги спиной к Соу-Най, пошел дальше по тропе. Соу-Най пошла за ним. Она всё поняла.

– Почему ты повернулся ко мне спиной? – спросила она.

Пал-Пол напряг мускулы, готовый к сопротивлению, если она сзади схватит его и повернет лицом к себе – увидеть его эрекцию. Но она не сделала этого. Тактичная. Всё же дочь короля.

Когда при свете факелов они в окружении веселой толпы шли к своему новому дому, Пал-Пол мучительно сожалел, что ему еще нет четырнадцати лет. Вокруг были подростки и мужчины, которые были выше его ростом, и большинство женщин были выше Соу-Най, хотя та считалась высокой среди своих сверстниц. Впереди шел отец Соу-Най, король Намикио, с которым у Пал-Пола уже наладились хорошие отношения. Но теперь он был чужим, взрослым. Пал-Пол держался вытянувшись – хотел казаться выше ростом.

Новый дом для дочери короля строился при участии всей деревни и был выстроен за два дня. Король Намикио остановился у входа, а Пал-Пол и Соу-Най вошли внутрь. Они были одни. Но свет факелов проникал сквозь бамбуковые плетеные стены, которые не заглушали гул нетерпеливо ожидающей толпы. Пал-Пол чувствовал напряжение во всем теле, будто вся эта толпа могла его видеть. Ни на какую эрекцию не было и намека. Но перед свадьбой Соу-Най все утро провела в обществе опытных женщин, а Пал-Пола наставляли мужчины, перечисляя все возможные случаи, которые могут произойти в первую брачную ночь. Соу-Най и Пал-Пол прошли в заднюю часть дома, отгороженную плотной камышевой завесой, сели рядом на циновки. Они машинально всё делали так, как были заранее научены. Нужно было начать с тихих взаимных ласк. Когда Соу-Най, проводя ладонями по его телу, впервые коснулась пальцами его члена, он сразу почувствовал общее возбуждение. По мере дальнейших ласк член твердел. Они поднялись на ноги, обнялись по всем правилам, которым их обучили. Эрекция дошла до предела. Он чувствовал теперь, что Соу-Най испытывает то же самое, что и он. Прильнув друг к другу, они терлись щека о щеку. Наконец, вспомнив о своем достоинстве дочери короля, Соу-Най оттолкнула его от себя, сказала:

– Иди.

И он пошел к выходу. Перед тем, как выйти наружу, он остановился, посмотрел на свой торчащий кверху член, и ему стало мучительно стыдно. Но Соу-Най обеими руками надавила его в спину, и он вышел наружу, на яркий свет факелов. И сразу раздался восторженный рев. Здесь были одни мужчины, женщинам присутствовать при этом обряде не полагалось. Впереди стоял сам король Намикио, а за ним толпа мужчин всех возрастов. Намикио широко ухмыльнулся с удовлетворенным видом, а толпа продолжала гоготать и восторженно выть. Вдали слышался и женский визг. Женщины находились на почтительном расстоянии, но услышав рев мужчин, догадались о происходящем. Пал-Пол поднял руку в приветственном

жесте, как его научили, повернулся и снова вошел в дом. Толпа стала расходиться. Факелы один за другим гасли. Гул толпы переместился в сторону площади. Пал-Пол и Соу-Най прошли в заднюю часть дома и там на разостланных в несколько слоев циновках, наконец, оба вместе потеряли девственность.

Предаваясь воспоминаниям, Пал-Пол снова растянулся на циновке во всю длину клетки, но тут же поднялся на ноги: от циновки исходил едва уловимый, но весьма противный запах мочи. Несколько дней назад в этой клетке сидел Катото за то, что не в сезон подстрелил горную пузатую козу. Он лучше всех в деревне стрелял из лука и попадал в цель почти не целясь. Бывают такие везуны. Его правильно наказали. Пузатая коза скоро должна была принести козлят. Если каждый будет стрелять в пузатых коз, они скоро переведутся в горах. А вот Пал-Пол сидит в этой клетке по несправедливому закону.

Тут ему захотелось ссать. Конечно, он не будет ссать прямо на пол, как этот негодяй Катото, подстреливающий пузатых коз. В стенах клетки не было щели достаточной ширины, чтобы просунуть член. Пал-Пол приставил головку члена к одной из подходящих щелей, так что струя мочи почти вся вылилась наружу. Днем солнце выжжет запах мочи.

Небо слегка посветлело. Хотя на востоке еще не появилась желтая полоса, было ясно, что скоро утро. Пал-Пол сел на циновку, стал размышлять о своем возрасте.

Когда родился Тав-Чев, Соу-Най было пятнадцать лет и две луны. Значит, Пал-Полу было четырнадцать лет и пять лун.

Пал-Пол долгое время сохранял верность жене. Впервые он изменил Соу-Най, когда она была беременна вторым ребенком и уже собиралась родить. Ей уже исполнилось шестнадцать лет. Значит, Пал-Полу было уже пятнадцать и три луны, а может и четырнадцать, один год под сомнением. Теперь он был уже выше Соу-Най и сильнее. Пал-Пол с тремя молодыми мужчинами отправился охотиться на горных коз. У всех четверых были хорошо пристрелянные луки и стрелы с наконечниками из заостренных раковин. В горах они договорились пойти в разные стороны. Это в четыре раза увеличивало возможность увидеть козу. Пал-Пол поднялся по каменистому склону, обходя колючие кусты. В стороне на каменном уступе он увидел женщину, выкапывающую палкой из-под камня целебный корень. Пал-Пол хотел пройти мимо, но вид и поза женщины привлекли его внимание, и он остановился. Женщина сидела на корточках, широко расставив колени. Большие груди, похожие на плоды дынного дерева, оттягивались до широкого живота, под которым из-под лобковых густых волос свисал отчетливый язычок клитора. Пал-Пол подошел ближе. Наконец, женщине удалось вытащить из земли корень, она увидела Пал-Пола, поднялась во весь рост. Большие груди выступали вперед. Она улыбнулась, и ее улыбка была такой же широкой, как ее тело. Она была очаровательна, хотя и старше Пал-Пола вдвое, а то и больше.

– Хочешь быть молодой? – спросил Пал-Пол, указывая на корень, настой из которого по общему убеждению омолаживал людей.

– Это для моего мужа, он заболел, – сказала женщина, продолжая улыбаться, будто сообщила приятную новость.

Пал-Пол тоже улыбался.

– А сколько у тебя мужей? – спросил он.

– Двое.

– А детей?

– Четверо. А ты вырос. Я была на твоей свадьбе. Ты был меньше.

– Я тогда тебя тоже заметил и запомнил, – соврал Пал-Пол.

Женщина не поверила, засмеялась.

– Как ты меня мог заметить, если я не подходила к тебе?

– Я увидел тебя издали. И запомнил.

Женщина была уже не молодой, опытной, ее трудно было обмануть. Она спросила:

– И что тогда на мне было надето?

Поскольку на свадьбе почти все женщины были в гирляндах из цветов, преимущественно белых, Пал-Пол ответил:

– На тебе была гирлянда из белых цветов.

И женщина, кажется, поверила, перестала улыбаться, как-то внимательно посмотрела на Пал-Пола. Он подошел к ней вплотную, приподнял рукой одну ее грудь. Женщина не пошевелилась. Пал-Пол продолжал удерживать на ладони эту тяжелую грудь, чувствуя, как твердеет и поднимается его член. Женщина сказала:

– Тебе нельзя. На тебе табу.

– Табу в деревне, где люди, – быстро сказал Пал-Пол. – А здесь никого нет. Только я и ты.

Женщина молчала. Пал-Пол обнял ее, опустил лицо в ее толстое мягкое плечо. Хотелось полностью прильнуть к этому роскошному телу, но это не позволяли ее большие, выпирающие вперед груди. Он просунул одно колено меж ее полных ног. Она тоже обняла его, сказала тихо:

– Подожди. Отойдем на то место.

Он оглянулся, увидел большой плоский камень, на который она ему указала, практически выбрав подходящее место для любовного соития.

После короткого но сильного оргазма Пал-Пол почувствовал боль в локтях и коленях, на которых ему приходилось удерживать тяжесть своего тела. Секс на твердом камне доставлял некоторые неудобства. Женщина нетерпеливо пошевелилась. Он снова почувствовал поднимающееся в нем возбуждение. Она спросила:

– Ты хочешь еще?

– Хочу.

– Мне пора уходить, – сказала она. Пал-Пол тотчас сжал ее плечи, не давая ей сменить позу. – Хорошо, – сказала она. – Только дай мне повернуться на бок.

Они повернулись на бок. Он прижался животом к ее широким мягким ягодицам. На этот раз половой акт длился долго. Они много раз меняли позы, и каждый раз это было новое открытие зрелого женского тела.

Пал-Пол встретился со своими тремя товарищами в условленном месте. Никто из них не подстрелил козу. Только у Пал-Пола были синяки и ссадины на коленях и локтях. Он сказал, что видел козу, но преследуя ее, сорвался со скалы и расшибся. То же самое он сказал дома беременной Соу-Най.

– В следующий раз будь осторожней, – сказала она.

На другой день Пал-Пол снова отправился в горы, на этот раз без товарищей. Он договорился встретиться с женщиной на том же месте. Она пришла со свернутой тростниковой циновкой, которую тут же расстелила на том же плоском камне. Циновка была толстой, так что на этот раз обошлось без синяков.

Однажды, во время соревнования мужчин по стрельбе из лука, Тибу-Тов, двоюродный брат Соу-Най, отозвал в сторону Пал-Пола и сказал:

– Ты нарушил твоё табу. Я видел.

Пал-Пол растерялся. Тибу-Тову было девятнадцать лет, и у него была жена. Пал-Пол заговорил фальшиво-интимным тоном:

– Тибу-Тов, у тебя красивая молодая жена. Но ты часто заигрываешь с молодыми девушками. Я сам видел.

– На мне нет табу, – сказал Тибу-Тов. – Но я всё равно не изменяю жене. А если мне понравится другая девушка, я возьму ее второй женой и не буду с ней тайно встречаться, как ты со старухами.

– Она вовсе не старуха, – тотчас возразил Пал-Пол и тут же осекся, поняв что выдал себя.

– Так это правда то, что мне передали? – прорычал Тибу-Тов.

Пал-Пол не нашелся что сказать.

– Если это повторится ... – сказал Тибу-Тов и поднес огромный кулак к лицу Пал-Пола, а тот молчал, глядя то на кулак, то на ваздувшиеся бицепсы Тибу-Това.

Однако, Тибу-Тов ничего не сказал ни королю, ни старейшине, ни самой Соу-Най. Вероятно, он не хотел огорчать двоюродную сестру перед самыми родами. Он обожал Соу-Най, и очень гордился тем, что его двоюродная по матери сестра – дочь короля, а ее сын – будущий король.

Всё же Пал-Пол еще долго встречался с этой женщиной даже после того, как Соу-Най родила. Он так и не знал ее имени, – каждый раз собирался спросить, но каждый раз, лишь завидя ее, бросался в лоно ее большого мягкого тела, как пловец бросается в море, забывая обо всём. Он только знал, что она живет в Каменной деревне. Так деревня называлась потому, что стояла на прибрежных скалах с пещерами. Некоторые жители деревни жили в пещерах, пристраивая к ним бамбуковые стены и навесы.

А Соу-Най родила дочь. Девочку называли Коли-Тай.

Пал-Пол обожал свою дочь. Если к сыну он относился со снисходительной покровительственностью, как к младшему брату, то к девочке он уже испытывал самые нежные отцовские чувства.

Он подбрасывает ее высоко на руках. У нее еще не прорезались зубы, и она в восторге разинула розовый ротик. Он тоже хохочет, разинув рот. А рядом Соу-Най: – Осторожно! Не урони! – У Коли-Тай прорезались все зубы, – две полоски крохотных белых кораллов. Он держит ее вниз головой над струящимся ручьем. Она шлепает ладошками по воде.

Коли-Тай рано научилась плавать. В четыре года она держалась на воде лучше своих сверстников. Это приводило его в восторг. Соу-Най опять забеременела и все дни проводила на берегу океана, поскольку считалось, что ребенок в утробе матери должен получить как можно больше солнечного тепла. Пал-Пол, сидя на песке, прилаживал каменный наконечник к копыю, когда с берега закричали, что на Коли-Тай напали акулы. Пал-Пол бросился к воде. Люди стояли в прибрежных волнах, не решаясь войти в океан. Рыдающую Соу-Най женщины оттащивали от воды. Коли-Тай уже не было. Только за линией прибоя скользили по воде черные плавники акул. Пал-Пол бросился в воду, одним прыжком перепрыгнув прибойную волну, поплыл туда, к острым движущимся плавникам, которые тут же направились в его сторону. Люди бросились за ним. Он отбивался от них в воде кулаками. Одной из женщин удалось схватить его за волосы и утащить под воду. Несколько мужчин тут же потащили его за руки и за ноги из воды. Он выл. Руки и ноги ему прижали к песку. Он вырывался, судорожно выгибаясь, не переставая громко выть. Соу-Най, рыдая повалилась на него всем своим телом. Когда его вели к дому, он продолжал выть, а потом в горле что-то надорвалось, и вой перешел в рычащий хрип. Потом дома он и Соу-Най сидели на циновке, обнявшись и прижавшись друг к другу, не двигаясь, почти не дыша. Слез не было ни у Соу-Най, ни у него. Люди стояли вокруг их дома, и никто не осмеливался войти, чтобы утешить их, потому что они знали, что утешить невозможно. Пришел король Намикио. Соу-Най поднялась навстречу отцу, тот обнял ее за плечи, обратился к Пал-Полу:

– Вы оба виноваты. Нельзя разрешать детям заплывать в океан.

Намикио, привыкший давать советы и указания, продолжал наставлять. Пал-Пол не смотрел на него. Поняв, наконец, их состояние, Намикио замолчал, а потом заговорил уже другим тоном:

– Моего сына тоже съели акулы. Второй сын упал с кокосовой пальмы, разбился насмерть. Старший сын сорвался со скалы, когда охотился на коз. Тоже разбился. – Намикио посмотрел на лук и стрелы Пал-Пола, лежащие в углу, сказал: – Надо запретить охоту на коз.

Намикио не ел мяса. От мяса у него начинались боли в желудке.

Два дня Пал-Пол ни с кем не заговаривал. Ему не хотелось есть, и Соу-Най заставляла его есть, хотя сама почти ничего не ела. На третью ночь Соу-Най родила – раньше ожидае-

мого срока. Родился мальчик. Это вывело Пал-Пола из состояния оцепенелости. Уже с утра он почувствовал голод и с аппетитом позавтракал. И тут ему захотелось сделать новую татуировку на одной голени. Человек очень сильный, может перенести любое горе и потрясение. Наверное, человек сильнее всех других живых существ. Если бы животные могли переживать горе с такой же силой, как человек, они бы не выжили.

Пал-Пол ввел новый обычай в деревне: делать татуировку без выкалывания. Художник Большой деревни просто делал рисунок на коже, не выкалывая его. Такая ложная татуировка имела большие преимущества. Краска из ягод и листьев сходила после нескольких дней купания, и тогда можно было наносить новый рисунок, в то время как обычная татуировка оставалась навсегда, и ее нельзя было заменить. Подростки быстро подхватили этот способ разукрашивания себя, и художнику Большой деревни пришлось взять двух учеников себе в помощь, потому что молодые люди постоянно осаждали его просьбами нанести еще один новый рисунок. В очереди к художнику Пал-Пол заговорил со своим старым другом Катогай. Тот выразил ему свои соболезнования, но увидев, как помрачнел Пал-Пол, стал рассказывать ему последние сплетни. И тут, улыбаясь, он тихим голосом сообщил, что несколько лет назад в Каменной деревне одна пожилая женщина родила девочку, очень похожую на Пал-Пола и его детей. Пал-Пол вспомнил женщину из Каменной деревни и весь похолодел. Ему представилось, что гибель Коли-Тай – наказание за встречи с той женщиной. Ведь это было как раз в то время, когда родилась Коли-Тай. Эта мысль преследовала его несколько дней.

А потом был сбор кокосовых орехов. Мужчины залезали на пальмы, сбивали спелые орехи, а женщины внизу их подбирали, складывая в кучи. Когда Пал-Пол слез со своей пальмы, он увидел прямо перед собой смеющуюся женщину. Она бежала к упавшему ореху, стараясь опередить других женщин. Пал-Пол узнал ее. Боу-Фай. Она была его ровесницей. Он помнил ее неуклюжей худой девочкой с острым подбородком. Один уже немолодой мужчина взял ее второй женой, и Пал-Пол потерял ее из вида. Он только знал, что с тех пор у нее родилось двое детей. Теперь это была зрелая женщина. Она быстро подхватила с земли кокосовый орех, и при этом ее груди упруго взметнулись. Пал-Пол сказал:

– А я сперва не узнал тебя, Боу-Фай. Ты была такой худой.

Она остановилась, сказала с улыбкой:

– Ты тоже был худым. Ты и теперь худой, но тогда ты был уж совсем. А я стала толстой.

– Я люблю толстых женщин, – быстро сказал Пал-Пол.

– А я люблю худых мужчин, – блеснув глазами сказала она.

Это было уже открытое согласие на сближение, и Пал-Пол спросил:

– Что ты собираешься делать после сбора орехов?

– Пойду за водой.

– К ручью?

– Да.

– Лучше к водопаду. Там вода чище.

Они оба теперь говорили тихо и быстро, нужно было скорей договориться, пока рядом никого не было.

– Хорошо, к водопаду, – тотчас сказала она.

– Я помогу тебе набрать воды. Я буду ждать.

В этот момент мимо проходила другая женщина. Пал-Пол громко спросил:

– И ты сама будешь раскалывать?

Боу-Фай так же громко ответила:

– Мой муж всегда раскалывает орехи сам. Он это хорошо умеет.

Пал-Пол сказал Соу-Най, когда они возвращались домой со связками орехов, что хочет навестить своего друга Катогу, который жил в большом доме поблизости водопада. Маленький водоем, куда с крутой скалы падала вода, был окружен густой лиственной чащей. Пал-Пол еще

издали увидел Боу-Фай. С ней была пожилая женщина, тоже пришедшая за водой. Женщина уже набрала в лыковое ведро воды и разговаривала с Боу-Фай. Пал-Пол зашел в чашу, выждал, когда женщина с ведром удалилась, и быстро подошел к Боу-Фай.

– Ты обещал мне помочь набрать воды, – сказала она с улыбкой.

Глаза ее блестели. Пал-Пол взял у нее ведро, а другой рукой взял ее за руку.

– На тебе табу, – сказала она с той же соблазнительной улыбкой.

– Сейчас я тебе всё объясню, – сказал он серьезно и повел ее в тенистую чашу деревьев.

Краем глаза он наблюдал, как при каждом шаге упруго вздрагивают ее большие груди. Бедра ее были широкими, а ступни и кисти рук маленькими. Она была необыкновенно хороша, и ему захотелось сказать что-нибудь необыкновенное.

– Мне давно снится один и тот же сон, – начал он. – Мне снится девушка, которую я никогда не видел. Когда сегодня я увидел тебя, я понял, что это ты приходила ко мне во сне.

Она посмотрела на него удивленно и растерянно. Они остановились. Он поставил лыковое ведро на землю и сказал:

– На сны не бывает табу.

Она посмотрела вниз на его поднимающийся член и серьезно подтвердила:

– Не бывает.

Он обнял ее, а потом подхватил под колени и усадил на влажную прохладную траву. Боу-Фай несмотря на полноту оказалась очень гибкой и во время секса легко меняла позы. Достаточно было одного движения его руки, как она тут же понимала, что ему нужно, легко закидывала ногу ему за шею, или глубоко прогибалась в талии. Когда они вернулись к водопаду, он набрал ей воды, поднеся ведро высоко к началу падающей струи, а потом галантно донес ведро до широкой тропы, и расстался с ней, договорившись о следующей встрече. Они много раз встречались, и об этом так никто и не узнал.

А вот с девушкой из береговых домов ему не повезло. С ней он встречался всего три раза, и уже на третий раз его выследили. Так он впервые попал в клетку.

С двумя следующими девушками он был уже осторожней.

А вот с Фан-Фао он попался по легкомыслию. Фан-Фао тоже жила в Большой деревне неподалеку от площади. Однажды он встретил ее на главной тропе деревни, когда поблизости никого не было, остановил ее и сказал, что ему давно снится одна девушка, которой он никогда не видел, и что теперь он понял, что эта девушка и есть Фан-Фао. Глаза Фан-Фао тут же восторженно заблестели. Пал-Пол уже знал, что не только девушки, но и зрелые женщины любят, когда им говорят необыкновенные вещи, и верят этим вещам. Фан-Фао пригласила его к себе домой, сказав что ее родители, брат и старшие сестры ушли навещать родственников на другом конце деревни. После этой первой встречи последовали другие. Поскольку они жили неподалеку друг от друга, встречи можно было назначать в пределах деревни. Один раз они даже встретились ночью на площади. По краям площади росли колючие кусты, а нетерпение их было настолько велико, что они не стали искать в темноте подходящего места, а совершали свой акт стоя, прижавшись к стволу толстого дерева.

Пал-Пол активно участвовал с другими молодыми мужчинами в охоте, рыбной ловле, военных играх, и постепенно утратил чувство осторожности, будто на нем не было никакого табу, и он был свободен как и его товарищи.

Это был жаркий день в сезон засухи. Почти все люди ушли кто к океанскому берегу, кто в тенистую рощу, где было прохладное озеро, поросшее камышами. Пал-Пол договорился встретиться с Фан-Фао в ее доме. Он сказал Соу-Най, что идет на берег, а сам пошел к дому Фан-Фао. Соу-Най осталась дома кормить ребенка. Друзья Пал-Пола Катога и Пак-Чон – брат Фан-Фао – пришли позвать Пал-Пола на лесное озеро ловить сетью рыбу. Катога собирался взять Фан-Фао себе в жены, и это сближало его с Пак-Чоном. Когда Соу-Най сказала, что Пал-Пол пошел к океану, Катога переглянулся с братом Фан-Фао. Они только что были на океане

и не видели Пал-Пола. Вероятно, они и раньше что-то подозревали. Они оба молча вышли из дома и направились к дому Фан-Фао. Подозрительная Соу-Най с ребенком на руках пошла за ними, а за ней, как всегда, последовала Ниуфат. Пал-Пол и Фан-Фао, уверенные в том, что в эту жаркую пору дня в деревне никого нет, даже не вошли в дом, улеглись на циновки под навесом на террасе, обнесенной вьющимся виноградом. От жары их тела потели в местах соприкосновения, и они договорились не касаться друг друга. Пал-Пол, опираясь на ладони и на пальцы ног, навис над распростертой Фан-Фао, делая рывки бедрами, не касаясь ее тела, в соприкосновении были только их совокупленные половые органы. Это было даже забавно, и они заговорчески улыбались, глядя в глаза друг другу. У входа на террасу неожиданно появились Пак-Чон – брат Фан-Фао и Катоба, а из-за их спин выглядывали Соу-Най и Ниуфат. На разразившийся скандал прибежали несколько мужчин и женщин, оказавшихся в деревне. Последовало заточение в клетку. Пал-Пол признавал свою вину: он потерял осторожность. Со следующей девушкой он встречался, принимая все необходимые меры.

Новорожденного сына Пал-Пола называли Баму-Чев. Преждевременно рожденный, мальчик был хилым, плохо сосал грудь Соу-Най. Старые люди говорили, что преждевременно рожденные дети всегда хилые, но зато долго живут и доживают до глубокой старости. Но Баму-Чев заболел и умер, когда ему не было и года. Его хоронили в океане, как и всех умерших. Из Прибрежной деревни пригнали большое каноэ, в которое сели Пал-Пол, Тав-Чев и Тибу-Тов. Пал-Пол держал в руках мертвого Баму-Чева, завернутого в пальмовые листья – совсем маленький легкий сверток. Тибу-Тов медленно греб веслом. За ними следовало еще четыре каноэ. В одном из них сидел король Намикио. Соу-Най стояла на берегу, глядя им вслед. Женщинам нельзя садиться в каноэ: табу. Они заплыли далеко в океан, так что лица людей, стоящих на берегу, стали неразличимы. Тибу-Тов перестал грести. Пал-Пол прижался щекой к тельцу мертвого сына. Тав-Чев тоже коснулся рукой своего младшего брата: часть ману – души умершего – должна остаться с ними. И Пал-Пол, перегнувшись через борт, опустил безжизненный сверток в прозрачную волну.

Вскоре после этого Пал-Пол стал встречаться с девушкой из Прибрежной деревни. Он был так осторожен, что никто его не подозревал в нарушении табу.

А в этот раз он попался с первого раза. И самое обидное было в том, что Ол-Мэй нравилась ему более других женщин и девушек, с которыми он раньше встречался. Вероятно, это была любовь, о которой складываются легенды, о которой все мечтают, и только немногие ее удостаиваются.

И тут Пал-Пол почувствовал себя таким несчастным, что растянулся на вонючей циновке во всю длину клетки и тихонько завыл.

Глава 2. Наказание. Состязание. Морские свиньи

С восходом солнца жители Большой деревни потянулись к площади, посреди которой четверо мужчин установили деревянные козлы, подпертые большими камнями. На козлы уложили тонкие стволы деревьев, переплетенные лыками, образуя таким образом узкий настил, именуемый лелепом. Наказания были двух видов: сечь ивовыми прутьями по спине и бить бамбуковыми палками по пяткам. Количество ударов бамбуковыми палками отсчитывалось по пальцам и было кратно десяти: десять, двадцать и тридцать – в зависимости от тяжести преступления. Количество ударов ивовыми прутьями не ограничивалось: секли до трех кровей. Это означало, что кровь должна выступить в трех местах. После третьей крови сечение прекращалось. Каждый удар прутом оставлял на спине вздувающийся красный рубец. Обычно кровь выступала в месте пересечения рубцов, поэтому исполнители, чтобы продлить наказание, старались наносить параллельные удары. За этим строго следил старейшина Канига.

За нарушение табу Пал-Полу полагалось сечение. Поскольку Пал-Пол являлся отцом будущего повелителя, обычные исполнители не имели права его сечь – это поручалось самой дочери короля.

До Соу-Най на памяти людей не было случая, чтобы исполнителем была женщина. С другой стороны, случая, чтобы наследником короля был не сын, а внук, на памяти людей тоже не было. А что, если у короля и внуков нет, а только внуки? До такого сложного вопроса в Большой деревне никто еще не додумался.

Когда на площадь пришел Намикио, король Земли, в сопровождении своих трех жен, Пал-Пола вывели из клетки. Он был совсем голым, без головного убора. Его волосы, выцвеченные рыбьей желчью, и выкрашенные в красный и зеленый цвет, спутались и торчали космами в разные стороны.

Все мужчины были в головных уборах и набедренных повязках из серой, а то и раскрашенной в разные цвета, тапы. А женщины так и пестрели нарядами из разноцветных тап, а также из раскрашенных травяных плетенок, окаймленных нитками красных и розовых кораллов. И на мужчинах, и на женщинах были бусы из кораллов, ягод, раковин, орехов, акульих зубов.

В предвкушении интересного зрелища люди пребывали в приподнятом настроении, и это еще больше злило Пал-Пола. Поскольку он не прекращал сопротивляться, его пришлось тащить к лелепу четверем мужчинам.

Сопротивляться, конечно, было глупо, но Пал-Пол все равно упирался ногами в землю, вырывался, ему выкручивали назад руки, волочили по земле, а он всё продолжал сопротивляться, пока его не уложили на лелеп животом вниз и не прикрутили руки и ноги веревками из пальмовых волокон. Все это приводило зрителей в восторг.

Распорядителем зрелища был Той-Пой, молодой, толстый, но очень подвижный, мужчина. Он был всего на пару лет старше Пал-Пола, но благодаря необыкновенной расторопности пользовался всеобщим уважением. Когда проводились соревнования, кто быстрее разведет огонь, Той-Пой всегда оказывался победителем, разводи он огонь высеканием, или раскруткой палочки, просунутой в щель сухого дерева. Теперь Той-Пой строгими, но вежливыми окриками удерживал толпу зрителей на положенном расстоянии от лелепа. Следовало наблюдать наказание с расстояния десяти шагов, и Той-Пой неустанно отмерял десять шагов от лелепа в разные стороны, устанавливая таким образом зрителей по кругу.

Рядом с королем Намикио и его тремя женами стояла его дочь Соу-Най, а позади нее, как всегда, Ниуфат. Тибу-Тов, двоюродный по матери брат Соу-Най, стоял рядом со своей второй женой, молодой мускулистой девушкой, которая по сравнению с могучим плечистым Тибу-Товом казалась изящной и маленькой.

Принесли высокое ведро с водой и гибкими ивовыми прутьями – из дома Пал-Пола. Он сам сплел его недавно из широкого лыка и обмазал снаружи смолой, а потом надел его на кол изгороди, чтобы оно высохло на солнце. Теперь смола высохла, и ведро почти не пропускало воду. И было очень обидно, что это его собственное ведро.

Из толпы вынырнул Тав-Чев, пробежал десять шагов пустого пространства, присел перед Пал-Полом. Никто не имел права приближаться к месту наказания, но распорядитель Той-Пой не посмел остановить будущего короля. Пал-Пол чувствовал мучительный стыд от того, что его сын видит его в таком позорном положении. Тав-Чев коснулся лбом лица Пал-Пола, так что их волосы соприкоснулись, зашептал в ухо:

– Я уговорил мать. Она обещала сечь сразу поперек, так что кровь сразу выступит. Всё кончится быстро.

Пал-Пол в знак признательности провел щекой по волосам сына. Чувство стыда и позора ушло. Десятилетний мальчик, единственный в толпе односельчан, кто ему сочувствовал, был его преданным другом, готовым разделить с ним все его невзгоды.

Тав-Чев отбежал назад к толпе, встал рядом со своим дедом, королем Намикио.

Пал-Пол твердо решил при наказании не проронить ни вздоха, ни стона – никаких звуков, которых нетерпеливо ожидала толпа.

Старейшина Канига вышел в круг пустого пространства вокруг лелепа, встал перед Пал-Полом, готовый наблюдать за исполнением наказания. И тут же в круг вошла Соу-Най, красивая и величественная, с выражением законного гнева на осунувшемся лице. На ней не было цветов и бус. Ее фигуру от плеч и почти до самых колен покрывало цветастое тапи, над выделкой которого работало несколько опытных женщин. Без паузы и предварительных приветственных жестов односельчанам она гибким движением руки вынула из ведра длинный прут, взмахнула им. Пал-Пол не выдержал и зажмурился, и тут же одновременно со свистящим коротким звуком почувствовал жгучую боль от нанесенного удара. По толпе пронесся удовлетворенный гул. Пал-Пол решил больше не щуриться, а смотреть прямо перед собой. А прямо перед ним стоял бесстрастный лысый Канига. При втором ударе Пал-Пол только сжал зубы, чтобы не вскрикнуть, хотя боль была сильнее. Самая острая боль пришлась на одну точку спины, будто к этому месту прикоснулись горящим углем. Пал-Пол понял, что Соу-Най ударила его поперек первого рубца, чтобы на пересечении показалась кровь. Таким образом количество ударов сокращалось. Но кровь не выступила, иначе Канига поднял бы кверху один палец: одна кровь. Вероятно, Соу-Най секла не в полную силу, уступив уговорам сына.

И тут на круг выбежала Фопу-Лей, самая старая женщина Большой деревни. Распорядитель толстяк Той-Пой не остановил ее из уважения: в деревне старых людей почитали. Фопу-Лей подбежала на своих тощих, кривых от старости ногах к Соу-Най, заговорила:

– Соу-Най, поперек не бей! А то кровь скоро будет. И зайди с другой стороны, чтобы бить по свежим местам!

Тут Пал-Пол не выдержал, повернув голову к старухе, зарычал:

– Пошла вон, старая коряга!

И толпа односельчан разразилась хохотом. У старухи нижние зубы были гнилые, а двух верхних вообще не было, и нос ее нависал над верхней губой. Не обращая внимания на выкрик Пал-Пола, Фопу-Лей продолжала наставлять Соу-Най:

– Зайди, зайди с другой стороны.

И Соу-Най, не меняя надменного выражения лица, послушалась, зашла с другой стороны. Последовал еще один обжигающий удар. Неудовлетворенная Фопу-Лей продолжала:

– И бей с оттяжкой. Пусть узнает как ебать молодых красивых девушек!

Конечно она это сказала специально – про молодых красивых девушек – чтобы обострить ревность Соу-Най. И это подействовало. Скосив глаза, Пал-Пол увидел, как у Соу-Най потемнели глаза, будто стали отбрасывать тень. Надменная дочь короля не потерпит, чтобы у нее

отбирали то, что должно принадлежать ей одной. Следующий удар был сильнее, так что всё тело Пал-Пола непроизвольно дернулось от жгучей боли. Но он всё же не застонал, а только крепко сжал зубы. Повернув голову к Соу-Най, он тихо проговорил:

– Эй, эй! Не очень!

Однако внимательная толпа расслышала, и снова раздался общий смех. А старуха Фопу-Лей не унималась, продолжала поучать, тресая седыми лохмами.

– Ты бей с силой, а потом сразу отдергивай прут, отдергивай тоже с силой. Тогда рубец будет толще. С оттяжкой.

И тут Пал-Пол снова почувствовал удар – действительно с оттяжкой. Ему показалось, что кожа на спине отскочила и обнажилось голое мясо. И невыносимо было слышать скрипучий голос старухи:

– Так. Правильно. С оттяжкой. И не поперек рубцов.

Пал-Пол снова повернул голову к старухе, рявкнул во весь голос:

– Заткни говном глотку, пизда старая!

И снова залп хохота восторженной толпы. И снова удар, как по живому мясу, и это мясо смещается с костей. Канига поднял кверху палец, объявил:

– Первая кровь!

Некоторые в толпе подняли торжествующе руки с вытянутыми указательными пальцами: первая кровь. Удары следовали один за другим. Из общего гула толпы выделился визгливый женский голос: – Всех бы мужчин так! – И это восклицание также было встречено хохотом развеселившихся односельчан. Когда Канига поднял два пальца и объявил – Вторая кровь! – некоторые люди восторженно запрыгали, над толпой вознеслось множество рук с вытянутыми двумя пальцами.

У Пал-Пола уже не было сил сжимать зубы. Всё тело казалось ему одной громадной раной, которая разрывалась при каждом ударе. Когда Канига объявил третью кровь, у Пал-Пола перед глазами расплылась зеленая дымка. Его отвязали, стали поднимать за руки, он дернулся, вскрикнув от боли, оттолкнул поддерживающих его мужчин. Это были его знакомые, друзья, но он не узнавал их. Отталкивая поддерживающих его людей, он пошел к своему дому, не чувствуя под собой шагов, не обращая внимания на глазающих на него людей. Перед входом в дом был внутренний двор, огороженный кольями, переплетенными ветками. Ветки давно засохли, но вместо них выросли вьющиеся растения, образующие живую изгородь. Переплетающиеся наверху ветви деревьев давали хорошую тень. Войдя во двор, Пал-Пол опустился на колени. Теперь для него ничего не существовало кроме боли во всем теле. От каждого движения дополнительно – жгучая боль в спине. Сбоку подошел Тав-Чев, поставил на землю маленькое ведро воды, которую только что принес от водопада. Пал-Пол не пошевелился. Тав-Чев зачерпнул калабашем воды из ведра, стал поливать Пал-Полу спину. Холодная вода тут же ослабила боль. Пал-Пол вздохнул. Тав-Чев, наблюдавший за выражением его лица, зачерпнул еще воды, снова полил на спину Пал-Пола. Стало легче. Пал-Пол попросил пить. Тав-Чев дал ему напиться из того-же калабаша и снова стал поливать ему спину водой. Когда вода кончилась, Тав-Чев опять побежал с пустым ведром по воду. Пал-Пол поднялся на ноги, вошел в дом. Соу-Най и Ниуфат сидели на циновках в разных углах. С появлением Пал-Пола Ниуфат поднялась и вышла. Даже не взглянув на Соу-Най, Пал-Пол медленно улегся на свою циновку животом вниз. Спина горела. В дверях показался Тав-Чев.

– Па, я принес еще воды от водопада. Полить?

– Немного, – отозвался Пал-Пол. – Чтобы спина была мокрая.

Пал-Пол уже знал, что когда спина мокрая, боль облегчается, а когда спина высыхает, боль усиливается. Вошел Намикио. Соу-Най поднялась навстречу отцу, вызвала Ниуфат, велела подать пой-пой – кашу из хлебного дерева с медом, от которой у Намикио меньше болел желудок. Некоторое время Намикио смотрел на Пал-Пола, а потом равнодушно спросил:

– Больно?

– Совсем не больно, – язвительно ответил Пал-Пол.

Настоящий король Земли смотрел на исполосованную рубцами спину Пал-Пола в то время, как будущий король Земли осторожно поливал эту спину ключевой водой, ладонью вытирая стекающие по бокам струйки, чтобы вода не затекла под грудь и живот. Настоящий король подошел ближе к Пал-Полу, сказал:

– Надо морской водой.

– Будет щипать, – сквозь зубы сказал Пал-Пол.

– От морской воды раны заживают, – сказал настоящий король.

Будущий король выпрямился, предложил:

– Я схожу за морской водой.

– Не надо, – проворчал Пал-Пол.

Настоящий король предложил:

– Тогда лист живого куста.

Будущий король сказал с готовностью:

– Я схожу за живым кустом.

– Не надо, – сказал Пал-Пол. – Я лучше потом выкупаюсь в океане.

Он поднялся на четвереньки, принял сидячую позу: невежливо было лежать в присутствии короля. Вошла Ниуфат, неся калабаш пой-пой. Король подошел к выходу, махнул рукой, и тотчас вошла Су-Бай, старшая жена короля, тоже с калабашем. Король уселся напротив Пал-Пола, поджав под себя ноги. Ниуфат поставила перед ними калабаш с пой-пой, Су-Бай поставила свой калабаш перед Пал-Полом. Это был напиток из голубой травы, приправленный черными ягодами. Обычно этот напиток изготавливался для короля, для облегчения боли в королевском желудке. На этот раз напиток был сделан для Пал-Пола по распоряжению короля, который полагал, что если напиток помогает королю, он должен помогать и простому смертному при любых недомоганиях. Пал-Пол отхлебнул напитка. Горько, но Пал-Пол из вежливости сделал еще глоток. Ниуфат принесла еще два калабаша с семечками желтого цветка и сладкой смолой. Когда Су-Бай и Ниуфат вышли, Соу-Най села рядом с королем, а Тав-Чев сел рядом с Пал-Полом. Так они всегда сидели во время визитов короля, который часто навещал свою дочь. Намикио накрутил на палец смолистой пой-пой, сунул липкий комок в рот. То же самое сделала Соу-Най, затем Пал-Пол, а после него Тав-Чев. Намикио положил в рот щепотку мягких семечек и, жуя, медленно проговорил:

– Нарушать табу – это плохо. – Прожевав семечки, он торжественно произнес: – Тот, кто нарушает табу – плохой человек.

– Я хороший человек, – возразил Пал-Пол. – Это табу плохое.

– Табу не может быть хорошим или плохим, – медленно произнес Намикио. – Табу – оно и есть табу.

– Это табу для меня придумали старейшины, – мрачно сказал Пал-Пол.

– Они правильно придумали, – сказал король. – Я с ними согласился.

– Если они его придумали, они могут его отменить.

– Я не позволю его отменить, – неожиданно резко сказал король.

– Это несправедливо. Я такой же, как все мужчины.

– Нет, не такой. Если отменить табу, моя дочь станет такой же, как все женщины.

Соу-Най неожиданно подавала свой голос:

– Тогда я тоже смогу изменять мужу! Или взять еще одного мужа, как другие женщины.

– И тогда, – заключил король, – никто не будет знать, кто отец ее детей. А Все должны знать точно, кто отец будущего короля.

– Будущий король уже есть, – сказал Пал-Пол и положил руку на плечо сына. – И все знают, кто его отец. У него такие же глаза, как у меня, и больше ни у кого таких глаз нет.

– С ним может что-нибудь случиться, и королем станет мой следующий внук.

– С ним ничего не случится, – Пал-Пол уже перешел на резкий тон.

– Но с твоей дочерью случилось, – возразил король. – Ее съели акулы, как и моего сына.

Напоминание о жуткой гибели Коли-Тай еще больше озлобило Пал-Пола. Он обнял за плечи Тав-Чева, его единственного преданного друга, твердо сказал:

– С ним ничего не случится. Я его охраняю.

– Всё понятно, – деланно ясным голосом сказала Соу-Най. – Отец будущего короля всем известен. Табу можно отменить. Пал-Пол становится обыкновенным мужчиной, а я становлюсь обыкновенной женщиной и могу изменять мужу, как и все женщины.

– Я этого не позволю, – с упрямой злостью сказал Пал-Пол, глядя на короля. – Я буду ее бить.

– Тебя тоже бьют, – разонно заметил Намикио. – Однако ты изменяешь своей жене.

– Я буду ее сильно бить, – с такой же злостью сказал Пал-Пол. – Я буду так ее бить, что она не посмеет изменять.

Тут он искоса взглянул на Соу-Най, и ему показалось, что она улыбнулась, но тут же ее губы снова плотно сжались. Намикио уперся обеими руками в землю, тяжело поднялся на ноги. На его лице было выражение усталости. Глядя на Пал-Пола, он равнодушным голосом произнес:

– Соу-Най – дочь короля. Табу никто не отменит.

Намикио вышел. Теперь Пал-Пол остро чувствовал свою унижительную зависимость от короля, старейшин, Соу-Най и всех односельчан, даже старой злобной карги Фопу-Лей.

Тав-Чев сказал:

– Па, пойдем на берег. Тебе надо искупаться.

– Потом, – ответил Пал-Пол. – Когда солнце будет не таким жарким.

Соу-Най сказала, не глядя на Пал-Пола:

– Лучше сейчас. Вечером солнце не греет. Выходить из воды будет холодно. Может случиться лихорадка.

Тав-Чев с готовностью вскочил на ноги, потянул Пал-Пола за руку. Тот поднялся с трудом, вышел из дома. Они направились к берегу. Тав-Чев не выпускал руки Пал-Пола.

Еще издали они увидели на берегу у приюта купающихся людей. Сегодня утром эти люди развлекались наказанием Пал-Пола, потом они разошлись по домам, поели и теперь наслаждаются освежающей морской водой. Пал-Пол чувствовал боль в спине и чувствовал ненависть ко всем этим людям. А рядом шел преданный Тав-Чев, не выпускавший его руки. Первым их увидел Катога, которого Пал-Пол считал своим другом и который во время наказания отпускал особо издевательские шутки. Он подбежал к Пал-Полу и с невинным видом заговорил:

– Сегодня высокий прибой. Тебе лучше отойти за камни. Там волны меньше.

Подшли другие мужчины, пошли рядом. Толстяк Той-Пой деловито подхватил совет Катоги:

– Сегодня ветер от мыса. За камнями волны маленькие.

Пал-Пол понимал, что большие волны будут ударять по больной спине, когда он будет входить в воду, но доброжелательные советы казались ему настолько ханжескими, что он отвернулся, продолжал молча идти к воде. Люди, шедшие рядом с ним, продолжали давать советы. А Тав-Чев упрямо тащил его за руку дальше, за большие камни. Старейшина Канига, вышедший из воды, направился к ним. Длинное мокрое голое тело блестело на солнце так же, как его лысая голова. Весь он был покрыт старомодной несмывающейся татуировкой, от времени приобретшей грязный серый цвет. Пак-Чон, брат злополучной Фан-Фао, с которой Пал-Пол так глупо попался в прошлый раз, деловито спросил:

– Ты мазал спину ореховым маслом? – и заглянув за плечо Пал-Полу, сказал: – Не мазал. Надо помазать перед тем как войти в воду. Тогда соленая вода не будет щипать.

– Не надо! – торжественно сказал Канига, и все утихли из уважения к старейшине. – Будет только сперва щипать, а потом пройдет. От морской воды раны быстро заживают и не гноятся.

Пал-Пол продолжал молчать, только ускорил шаг. Мужчины тоже пошли быстрее, не отставая от него. К ним присоединились женщины, тоже стали давать советы, и забегать Пал-Полу за спину, чтобы лучше видеть красные рубцы и раны на пересечении рубцов.

– Еще очень красные. И кровь еще идет, – сказала Боу-Фай.

– Завтра крови уже не будет, – успокоила другая женщина.

– Только на ночь надо смазать ореховым маслом, – наставительно сказала Су-Бай, старшая жена Намикио.

Пак-Чон подхватил:

– Я уже сказал. От орехового масла всё заживает.

Они зашли за высокие камни. Здесь действительно океан был почти спокоен. Пал-Пол, ведомый тав-Чевом, пошел в воду. Мужчины и женщины пошли за ними.

– Волны маленькие, – подтвердил толстяк Той-Пой. – Но ты всё равно не поворачивайся спиной к волнам.

Пал-Пол вошел в воду по бедра.

– А теперь присядь! – уже командным голосам сказал старейшина Канига.

Тав-Чев потянул Пал-Пола за руку книзу. Пал-Пол присел по горло в воде. И сразу в рубцах защипало, особенно в местах пересечений, где была кровь. Канига строго продолжал:

– И сиди так, пока не перестанет щипать. Потом сразу станет легче. И уж тогда можешь плавать.

Поднимая столбы брызг, вперевалку перешагивая через волны прибоя, к ним приближался Тибу-Тов, двоюродный брат Соу-Най.

– Здесь вода с песком! – крикнул он. – Тебе надо подальше. Там вода чистая.

Пал-Пол вспомнил, как Тибу-Тов восторженно кричал при каждом появлении крови, и отвернулся, сделал вид, что не замечает Тибу-Това, но тот приблизился к Пал-Полу, деловито сказал:

– Я отнесу тебя подальше, – и подставил свою неимоверно широкую спину в ожидании когда Пал-Пол заберется на нее.

Тав-Чев тотчас подтащил отца за руку к Тибу-Тову. Двое мужчин тут же посадили Пал-Пола, и ему ничего не оставалось делать, как обхватить мускулистую толстую шею Тибу-Това и повиснуть на его спине. При этом движении он почувствовал острую боль, но кто-то уже поддерживал его за ноги, и слезть со спины Тибу-Това было невозможно. Морщась от боли он продолжал держаться за шею Тибу-Това, и тот понес его дальше, за прибойные волны.

Когда после купания Пал-Пол выходил из воды, из толпы женщин высунулась старая Фопу-Лей. Пал-Пол посмотрел на нее с ненавистью, помня, как она наставляла Соу-Най во время наказания. Но Фопу-Лей, не обращая внимания на его грозный взгляд, обратилась к Тав-Чеву:

– Когда он дома ляжет, приложи к местам крови листья живого куста.

Она протянула Тав-Чеву широкие листья с колючками по краям. Тем же скрипучим голосом, которым она наставляла Соу-Най, она наставляла Тав-Чева:

– В лесу таких широких листьев ты не найдешь. Такие живые кусты растут только у меня во дворе. Отдери колючки и сними кожицу. И мякотью приложи к рубцам и местам крови. К утру у него уже ничего не будет болеть.

Тав-Чев держал в руке пачку широких твердых бледнозеленых листьев, серьезно выслушивая наставления Фопу-Лей.

Дома Пал-Пол отказался от еды. Он много пил: ключевую воду, сок манго, кокосовое молоко, настой из лесных ягод. Потом его стало тошнить, а к вечеру стало лихорадить. Он

лежал животом на своей циновке, а Тав-Чев обдирает твердые листья с колючками и наклеивал прохладную мякоть на саднящие рубцы.

Ночью Пал-Полу стали сниться кошмары, и он проснулся от собственного стога. В доме было тихо. Все спали. Сквозь щели в бамбуковых стенах пробивался лунный свет. Пал-Пола уже не лихорадило, но он начал потеть, потому что был накрыт тапой. Он понял, что после того как уснул, Соу-Най накрыла его спину поверх прилепленных листьев своей тапой.

Он стал размышлять о своих злключениях. Хорошо бы уйти куда-нибудь, чтобы долгое время не видеть людей. Например, в горы. Но люди ходят и в горы, мужчины на охоту за козами, женщины по ягоды и хмельную траву. Хотя королевство Хатуту и большое, всё же это остров, который можно обойти за один день, если быстро идти. Есть и другие острова, даже один очень большой остров, горы которого видны в хорошую погоду. Но Пал-Пол знал, что там ничего хорошего для него нет. Да и добраться до других островов на каноэ невозможно. У жителей Большой деревни четыре каноэ, но они все маленькие, для рыбной ловли у самого берега. Большое каноэ есть в Прибрежной деревне, но они держат его на привязи и хорошо охраняют.

Пал-Пол прислушался и понял по дыханию Соу-Най, что она не спит. Вероятно, она проснулась от его стога.

– Пал-Пол, – не окликнула, а просто тихим голосом произнесла Соу-Най.

Пал-Пол не откликнулся. Последовала пауза.

– Пал-Пол, – сказала Соу-Най. – Уже две луны у меня нет крови. – Пал-Пол понял, но не откликнулся. Соу-Най пояснила, хотя и так все было ясно: – Я опять беременна.

Пал-Пол, не меняя позы и не поворачивая к ней лица, протянул в ее сторону руку. Вероятно, она еще раньше протянула свою руку, и их пальцы встретились.

– Пал-Пол, ты меня любишь?

Пал-Пол не ответил. Он с детства привык к тому, что они всегда были вместе. Слово «любовь» вообще редко употреблялось. Свободные мужчины и женщины часто меняли партнеров, брали по несколько жен и мужей, меняли семьи. Конечно, была и ревность, и любовь, но они были мелкими событиями. Соу-Най опять спросила:

– Ты меня любишь?

Ей очень хотелось, чтобы Пал-Пол ответил «да», и Пал-Пол вяло ответил:

– Да.

– Тогда зачем ты хочешь, чтобы табу отменили? – тотчас спросила Соу-Най.

– Я хочу быть как все.

– А ты бы хотел, чтобы я была как все?

Вопрос поставил Пал-Пола в тупик. Он повернул к ней голову. В темноте он увидел ее тело, слившееся в один темный силуэт на фоне светлой циновки. Она лежала на спине, повернув к нему голову и откинув в его сторону колено. Он коснулся рукой ее груди, уже отвислой от выкармливания трех детей, но всё еще упругой. Далеко не у всех женщин такие красивые груди. Его рука скользнула дальше. Гладкий живот, еще не раздувшийся от беременности, горячий пах с жесткими волосами, выпуклое бедро, длинные стройные ноги. Его рука остановилась на упругом колене. Соу-Най порывисто вздохнула, но не пошевелилась. Она всё ждала его ответа. Не дождавшись, она спросила:

– А ты бы хотел, чтобы я взяла второго мужа?

– Нет, – ответил он, сжимая пальцами ее колено.

– Я тоже бы не хотела, чтобы ты взял вторую жену.

Пал-Пол настолько привык к тому, что это красивое тело принадлежало ему одному и производило от него детей, что одно только предположение, что этим телом может владеть кто-либо другой, показалось ему нелепым. Возможно, в его табу заключалась некая логика, но он не хотел ее признавать. Он коснулся пальцами ее щеки. В темноте черты ее лица были неразличимы, но он знал это лицо. В детстве, когда ей было четырнадцать лет, это лицо было

всегда заносчивым. Со временем оно приобрело надменное выражение, подобающее дочери короля. Сегодня днем это лицо было чужим и замкнутым. Пал-Пол подвел руку под ее затылок, приподнял ее голову. Она пододвинулась к нему вплотную. Он не мог разглядеть черты ее лица. В темноте только светились белки ее глаз. Он потерся щекой о ее щеку. Она шепнула:

– А ты правда стал бы меня больно бить, если бы я тебе изменила?

– Конечно.

– А меня нельзя бить, – сказала она капризным тоном. – Мой отец король, а мой сын – будущий король.

– А я твой муж.

Они говорили тихо в ухо друг другу. Она спросила:

– А ты помнишь, я тебя спросила, хочешь ли ты быть моим мужем? И ты ответил: хочу.

Оказывается, она помнила этот разговор из детства так же, как и он. Это было удивительно. Ей тогда было четырнадцать лет, а ему тринадцать, а может и двенадцать. Один год потерялся. Пал-Пол ответил:

– Помню. Ты сказала: муж должен быть сильным, давай бороться, кто кого положит на спину.

– Я тогда победила, повалила тебя на спину.

Забывшись, она одной рукой обняла его за спину. Он тотчас вскрикнул от боли. Она отдернула руку.

– Прости, – сказала она шопотом, прижимаясь щекой к его щеке.

Когда Пал-Пол проснулся, солнце было уже высоко. Он лежал на боку, это он во сне повернулся с живота на бок. Спина почти не болела. А перед ним стояла Соу-Най, голая, волосы еще не уложены и не подвязаны лунником.

– Спина болит? – спросила она.

– Уже меньше.

Соу-Най вышла и тотчас вернулась с калабашем, подала Пал-Полу. Он приподнялся, взял калабаш. Это был его любимый сок манго.

Когда Пал-Пол вышел во двор, его уже ожидал Тав-Чев с ведром воды, которое он успел принести от водопада. Когда Пал-Пол сходил к сточной канаве пописать и вернулся во двор, Тав-Чев стал поливать его спину водой, а Соу-Най осторожно отлепляла от его спины присохшие листья живого куста, старалась едва касаться пальцами его кожи. Больно было только в тех местах, где была кровь. Тав-Чев сосчитал эти места. Их оказалось пять. Очевидно на некоторых пересечениях рубцов кровь выступила уже после процедуры наказания. Тав-Чев объявил, что кровь почти засохла, и Соу-Най налепила на эти места свежие листья живого куста.

Целый день Пал-Пол не выходил из дома. Люди приходили навещать его, озабоченно спрашивали, прошла ли боль, не нарываю ли места, где была кровь, и, конечно же, давали советы, как быстрее заживлять рубцы. Широкоплечий гигант Тибу-Тов, двоюродный по матери брат Соу-Най, принес связку кокосовых орехов. Он тут же расколол два ореха острым камнем, который тоже принес с собой, и потребовал, чтобы Пал-Пол при нем выпил кокосовое молоко.

– Кокосовое молоко лечит силу, – сказал он суровым басом.

Толстяк Той-Пой принес в кокосовом калабаше ореховое масло. Старая карга Фопу-Лей принесла еще несколько листьев живого куста из своего двора. Катога предложил еще искупаться в океане. Тибу-Тов, двоюродный по матери брат Соу-Най, тотчас предложил донести Пал-Пола на спине, если ему трудно дойти до берега. Старейшина Канига возразил, что не надо больше купаться, поскольку раны заживают хорошо и не нарываю. А ран было пять, и каждый посетитель считал своим долгом сосчитать их, загибая пальцы. Как раз было достаточно пальцев одной руки.

На третий день Пал-Пол в сопровождении Тав-Чева и Соу-Най отправился на берег купаться. За ними, конечно, шла Ниуфат. Люди, попадавшие им навстречу, с большим инте-

ресом спрашивали Пал-Пола о его самочувствии и, убедившись, что рубцы почти зажили, выражали искреннюю радость. Однако Пал-Пол отметил, что во время его поимки и наказания вид у этих людей был гораздо радостнее.

Сразу за площадью начинался уклон в гору, и здесь же начиналось узкое ущелье, по которому с гор бежал ручей. В начале ущелья было маленькое озеро с каменистым дном. Озеро было шириной не более десяти шагов, однако достаточно глубокое, чтобы в период дождей в него можно было с головой окунуться. Скалистые берега не позволяли войти в озеро, в него можно было только прыгнуть, а после купания надо было осторожно, чтобы не поцарапаться, карабкаться по острым камням на берег. Через озеро был перекинут толстый ствол дерева, поваленного ураганом. Тонкий конец ствола подперли камнями, придав стволу горизонтальное положение. Со временем кора ствола осыпалась, и он стал просто бревном. Люди, если не были ничем нагружены, переходили на другой конец озера по бревну, а если несли ведра с водой от водопада, озеро следовало обходить. Мужчины иногда устраивали здесь соревнования с палками. Палки были длиной в человеческий рост. Двое мужчин становились на бревно лицом друг к другу, держа перед собой палки – кто кого свалит с бревна. Если один из них падал в озеро, его место занимал следующий противник. Лучшим борцом с палками был, конечно, Тибу-Тов. Его могучее тело почти невозможно было сбросить с бревна.

После наказания Пал-Пола прошло три дня, и жители Большой деревни, не имевшие за это время никаких развлечений, собрались на соревнование с палками как на праздник. Женщины оделись в нарядные тапы и украсили себя цветами, мужчины были в пышных головных уборах и новых набедренных повязках из тапы с кистями из пальмовых волокон. Моду на такие кисти ввел Пал-Пол две луны назад. Сам Пал-Пол пришел к озеру в сопровождении нарядной Соу-Най и Тав-Чева, который сам сплел свои кисти, как у Пал-Пола, и подвесил их к краям своей узкой повязки из новой тапы. Его приятели сверстники не все имели свои повязки. Некоторые из зависти дергали за его кисти, и он со снисходительной улыбкой отталкивал их, шлепая по плечам.

Односельчане расселись вокруг озера, оживленно переговариваясь. Ждали короля Намикио, который изъявил желание посмотреть состязание.

Пал-Пол в состязании не участвовал, потому что все знали, что у него недавно болела спина, и еще оставались рубцы.

С утра участники соревнования сходили к художнику нанести новые временные татуировки и теперь сравнивали их, поворачиваясь друг перед другом. Старшие мужчины смотрели с некоторым презрением на молодежь, поскольку считали, что татуировка без выкалывания вовсе и не татуировка. Друзья детства Пал-Пола – Катога и Пак-Чон, брат Фан-Фао, с которой Пал-Пол так глупо попался в прошлый раз – подошли к нему выразить сочувствие: он не может участвовать в соревновании. Рубцы на спине Пал-Пола почти зажили, кожа снова стала гладкой, струпья, там где была кровь, сошли, хотя на их месте оставались светлые пятна. Пак-Чон зашел за спину Пал-Пола и вдруг громко крикнул:

– Пал-Пол!

И все уставились на него. Пак-Чон считался первым шутником в деревне. Громко, так чтобы все слышали, Пак-Чон продолжал:

– Пал-Пол! Когда ты успел сходить к художнику?

Все с интересом смотрели на Пак-Чона, ожидая очередной шутки. И Пак-Чон так же громко спросил:

– Пал-Пол, это художник специально для тебя придумал такой узор?

И он указал на спину Пал-Пола. Последовал общий хохот. Люди, соскучившиеся по развлечениям, веселились. Пал-Пол мрачно смотрел перед собой в одну точку. Сидевший рядом с ним Тав-Чев опустил глаза. А мальчишки, приятели Тав-Чева, со смехом показывали пальцами на Пал-Пола и Тав-Чева. Тибу-Тов смеялся запрокинув голову и прикрыв глаза.

– Это не я! – раздался голос художника Туа-По.

Забросив свой двор, превращенный в мастерскую по изготовлению красок, он тоже пришел смотреть состязание. Все теперь смотрели на Туа-По, который тоже умел говорить веселые шутки.

– Это не я! Это не мой узор! В деревне появился новый художник! Пал-Пол, назови его имя!

И снова грянул дружный смех. Пал-Пол искоса посмотрел на Соу-Най. Лицо ее было мрачно и надменно. И тут появился король Намикио в сопровождении двух жен. Старшая жена Су-Бай осталась дома готовить особую еду для короля. Кай-Той, старший сын старейшины Каниги, исполнявший обязанность докладывать королю новости, тут же подбежал к Намикио и передал ему высказанные шутки. Король усмехнулся, повернулся к Пал-Полу, и вокруг стало тихо. Никто не имеет права подавать голос, когда говорит король. Намикио спросил:

– Пал-Пол, этот узор выколот, как мы делали это раньше, или нарисован, как это теперь любит молодежь?

На этот раз хохот был более продолжительный, потому что пошутил сам король.

Старейшина Канига встал на краю озера, повелительным жестом подал знак начала состязания. И тринадцать молодых мужчин, сбросив одежды, встали по другую сторону озера. Каждый из них держал в руке свою палку.

Палки должны быть одинаковой длины.

К одному концу бревна подошел Тибу-Тов, но Канига махнул рукой в знак протеста. Канига умный. Состязание должен начинать не самый сильный мужчина, иначе зрители потеряют интерес к остальным участникам. И тогда на место Тибу-Това встал Таки-Фоп – самый сильный после Тибу-Това мужчина в деревне. Он был на пять лет старше Пал-Пола, его сын Чеп-Тов был ровесником Тав-Чева, и мальчики дружили. Теперь Чеп-Тов подсел рядом с Тав-Чевом, но Тав-Чев отвернулся: он не мог простить своего друга за то, что тот вместе со всеми смеялся над его отцом. К другому концу бревна подошел Пак-Чон, брат Фан-Фао, с которой Пал-Пол в прошлый раз попался, но который оставался его другом, пока не высказал сегодня своей шутки о спине Пал-Пола. Он был такой же худой, как Пал-Пол, но очень ловкий.

По обе стороны бревна были привязаны связки круглых кактусов. Их разделяло шесть больших шагов – пространство для борьбы. Таки-Фоп и Пак-Чон перешагнули каждый свою связку, держа палки наперевес. Все замерли, ожидая, кто первым нападет. Таки-Фоп и Пак-Чон одновременно пошли друг к другу, резким ударом скрестили палки и тотчас отступили.

Пал-Пол болел за силача Таки-Фопа, поскольку не простил Пак-Чону шутку относительно татуировки на спине.

А Пак-Чон, сделав неожиданно широкий шаг ударил серединой палки о конец палки Таки-Фопа, так что другой конец отклонился назад, сразу же нанес другой удар, который пришелся одновременно по плечу Таки-Фопа и по его палке. Это называлось двойным ударом. Другой мужчина на месте Таки-Фопа упал бы в озеро, но мускулистый Таки-Фоп удержался на бревне. Зрители, захваченные зрелищем, взволнованно гудели. Последовала серия быстрых ударов палками крест-накрест, во время которых Пак-Чон отступал мелкими шагами, поскольку удары силача Таки-Фопа были сильнее. Наконец, Пак-Чон изогнулся и нанес удар сбоку, так что палка Таки-Фопа отклонилась в сторону. Таки-Фоп покачнулся и отступил назад. Воспользовавшись этим, Пак-Чон сделал большой шаг, почти прыжок, вперед, добавляя к силе удара инерцию своего движения. Удар был очень сильный, но мускулистый Таки-Фоп, удержавшись на ногах, слегка отклонил свою палку к себе, так что обе палки застыли в скрещенном положении. Борцы некоторое время давили палками друг на друга. Таки-Фоп был гораздо сильнее. Пак-Чон непроизвольно стал выгибаться назад. Он быстро отступил, чтобы отвести палку для размаха, но Таки-Фоп шагнул вперед, продолжая давить своей палкой палку Пак-Чона. Пак-Чон еще больше прогнулся назад, но отступать было уже некуда, его пятка

уперлась в связку кактусов. Таки-Фоп сделал завершающее усилие, и Пак-Чон рухнул в озеро головой вниз. Толпа восторженно завывала, приветствуя победителя Таки-Фопа. Пал-Пол присоединил к общему реву свой торжествующий возглас. Мужчины помогли Пак-Чону выбраться из озера, вручили его палку Таки-Фопу, а тот воткнул ее в землю, это был его трофей.

Следующим против Таки-Фопа выступил Той-Пой. Он был ниже Таки-Фопа, зато намного толще. Его толстый живот выдавался вперед, а толстые ягодицы выпирали назад. Вес в борьбе имеет большое значение, и все притихли, заинтересованные исходом. Таки-Фоп шагнул вперед первым. Громко стукнулись скрещенные палки, и противники одновременно отступили. При следующем ударе Таки-Фопу удалось поддеть палку Той-Поя, так что тот, взмахнув палкой, покачнулся, потеряв равновесие, но сделав быстрый полный оборот вокруг своей оси, удержался на бревне и застыл в изначальной позе с палкой наперевес. Несмотря на свою полноту он был очень подвижен. Когда Таки-Фоп бросился на него, держа палку наперевес, чтобы всей своей силой сокрушить толстяка, Той-Пой неожиданно низко присел и снизу поддал своей палкой палку Таки-Фопа. Распрямляясь, он ударился своей жирной грудью о мускулистую грудь Таки-Фопа. Оба с поднятыми над головами палками качнулись в сторону и, потеряв равновесие, одновременно рухнули в озеро, произведя очень высокий всплеск. Всё это вызвало взрыв хохота зрителей. Старейшина Канига объявил поражение Той-Поя, и Таки-Фопу, несмотря на его падение с бревна, как победителю предыдущей борьбы, предоставлялась возможность продолжить состязание. Ему подали его палку, и он встал на конец бревна.

Старейшина Канига наконец подал знак Тибу-Тову, и тот занял свое месето напротив Таки-Фопа. Все замерли. Двое самых сильных мужчин деревни стояли друг против друга. Они перешагнули связки кактусов, выйдя на боевую часть бревна. Борьба их началась одновременными сильными ударами палок крест накрест. В тишине раздавались частые сильные удары. Наконец они сцепились палками и тут же оттолкнулись друг от друга, но оба остались на бревне. Последовал еще один удар палки о палку. Таки-Фоп отступил на шаг, держа палку горизонтально. Тибу-Тов сделал шаг вперед, держа палку вертикально, готовый к удару, но Таки-Фоп тут же повернул палку наискось, ударом отводя палку противника в сторону, и тут же коротким движением ударил палкой в незащищенную грудь Тибу-Това. Зрители хором ахнули. Тибу-Тов пошатнулся. Таки-Фоп отступил на шаг для разгона и ринулся на противника с палкой наперевес, но Тибу-Тов успел выставить вперед свою палку, и снова последовал мощный удар палки о палку.

Борьба продолжалась долго. Зрители устали от напряжения, а два силача казались неутомимыми. Когда Таки-Фоп решил повторить свой прием и повернул палку наискось, он слегка отклонился в сторону, а Тибу-Тов неожиданно слегка присел и ударил снизу по палке противника. Таки-Фоп еще более отклонился в сторону и, не удержав равновесия, боком упал в озеро. Одобрительный вой толпы подтвердил первенство Тибу-Това, как самого сильного мужчины. Сойдя с бревна, Тибу-Тов воткнул в землю кем-то поданную ему палку Таки-Фопа. Вторая жена Тибу-Това подала ему калабаш с кокосовым молоком. Он сделал один глоток и снова встал на свой конец бревна, ожидая следующего противника. Следующим противником был Баф-Кот. Это был мускулистый молчаливый мужчина, ненамного старше Пал-Пола, но отличавшийся манерами и походкой солидного человека. Несмотря на свою медлительность Баф-Кот долго сопротивлялся Тибу-Тову. Отражая сильные удары, он даже не переступал ногами и не отклонялся назад, отличаясь завидной устойчивостью. И когда, наконец, Тибу-Тову удалось мощным ударом сбросить его с бревна, Баф-Кот падал в озеро не сгибая стана и продолжая в обеих руках сжимать палку.

Еще троих мужчин победил Тибу-Тов. Теперь уже было ясно, что он останется победителем состязания. Втыкая в землю пятую палку, Тибу-Тов с улыбкой окинул взглядом кричащую в восторге толпу. Но его улыбка была усталой: всякая сила и выносливость имеет свои пределы.

Следующим его противником был Кай-Той, сын старейшины Каниги. Всегда проворный и повсюду всё успевающий, Кай-Той часто тренировался на бревне с Пал-Полом и его приятелями, хотя был значительно старше их. Вероятно, он договорился с отцом, что рискнет бороться с Тибу-Товом, когда тот уже порядком устанет. Они долго сражались – натренированный и полный сил Кай-Той и уставший, тяжело дышащий Тибу-Тов. Кай-Той ловко отражал своей палкой мощные, но уже не точные, удары Тибу-Това. Воспользовавшись моментом, когда Тибу-Тов наклонил палку вбок, Кай-Той, держа палку горизонтально, ударил одновременно по палке противника и по его плечу. Тибу-Тов качнулся, теряя равновесие, и чтобы не упасть боком, оттолкнулся от бревна и прыгнул в озеро ногами вниз. Старейшина Канига объявил перерыв. Дети принесли гроздь бананов и кувшины с ключевой водой от водопада. Люди ели и горячо обсуждали состязание. Понижая голос, чтобы не слышал Канига, некоторые высказывали предположение, что старейшина специально назначил сына выйти против Тибу-Това, когда тот уже устанет. И перерыв Канига устроил специально сразу после победы Кай-Тоя, чтобы тот успел отдохнуть перед борьбой со следующим противником. Симпатии явно были на стороне Тибу-Това.

После перерыва Кай-Той встал на свой конец бревна. Против него вышел Тау-Тау, внук старухи Фопу-Лей. У него были короткие ноги, зато он был очень широк в плечах. И, когда Кай-Той, воспользовавшись его ошибкой, ударил палкой по его плечам, Тау-Тау только слегка покачнулся, цепко держась ступнями за бревно. Они долго боролись. Мало тренированный Тау-Тау делал много ошибок, часто открывал плечи, но держался благодаря своей устойчивости. Всем уже казалось, что Кай-Той не выдержит такой длительной борьбы. Однако сын старейшины выиграл сражение, применив сложный прием: двойной удар палки о палку сперва вкось, а потом вперед.

Таким образом Кай-Той выиграл две палки. Следующим был Котога, и он выиграл палку Кай-Тоя. Затем Котога сражался с Пао-Токо. Они сражались долго, оба устали, но Пао-Токо победил. Состязание окончилось на Катото, который сидел в клетке до Пал-Пола за подстреленную пузатую козу. Пал-Пол, пришедший в азарт от захватывающего зрелища, неожиданно вскочил на ноги, крикнул старейшине:

– Канига! Меня забыли! Я тоже хочу участвовать в состязании!

Зрители возбужденно загудели, надеясь на продолжение зрелища. Канига, помедлив, дал знак Катото, уже сошедшему с бревна, и тот вернулся на свое место. И тут, оказавшийся рядом признанный всеми остряк Пак-Чон громко воскликнул:

– Катото! – И все затихли, ожидая новой шутки. Пак-Чон продолжал: – Катото! Откажись пока не поздно сражаться с Пал-Полом! Его новая татуировка магическая, и он обязательно выиграет твою палку!

Последовал взрыв общего смеха. Пал-Пол, сдерживая приступ злобы, обратился к старейшине:

– Канига, Катото уже выиграл одну палку и устал. Я хочу бороться с одним из первых участников, которые уже успели отдохнуть.

Предложение было явным нарушением правил, но Канига, помолчав, сказал:

– Выбери противника сам.

Зрители снова загудели. Это было уже второе нарушение правил, и оно исходило от самого старейшины. И людям это было интересно. С решительностью, похожей на безумие, Пал-Пол сказал:

– Я выбрал. Тибу-Тов.

Сперва последовала немая пауза. И тут же зрители закричали, заспорили, засмеялись, завывали. Вызов Пал-Пола был нелепым. Тибу-Тов уже успел отдохнуть, поесть, попить, сходить к сточной канаве пописать, а может еще и посрать, и теперь был свеж и полон сил, как перед началом состязания. Пал-Пол увидел перед собой лицо испуганного Тав-Чева, и до него

стала доходить нелепость собственной выходки. Но отступать было поздно. Пал-Пол снял свой головной убор, сбросил набедренную повязку и взбежал на каменный уступ, с которого начиналось бревно. Кто-то из отыгравших участников состязания подал ему свою палку, Пал-Пол даже не заметил кто. Тибу-Тов уже стоял на своем конце бревна. Они одновременно переступили связки кактусов и застыли друг перед другом, обеими руками держа перед собой палки. На лице Тибу-Това была снисходительная улыбка, в которой было больше доброжелательности, чем высокомерия. Сделав несколько шагов друг к другу, они стукнулись палками – несильно. Это был пробный удар могучего Тибу-Това. И каждый из них отступил на два шага. Пал-Пол, сделав резкий выпад вперед, первым нанес сильный удар. Палки стукнулись крест накрест, Пал-Пол тут же отскочил на шаг назад, а Тибу-Тов остался на месте, даже не покачнувшись. Шагнув вперед, Пал-Пол сделал следующий удар. Последовали один за другим удары палками крест накрест. Противники поочередно быстро меняли положение палок с горизонтального на вертикальное. Это стало уже походить на детскую игру. Среди зрителей стали раздаваться смешки. И тогда Тибу-Тов при очередном ударе задержал свою палку в горизонтальном положении, со всей силы надавив на палку Пал-Пола, так что тот прогнулся в талии назад. Это было уже почти поражение. Но Тибу-Тов не успел этим воспользоваться. Гибкий Пал-Пол успел наклониться вбок, выставив вперед нижний конец своей палки. Палка Тибу-Това скользнула вверх, а Пал-Пол низко присел и резко выпрямляясь вперед, ударил палкой по бедрам Тибу-Това. Любой другой борец упал бы при этом в озеро, но Тибу-Тов отступил на шаг и нанес последующий удар, продолжая держать палку вертикально, нижним концом вперед, так что руки Пал-Пола с палкой непроизвольно поднялись вверх. И Тибу-Тов, повернув палку горизонтально, ударил ею в незащищенную грудь Пал-Пола. Но тот мгновенно отступил на два шага, смягчив удар и заставив Тибу-Това наклониться вперед. Чтобы нанести сразу удар, Пал-Пол сделал большой шаг назад, так что его пятка уперлась в кактусы. Дальше отступать было нельзя. Пал-Пол ударил со всей силы, но Тибу-Тов с легкостью отразил удар, еще более приблизившись к Пал-Полу, которому некуда было отступать. Тогда Пал-Пол сделал быстрый поворот вокруг своей оси, стукнув при этом концом своей палки по палке Тибу-Това, и тот непроизвольно отступил на шаг. При повороте Пал-Пол чуть не потерял равновесие. Чтобы удержаться на бревне, он в отчаянии вцепился в него ступнями, чувствуя, как судорога сводит пальцы ног. Он резко присел, и судорога отпустила. Тибу-Тов, не ожидавший этого, хотел сделать удар палкой в плечи Пал-Пола, но удар пришелся выше его головы. Увидев прямо перед собой незащищенные бедра и живот Тибу-Това, Пал-Пол повторил тот прием, который использовал ночью при поимке, когда защищал убегающую Ол-Мэй, девушку из Долинной деревни. Он пружинисто выпрямился вперед и ударил головой в живот Тибу-Това. Оба поканулись. Пал-Пол удержался на бревне, а Тибу-Тов, взмахнув руками и выронив палку, боком повалился вниз. Пал-Пол, балансируя на бревне, принимая устойчивое положение, услышал под собой сильный всплеск.

Раздался многоголосый оглушительный восторженный вой. Люди со смехом помогали Тибу-Тову вскарабкаться на береговые камни.

Кто-то подал Пал-Полу мокрую палку Тибу-Това. Тав-Чев. Его распахнутые глаза сияли восторгом. Вероятно, от сильного волнения он не мог ни кричать, ни говорить, а только восторженно смотрел на Пал-Пола, разинув рот. Победители состязания выстроились рядом, каждый со своими выигранными палками, у кого две, у кого одна, у Тибу-Това пять. Их окружили восторженно орущие зрители. Женщины, отталкивая друг друга, обнимали победителей. Больше всего народу было вокруг Пал-Пола. Женщины со всех сторон повисали на его шее, сменяя одна другую. И тут он увидел прямо перед собой мускулистую вторую жену Тибу-Това. Оттолкнув очередную женщину, она с громким смехом повисла на шее Пал-Пола. Он подхватил ее под ягодицы и приподнял, она тут же обвила ногами его талию. Он старался вспомнить ее имя, наконец, вспомнил, сказал:

– Су-Суэй.

Она со смехом прижималась щекой к его щеке, сказала в самое ухо:

– Ты был лучше всех!

Он продолжал поддерживать ее под ягодицы, чувствуя как твердеет и увеличивается его член. В общем оглушающем шуме никто не мог слышать их голосов. Он хотел сказать ей, что еще с детства видит во сне одну и ту же девушку, которой раньше никогда не встречал, но тут он встретился глазами с Тибу-Товом и отпустил Су-Суэй. Стараясь перекрыть толпу, он выкрикнул:

– Я не главный победитель! Главный – Тибу-Тов! У него пять палок!

И окружавшие его женщины и девушки бросились к Тибу-Тову, первой – Су-Суэй.

И вся толпа людей, как всегда, направилась к берегу купаться. Ветер дул с востока, и небо было покрыто тучами. Начался дождь, но никто не обращал на это внимания. Люди, окружавшие Пал-Пола, то и дело касались его плеча, выражали восхищение его победой над самым сильным мужчиной деревни. Тав-Чев шел рядом с Пал-Полом. Дети, как мальчики, так и девочки, шедшие рядом с Тав-Чевом, тоже поглядывали с восхищением на Пал-Пола. У Тав-Чева был слегка высокомерный вид. Выражение его лица говорило: поскольку я будущий король, нет ничего удивительного в том, что мой отец победил Тибу-Това. Пал-Пол искоса посмотрел на Соу-Най, шедшую с другой стороны. Что-то общее было в ее лице с Тав-Чевом. За последнее время Тав-Чев стал часто прищуривать глаза, и от этого лицо его становилось надменным как у Соу-Най. Королевская кровь.

Выйдя на песчаный берег, люди бегом бросились к воде. Дождь всё усиливался, хотя ветер был слабый, и волны невысокие. Вместе с другими людьми Пал-Пол перепрыгивал прибрежные волны и, дойдя до глубокого места, нырнул. Тав-Чев не отставал от него, а за Тав-Чевом следовали его ровесники. Пал-Пол из воды махнул им рукой, чтобы далеко не заплывали, они послушались, поплыли вдоль берега.

Из-за мыса показались каноэ. Их было пять. Это были люди из Прибрежной деревни. Взмахивая руками, они подавали знаки. Пал-Пол понял: они гнали стаю морских свиней и просили помочь. Мужчины тотчас выскочили на берег, побежали к своим каноэ. В Большой деревне их было четыре. В каждое каноэ двое мужчин. Пал-Пол быстро бегал: у него были длинные ноги. Он захватил одно каноэ, потащил его к воде. Тав-Чев помогал ему. Когда каноэ закачалось на волнах, Пал-Пол прыгнул в него, а Тав-Чев побежал за камнями. Орудя веслом, Пал-Пол лавировал на своем каноэ между волнами прибоя, а к нему, перескакивая волны, уже бежал Тав-Чев, прижимая к себе плоские камни. Бросив камни на дно каноэ, Тав-Чев лег животом на борт, и Пал-Пол втащил его к себе.

Следовало взять к себе мужчину. Мальчикам охотиться в каноэ не полагалось. Но Тав-Чев был будущим королем, и никто не возразил.

Четыре каноэ Большой деревни направились на помощь охотникам Прибрежной деревни. Вскоре все девять каноэ выстроились в одну линию от мыса и до высоких камней, перегородив таким образом бухту. Из-за высоких камней показались плывущие люди. Все, кто был на берегу, бросились вплавь к каноэ, не только мужчины, но и женщины, и дети. Охота – тоже увлекательное зрелище.

Детей никто не останавливал. Морские свиньи умные. Они никогда не появляются там, где близко акулы. Люди Прибрежной деревни указывали перед собой пальцами, туда, где видели морских свиней. Мужчины с камнями стали прыгать с каноэ в воду. Один прыгал, другой оставался в каноэ. Потому и нужно было для каждого каноэ по двое мужчин. Пал-Пол тоже, захватив два плоских камня, прыгнул в воду, оставив в каноэ Тав-Чева. Нырнув поглубже, Пал-Пол увидел впереди себя темный силуэт неповоротливого животного – два плавника по бокам и гладкая толстая спина. Пал-Пол тотчас застучал камень о камень. В воде звук приглушается, но всё же четко слышен. Темный силуэт стал удаляться. Морские свиньи боятся резких звуков.

Задача людей состояла в том, чтобы гнать морских свиней к берегу и не дать им уйти обратно в океан. Пал-Пол вынырнул, чтобы набрать воздуха, и при этом упустил один камень. Тав-Чев, как взрослый орудуя веслом, следовал за ним. Он всё понял, подал еще один камень, и Пал-Пол снова застучал камень о камень. Другие мужчины делали то же самое. То и дело Пал-Пол нырял на большую глубину. Ведь морские свиньи могли уйти обратно в океан под плывущими людьми и каноэ. Очевидно другие мужчины тоже глубоко ныряли, стуча камнями на глубине. Морские свиньи и преследующие их каноэ приближались к берегу. Прибойные волны были близко. Дно было теперь не глубоко. Пал-Пол вскарабкался на свое каноэ с помощью Тав-Чева. Вокруг плыли стучащие камнями люди. Тут Пал-Пол увидел перед собой гладкую блестящую черную спину вынырнувшей на поверхность морской свиньи. Животное испугалось прибрежных волн, повернуло назад, но там были шумящие люди. Черная блестящая спина завилась из стороны в сторону. И Пал-Пол решился на то, чего еще никто не делал. Встав ногами на края каноэ, он пружинисто выпрямился и прыгнул плашмя на спину замешкавшегося животного. Пал-Пол совсем забыл, что кожа морской свиньи совсем не такая гладкая, какой выглядит в воде. Ему показалось, что он упал на каменистую землю, густо поросшую колючей осокой. Морская свинья тут же перекувырнулась, и Пал-Пол слетел с нее, тоже перекувырнувшись в воде. Однако острый боковой плавник животного резанул Пал-Пола вдоль спины. Опять злополучная спина.

В прибойных волнах люди баграми затаскивали на берег барахтающихся морских свиней. Их было три. А всего в стаде было около десяти. Остальным удалось уйти в океан. Люди толпились на берегу. Здесь были не только жители Большой деревни, но также и Прибрежной. Это их охотники выследили стадо. Пришли также жители Долинной и Каменной деревень. Мясо пойманных животных следовало делить между всеми деревнями королевства. Такой был закон.

Вокруг Пал-Пола собралась толпа, рассматривали глубокую царапину на его спине, а также ссадины на груди и животе. Многие видели его прыжок на спину морской свиньи, а те, кто не видел, с интересом слушали рассказы очевидцев. Тав-Чев победоносно улыбался, будто сам прыгал на морскую свинью. Подошел Тибу-Тов, мрачно обратился к Пал-Полу:

– Ты бы никогда не свалил меня с бревна. Головой бить нечестно.

Он все еще не мог забыть свое поражение на бревне.

Пал-Пол ответил:

– Это ногой нельзя бить. А бить головой не запрещено.

Стоящие вокруг люди молчали. Пал-Пол понимал, что они согласны с ним, но возражать Тибу-Тову никто не осмеливался. Тогда Пал-Пол примирительно сказал:

– Тибу-Тов, чем ты недоволен? Ты завоевал пять палок. Мне бы никогда столько не выиграть. Все же знают, что ты самый сильный мужчина в деревне.

Тибу-Тов не нашелся, что ответить. Он, как и все, обошел вокруг Пал-Пола, осмотрел его царапину на спине, ссадины на груди и животе, мрачно сказал:

– А нечего прыгать на морских свиней. У них кожа царапающая. Хорошо еще, что яйца и хуй уцелели.

И все вокруг рассмеялись, довольные примирением Тибу-Това с Пал-Полом.

Глава 3. Каноэ. Большое каноэ. Очень большое каноэ

– Па, а что дед? Он болен?

– Да.

– Все больные люди лежат, а он ходит.

– У него больной желудок.

– Он от этого может умереть?

– Ему нельзя умирать, пока у тебя не будет восемнадцать зарубок.

– У меня уже десять зарубок.

И Тав-Чев выпрямил десять пальцев.

– Покажи, сколько тебе еще осталось лет?

И Пал-Пол лениво откинулся на нос каноэ, глядя на сына. Тав-Чев выпрямил пять пальцев и еще три пальца на другой руке.

– Правильно, – одобрил Пал-Пол. – И сколько тогда тебе будет лет?

Тав-Чев с готовностью выбросил вперед десять пальцев и сразу же еще пять пальцев на одной руке и три на другой.

– Правильно, – согласился Пал-Пол и, хитро прищутив глаза, спросил: – А сколько мне будет лет тогда?

– Когда «тогда»?

Пал-Пол видел, что Тав-Чев понял его и задал этот вопрос, чтобы оттянуть время и подсчитать в уме годы.

– Тогда, когда ты сможешь стать королем, – насмешливо ответил Пал-Пол.

Тав-Чев быстро выбросил вперед десять пальцев, потом еще раз десять, потом еще десять и, после короткого раздумья еще два пальца.

– Правильно. Король должен хорошо считать.

– И тогда дед умрет? – простодушно спросил Тав-Чев.

– Нет, ты сосчитал, сколько мне будет лет, когда ты настолько вырастешь, что сможешь стать королем. А когда кто умрет, никто не знает.

– Я не хочу, чтобы дед умирал.

– Я тоже. Но помимо того, что мы не хотим, есть еще кое-что важное. Знаешь что? – Тав-Чев молчал, выжидающе глядя на Пал-Пола, и тот продолжал: – Король должен быть умнее всех. Назови кого-нибудь, кто умнее короля Намикио.

Тав-Чев напряженно застыл, очевидно перебирая в памяти всех знакомых ему людей, и вдруг, просияв, воскликнул:

– Ты!

– Может быть, – благосклонно согласился Пал-Пол. – Но не все так думают. И каждый сперва задумается, прежде чем ответить – так же, как ты задумался сейчас. А это значит, что Намикио, возможно, умнее всех, как и положено королю. Чем старше человек, тем он умнее. Если ты станешь королем в восемнадцать лет, очень много людей будут старше тебя. И среди них будут люди, которые умнее тебя. И каждый человек сможет назвать их, не задумываясь, как ты сейчас задумался. А для короля это плохо. Чем дольше будет жить твой дед, тем старше, а значит и умнее, ты будешь.

– А я и сейчас умнее всех мальчиков, – сказал Тав-Чев.

– Это потому что я тебя учу, а твоих приятелей никто не учит.

Они сидели вдвоем в каноэ, покачивающемся на прибрежных волнах. Оба молчали, думая каждый о своем. Дождь продолжал идти.

– Пора, – сказал Пал-Пол, и Тав-Чев схватился за весло.

Он уже хорошо усвоил правила гребли, и вскоре каноэ уперлось дном в прибрежный песок. На берегу никого не было. Со стороны деревни доносился запах жареного мяса морских свиней. Удачная охота приносит и другие удачи. Когда началась война между Каменной и Долинной деревнями, король Намикио повел воинов Большой деревни на усмирение воюющих. Пал-Полу тогда было уже восемнадцать лет, и он был воином отряда Каниги. Их отряд цепью расположился вдоль Орехового хребта, проходящего между Долинной и Каменной деревнями. Боевое настроение у воюющих не проходило. Но тут пришло сообщение, что люди Береговой деревни гонят стадо морских свиней. И воины враждующих сторон прямо с боевыми копьями побежали к берегу. Все двенадцать каноэ западного побережья участвовали тогда в охоте. Удалось выволочь на берег пять морских свиней. Начался небывало роскошный пир, во время которого состоялось примирение деревень.

А на этот раз выловили только трех морских свиней.

Выйдя из каноэ, Пал-Пол и Тав-Чев бегом направились в деревню. К празднику удачной охоты следовало нарядно одеться. Во дворе перед домом толпились весело болтающие девушки и женщины. Соу-Най наряжалась в доме, и женщины ждали ее выхода. Им было интересно, во что она будет одета. Пал-Пол и Тав-Чев прошли через толпу женщин, причем Пал-Пол, как всегда, старался задеть за грудь или плечо той или иной женщины, делая вид, что ему трудно протиснуться между ними, и женщины при этом довольно повизгивали. Соу-Най наряжалась в задней комнате, отгороженной тростниковой завесой. На ней была набедренная повязка из хорошо отбеленной тапы, а под грудями широкая полоса такой же отбеленной тапы, которая проходила под мышками и через плечи, и обвивала шею. Таким образом ее красивые груди были приподняты вверх. Ее мало выющиеся волосы были гладко уложены на обе стороны и закрывали уши. По обе стороны головы к волосам были прикреплены пучки больших красных цветов черезы. Белая тапа хорошо контрастировала с ее коричневой с холодным оттенком кожей, а темные соски казались черными. Пал-Пол невольно залюбовался женой. И она, оценив его взгляд, надменно спросила:

– Я красивая?

– Очень, – ответил он.

Ее лицо оставалось надменным, но по-видимому она осталась довольна впечатлением, которое произвела на него.

Сам он надел набедренную повязку из тапы, которую сам раскрасил в красные полосы ягодным соком. Надев на шею несколько ожерелий из раковин и акулиных зубов, он приделал к своему головному убору хвост из остролистной пальмы, который опускался на спину. Тав-Чев тоже надел свою набедренную повязку с кистями, как и у Пал-Пола, а на голову новый головной убор, который сам сплел из травы и перьев. В таком виде они и вышли из дома. Женщины, ожидавшие их выхода, пораженно застыли. Еще ни одной из них не приходила в голову мысль подвязывать груди тапой, чтобы соски торчали вверх. Несколько женщин тут же побежали к себе домой, чтобы так же подвязать свои свисающие груди.

Дождь уже прекратился, хотя солнца не было видно. На травянистой поляне между площадью и домом короля были разложены банановые листья, на которых женщины расставляли калабаши с пой-пой, креветками, вареными моллюсками и крабами, темной соленой морской травой. Когда собрались все принарядившиеся жители деревни, несколько женщин, возившихся у дымящихся в стороне печей, стали деревянными мешалками снимать с огня жареное мясо, раскладывать его на глиняные доски и расставлять среди прочей снеди. Люди начали шумно рассаживаться, кто на колени, кто скрестив ноги. Жареное мясо брали кто руками, а кто и тонкими деревянными палочками, разложенными среди калабашей. Король Намикио, сидящий в окружении уважаемых пожилых людей, взял только самый маленький кусочек мяса, откусил и тут же положил перед собой. Тав-Чев, подсевший к деду, тут же протянул ему целебный напиток, приготовленный Су-Бай, старшей женой короля. Очевидно, Тав-Чев хорошо

запомнил то, что ему говорил сегодня Пал-Пол. Дети пялились на Тав-Чева, хотя уже и привыкли, что их приятель имеет право сидеть среди самых уважаемых людей деревни. Старшие девочки, помогавшие женщинам, принесли связки бананов, плоды манго, калабаши с семечками в меде. Один такой калабаш поставили отдельно перед королем Намикио. Возбужденные едой, люди стали громче говорить. Под общий шум молодые мужчины стали подсаживаться к девушкам, а некоторые девушки и женщины первыми подсаживались к мужчинам. К Пал-Полу сзади подошла рослая плечистая Су-Суэй, вторая жена Тибу-Това, двоюродного брата по матери Соу-Най. Не обращая внимания на Соу-Най, сидящую рядом с Пал-Полом, Су-Суэй опустилась на колени за спиной Пал-Пола, обняла его за шею, сказала в самое ухо:

– Ты зачем сбросил с бревна моего мужа?

– Я его не сбрасывал, он сам упал, – шутливо ответил Пал-Пол.

– Не ври. Я видела, как ты ударил головой его в живот. Это нечестно. Я сейчас тебя за это укушу.

И она нежно куснула его в шею.

– Я победил, потому что я сильнее Тибу-Това, – сказал Пал-Пол с чисто мужским бахвальством.

– Неправда, – сказала Су-Суэй, прижимаясь грудью к его спине. – Тибу-Тов больше и сильнее тебя.

– Мы с ним одинакового роста, – напомнил Пал-Пол.

– Ты тоже высокий, но Тибу-Тов намного шире тебя.

– Толще, – поправил Пал-Пол.

– Нет, он шире, – настаивала Су-Суэй. – У него очень большие мускулы.

– Зато у меня большой хуй, – с веселой заносчивостью сказал Пал-Пол.

– Это нужно проверить, – сказала Су-Суэй и повела своими сильными руками от плеч Пал-Пола к его животу. Пал-Пол любил, когда девушки заигрывали с ним таким образом. Но сейчас ему стало неприятно от прикосновения этих мускулистых женских рук. Су-Суэй задрала вверх его набедренную повязку. Соу-Най неожиданно резким голосом сказала:

– На нем табу, – и ее глаза сверкнули.

Пал-Пол отвел руку Су-Суэй, и это стоило некоторых усилий, потому что руки у нее были сильные. Она снова обхватила руками его шею и сказала:

– Когда он любит, для него нет никаких табу. Он это уже доказал.

Соу-Най гибким движением поднялась на ноги и, схватив Су-Суэй за волосы, оттащила ее от Пал-Пола. Су-Суэй тоже вскочила на ноги и сильным движением вывернула руку Соу-Най ей за спину. Пал-Пол тоже вскочил. Он схватил Су-Суэй за запястья и сильно сжал их. Су-Суэй отпустила Соу-Най, и Пал-Пол встал между ними. Общий говор стих. Люди с интересом смотрели на них. Тибу-Това поблизости не было. Вероятно, он пошел к сточной канаве поспать, как это всегда делал во время общих пиров. Су-Суэй через плечо Пал-Пола громко обратилась к Соу-Най:

– Не притворяйся, что ты его любишь! Все видели, как ты секла его до крови!

Тут показался Тибу-Тов. Он быстро приближался к ним. Су-Суэй повысила голос:

– А я никогда не стала бы бить мужа, даже если бы меня заставляли!

Соу-Най тоже повысила голос:

– Это потому что ты не любишь своего мужа!

Су-Суэй рассмеялась.

– Смотрите все на нее! – крикнула она. – Она считает, что любовь это когда бьют!

– А ты... – Соу-Най в злобе запнулась, но тут же нашлась: – А ты считаешь, что любовь это когда ты хватаешь мужчину за хуй!

Су-Суэй в ярости бросилась на Соу-Най, но Пал-Пол загородил спиной свою жену, королевскую дочь, мать будущего короля. Он обнял ее за плечи, повел прочь, и она не сопротив-

лялась, только немного дрожала, возбужденная скандалом. Они шли вверх по берегу ручья. Чтобы успокоить ее, Пал-Пол сказал, продолжая обнимать ее:

– Ты самая красивая женщина в деревне. Я люблю тебя.

И Соу-Най перестала дрожать, прижалась к нему. Женщины, когда любят, становятся легковверными. Они дошли до водопада, свернули в тенистую рощу. Солнце, уже клонящееся к западу, едва пробивалось сквозь густую листву. Пал-Пол усадил Соу-Най в мягкую густую траву, сел перед ней, взял за руки. Лицо ее утратило обычное надменное выражение. В ушах, вероятно, еще звучали его слова, что она самая красивая женщина в деревне, и она сказала в ответ:

– А ты самый красивый мужчина в деревне.

Когда они вернулись на поляну, пир подходил к концу. Почти все калабаши, расставленные на подстеленных пальмовых листьях, были пусты. Сексуальные игры начались еще во время еды. Гирлянды цветов, украшавшие женщин, висели порванные и помятые. Некоторые женщины и мужчины были уже сняли набедренные повязки. Отдельные пары отошли в сторону, ища подходящие места для сексуальных актов. Тав-Чев с группой детей собирали пустые калабаши. Набрав каждый по стопке калабашей, дети побежали к ручью. Это было обычное развлечение детей во время общих праздников. Несовершеннолетние мальчики и девочки, набрав полные калабаши ключевой воды, отправлялись выслеживать по кустам и зарослям любовные парочки. Подкравшись близко к дергающейся в сексуальном акте паре, дети неожиданно обливали влюбленных холодной водой и с веселым визгом убегали, сопровождаемые грозными проклятиями. Некоторые мужчины были заняты приготовлением факелов, которые собирались зажечь с наступлением темноты.

Не дожидаясь захода солнца, Пал-Пол и Соу-Най отправились домой. На некотором расстоянии за ними следовала Ниуфат, а за ней Тав-Чев, уставший от беготни и развлечений. Вероятно, он был горд, что у него такие красивые родители и держутся среди других с таким достоинством. Когда они вошли в свой зеленый двор, Пал-Пол велел Тав-Чеву показать руки, и тот выставил руки ладонками вверх. Светлые розовые мальчишеские ладони, контрастирующие с темной кожей. На ладонях были пузыри, натертые веслом. Сегодня Тав-Чев много греб. Один пузырь лопнул.

– Не надо было руки мочить водой, – сказал Пал-Пол, вспомнив, как Тав-Чев с другими детьми наполнял калабаши водой.

Мальчик устало растянулся на циновке. Соу-Най налепила Пал-Полу лист живого куста на царапину от плавника морской свиньи. Свиней уже зажарили и съели, а царапина оставалась. Соу-Най хотела также наклеить лист на лопнувший пузырь на ладони Тав-Чева, но мальчик уже крепко спал. Пал-Пол и Соу-Най прошли в свою комнату за камышевой завесой. Пал-Пол стал снимать с жены набедренную повязку. Соу-Най стояла не шевелясь. Когда он снял полосу тапы, поддерживающую грудь, груди сразу повисли. Соу-Най тут же подвела ладони под груди, удерживая их в приподнятом состоянии, но Пал-Пол отвел ее руки, сказал:

– Грудь у тебя всё равно красивые.

И он приложился губами к ее твердому соску.

– Красивее чем у Су-Суэй? – спросила Соу-Най.

– Конечно.

Сквозь сетку плетеных камышовых стен просвечивало закатное солнце, от которого коричневая кожа Соу-Най приобрела теплый оттенок. Соу-Най в свою очередь сняла набедренную повязку Пал-Пола. Лаская друг друга, они опустили на толстый слой тростниковых циновок. Соу-Най хотела вынуть из волос пучки красных цветов, но Пал-Пол сказал:

– Не надо. Так хорошо.

Варьируя позы во время сексуальных актов, Пал-Пол то и дело проводил рукой по гладкому животу Соу-Най. Скоро этот живот начнет округляться. Он приложился к нему ухом.

Обычно, когда к женскому животу прикладывают ухо, изнутри слышатся тихие шумы, едва слышное бульканье, иногда тихий звук, похожий на журчание ручейка. Пал-Полу нравилось, затаив дыхание, прислушиваться к едва слышным звукам женского тела. Но теперь в животе Соу-Най было глухо. У беременных женщин тело молчит. Уснули они только глубокой ночью.

Когда утром их разбудили чьи-то крики, солнце было уже высоко. Послышался крик Тав-Чева:

– Па! Каноэ! – Тав-Чеву было запрещено входить в комнату родителей, и он звал со двора: – Па! Каноэ!

Пал-Пол вспомнил, как вчера они с Тав-Чевом плавали в каноэ и после этого недостаточно далеко вытащили его на песок. Вероятно, за ночь каноэ отнесло приливом в океан. Очень хотелось ссать, но член стоял напряженно вверх, почти касаясь живота, как это часто бывает по утрам. В таком состоянии ссать невозможно. Надо было ждать, пока член помягчает. Но ждать было некогда. Нужно было спасать каноэ. Пал-Пол голым выскочил во двор. Здесь помимо Тав-Чева и Ниуфат был Чеп-Тов, ровесник и приятель Тав-Чева. Это он прибежал сообщить о каноэ. Тав-Чев только мельком взглянул на стоящий вверх член отца. Эрекция на людях была обычным явлением. Дети помногу и с большим интересом обсуждали между собой сексуальную жизнь взрослых, и когда Тав-Чеву приходилось видеть на людях эрекцию Пал-Пола, он даже испытывал нечто вроде гордости за своего отца. Они побежали к берегу, впереди Пал-Пол, за ним оба мальчика.

– Далеко каноэ? – спросил на бегу Пал-Пол.

– Далеко! – ответил на бегу Чеп-Тов. – Большое каноэ!

Пал-Пол понял, что речь была не об их каноэ, и с бега перешел на шаг. Он спросил:

– Каноэ из Прибрежной деревни?

– Нет! Очень большое каноэ!

И Пал-Пол наконец всё понял.

Каноэ. Большое каноэ. Очень большое каноэ.

Это значит: каноэ из другого мира. Другие жители деревни тоже бежали к берегу. Выбрав на открытое пространство, с которого открывался вид на океан, Пал-Пол увидел на горизонте океанский пароход. Белый. Направляющийся к их острову. Пал-Пол с мальчиками спустились на песчаный берег. Многие жители Большой деревни стояли по колено в воде, неотрывно глядя на пароход. Пал-Пол тоже вошел по колено в воду. Член уже размяк, и Пал-Пол стал ссать в океан. Некоторые мужчины тоже ссали, стоя по колено в воде. Силач Тибу-Тов тоже поссал в воду. На лице его виднелись три глубокие царапины одна под другой. Тут же была и его жена Су-Суэй. У нее была распухшая щека и синяк под глазом. Очевидно после вчерашней размолвки с Соу-Най у Тибу-Това с женой была семейная ссора. Пал-Пол, помня шутки по поводу рубцов на спине, мог теперь в отместку высказаться о новой татуировке на лице Тибу-Това, но ему было не до шуток. Белый пароход явно направлялся к острову, хоть и находился так далеко, что приближение было незаметно. Пал-Пол резко повернулся и побежал обратно к деревне. За ним побежал Тав-Чев.

– Па! Ты куда?

– К художнику! – на бегу ответил Пал-Пол и тут же решил: – Бежим вместе!

Навстречу им бежали другие жители деревни, в том числе Соу-Най и Ниуфат. Впереди бежал Кай-Той, сын старейшины Каниги, самый молодой из приближенных короля Намикио. Пал-Пол остановил его.

– Король уже знает? – спросил он.

– Знает, – ответил Кай-Той. – Он послал меня всё увидеть и рассказать ему. Может быть, он сам придет на берег.

– Я к художнику! – крикнул Пал-Пол Соу-Най. – Если Намикио меня позовет, я скоро вернусь и буду на площади!

И он побежал дальше, сопровождаемый Тав-Чевом. Художнику уже сообщили о большом каноэ, и он собирался бежать на берег.

- Мне нужна татуировка, – сказал Пал-Пол, задыхаясь от бега.
- Потом, – нетерпеливо ответил художник Туа-По.
- Нет, сейчас, – упрямо сказал Пал-Пол.
- Я сейчас на берег, – отстранился художник. – Приходи потом.
- Нет, сейчас, – и Пал-Пол с силой ухватил Туа-По за плечи.
- Ладно, – недовольно согласился Туа-По. – Садись.
- Сперва его, – и Пал-Пол усадил на землю Тав-Чева.
- Двоих? – воскликнул Туа-По. – У меня нет времени.
- У меня тоже. Быстро!

Туа-По с недовольным видом придвинул деревянные корытца с красками, сел перед Тав-Чевом, поджав под себя ноги, нанес пером красную полосу вдоль груди Тав-Чева.

– Сперва лицо, – сказал Пал-Пол. – Остальное не надо. – Туа-По удивленно уставился на Пал-Пола.

- Только лицо? – спросил он.
- Ему только лицо, – подтвердил Пал-Пол.
- Туа-По обвел белой краской глаза Тав-Чева.
- Нет, – возразил Пал-Пол. – Глаза обведи синей краской.
- Художник я, а не ты, – раздраженно сказал Туа-По.
- Ты художник, – согласился Пал-Пол. – Ты делаешь это красиво. А мне это нужно не

для красоты.

- А для чего же? – уставился на него Туа-По.
- Туа-По, у меня нет времени, как и у тебя. Делай скорей то, что я прошу.

Когда лицо Тав-Чева целиком покрылось красками, Пал-Пол, не смотря на все протесты Туа-По, схватил перо и сам нанес желтые полосы на веки сына. Затем он уселся на место Тав-Чева и сказал:

- Меня так же.

Когда Пал-Пол и Тав-Чев пришли на площадь, их лица были неузнаваемы. Черные и желтые узоры на щеках переходили извилистыми линиями на шею. Вокруг глаз вились синие узоры, испещренные зелеными, черными и красными точками, так что было непонятно, где расположены глаза. На груди Пал-Пола красовались пятна, похожие на цветы, перемежавшиеся с многоконечными звездами. Те жители деревни, которые были не на берегу, толпились на площади и у дома короля Намикио. К Пал-Полу подбежал приятель Тав-Чева Чеп-Тов. Он возбужденно заговорил:

– Второе каноэ! Оно вышло из большого каноэ! Оно плывет сюда, а большое каноэ стоит на месте!

Пал-Пол побежал к берегу, но Чеп-Тов закричал:

- С берега уже не видно! Видно со скалы!

Пал-Пол, а за ним Тав-Чев и Чеп-Тов побежали вверх к скале, образующей мыс. Карбаться на скалу было тяжело, а там, где были уступы, росли колючие кустарники. На вершине скалы тоже стояли люди. Среди них был Таки-Фоп, отец Чеп-Това, самый сильный после Тибу-Това мужчина деревни. Увидев Пал-Пола, он сообщил:

– От большого каноэ отошло маленькое каноэ. Оно плывет вдоль берега. Люди на нем ищут, где удобней пристать.

Всё оказалось так, как говорил Таки-Фоп.

С океанского парохода спустили моторный катер, который теперь плыл вдоль берегов острова. Над кормой катера развевался флаг. Было отчетливо видно, что флаг состоит из трех вертикальных полос: синяя, белая и красная.

Пал-Пол высказал предположение:

– Они могут и не пристать к берегу, просто объедут весь остров и вернуться на большое каноэ.

Таки-Фоп возразил:

– Если бы они хотели просто объехать остров, они бы его объехали на большом каноэ.

Резонно. Силач Таки-Фоп, не смотря на молчаливость и медлительность речи, был умным. Пал-Пол знал это с детства.

Он стал спускаться со скалы. За ним следовал Тав-Чев. Внизу к ним подскочил Кай-Той. Приблизившись вплотную к Пал-Полу, он тихо сказал:

– Король Намикио тебя зовет.

Это было в обычае Кай-Тоя: говорить тихо, почти в самое ухо, будто сообщая важную тайну. Он считал, что это придает ему солидности. Пал-Пол забежал домой. Он всё еще был голым, а жители деревни успели уже надеть тапы. Одеваться было некогда. Пал-Пол захватил набедренную повязку, широкую полосу тапы, свой самый пышный головной убор, и Тав-Чев тоже захватил свой наряд, и они, держа всё это в охапках, побежали к дому короля. Здесь тоже толпились люди. Многие мужчины были с копьями. У Тибу-Това было копье с очень тяжелым наконечником из твердого дерева, с большим акульим зубом на конце. Несмотря на волнение, вызванное приходом чужого каноэ, люди с интересом посмотрели на разрисованное лицо Пал-Пола. Катото сказал одобрительно:

– Красивая татуировка.

Тибу-Тов, придерживающийся мнения старших людей, сказал:

– Татуировка без выкалывания – вовсе не татуировка.

Кай-Той, сын старейшины Катоти, указал Пал-Полу на вход в дом короля, сообщил:

– Здесь только старейшины.

Дом короля был расположен на каменном возвышении. Ко входу вели широкие ступени. Пал-Пол стал подниматься по ступеням. Когда Тав-Чев последовал за ним, Кай-Той остановил мальчика за руку.

– Тебе нельзя. Я же сказал, здесь только старейшины.

Но Пал-Пол небрежно произнес:

– Он со мной, – и для значимости пояснил: – Он будущий король и должен всё слышать.

И Кай-Той отступил.

Большой дом короля стоял открытый, отсутствовала передняя стена, но в глубине дома, где сидели король и старейшины, было тихо. Голоса и шумы снаружи приглушались плотными двойными стенами из бамбуковых стволов. Пал-Пол и Тав-Чев прошли более десяти шагов – расстояние от входного проема до возвышения из пальмовых стволов, на котором восседали правители королевства. Пал-Пол остановился перед королем, соблюдая законы вежливости. Тав-Чев побаивался старейшин, но при короле он чувствовал себя непринужденно. Разложив у ног короля свои наряды, он тут же стал одеваться. Сам король помог ему затянуть сзади набедренную повязку. Рядом с королем сидел Канига, старейшина Большой деревни. По другую сторону помещались старейшины Прибрежной и Долинной деревень. И еще были четверо старших вождей. Король заговорил:

– Каноэ с их людьми должно пристать к берегу.

Очевидно король уже что-то обсудил со старейшинами, и теперь он обращался только к Пал-Полу. Он продолжал:

– С высокой горы видны все берега. На высокой горе стоит человек, который подает знаки, где и куда движется каноэ. На скале и других местах, откуда видна большая гора, стоят люди, которые принимают знаки человека с большой горы. Сейчас каноэ обошло остров со стороны коралловых мелей и приближается к Каменной деревне. Мы послали человека в Каменную деревню, но он еще не вернулся.

Пал-Полу понравилась такая слаженная организации действий вместо обычной безалаберности, к которой он привык. Король продолжал:

– Нам надо заранее знать, где их каноэ пристанет к берегу. У Каменной деревни высокие камни. Между ними может пройти только наше каноэ. Их каноэ не пройдет. Они объедут весь остров и поймут, что могут пристать к берегу только у нашей Большой деревни или у Береговой деревни.

Король замолчал. Очевидно, он ждал, какие соображения выскажет Пал-Пол. И Пал-Пол сказал:

– Все мы заплывали на каноэ далеко от берега и знаем, как выглядит берег со стороны океана. Со стороны океана наша Большая деревня не видна. А Береговая деревня видна с океана. Значит, они пристанут к тому берегу, где видна деревня.

Пал-Пол замолчал. Старейшина Береговой деревни сказал:

– Все наши воины и вожди собрались на берегу.

– Этого мало, – сказал Пал-Пол. – Надо созвать воинов из других деревень. Люди с большого каноэ должны увидеть, что в нашем королевстве много людей.

– Это так, – подтвердил старейшина Канига. – И все воины должны быть вооружены. Копья и луки.

– Лучше не надо, – сказал король. – Нельзя проявлять враждебность.

Пал-Пол возразил:

– Канига прав. Мы не будем проявлять враждебности, а просто покажем, что мы готовы защищать королевство в случае нападения. Я тоже приду с луком и копьем, если вожди разрешат.

Вожди согласно кивнули головами. Чья-то тень протянулась от входа через весь дом. Пал-Пол оглянулся. Во входном проеме стоял Кай-Той. Его силуэт выражал готовность к исполнению любого указания. Он сообщил:

– Каноэ прошло мимо Каменной деревни, скрылось за скалой.

Все молчали. Кай-Той понял, что никаких указаний не последует, и тактично удалился. Король Намикио заговорил:

– Поймем ли мы, что они будут говорить. Поймут ли они, что мы будем говорить.

Намикио не спрашивал, просто рассуждал вслух сам с собой. Пал-Пол сказал:

– Если они пристанут к берегу, они должны знать нашу речь. Если они не знают, у них должен быть человек, который знает нашу речь, и который будет нам объяснять, что они говорят, а им будет объяснять, что говорим мы.

Король смотрел на Пал-Пола, будто хотел его что-то спросить. Пал-Пол знал, что хочет спросить король. Но король не спросил. Король Намикио умный. Пал-Пол посмотрел на Тав-Чева. Будущий король сидел у ног короля Намикио и старательно прилаживал к своему головному убору связку красных кораллов: так он готовился ко встрече с людьми с большого каноэ. Канига сказал:

– Надо выйти на берег. Мы должны их встретить и отвести сюда, к королю. Разговаривать.

Король сказал:

– Встречать их будут старейшины и вожди. Без копий и луков. А воины с копьями и встанут сзади на десять шагов и не подпустят наших людей близко к людям из каноэ, если только люди из каноэ сами не захотят подойти к нашим людям.

Пал-Пол сказал:

– Я тоже буду стоять сзади с воинами с копьем и луком.

– Нет, – сказал король. – Когда люди с каноэ войдут, ты будешь сидеть рядом со мной.

Пал-Пол возразил:

– Старейшины и вожди должны сесть рядом с тобой.

– Хорошо, – сказал король. – Ты сядешь позади меня. У тебя будут копье и лук. Ты будешь охранять меня.

Пал-Пол понял, согласно кивнул. Король Намикио умный, всё понимает.

Большое каноэ с красивым флагом на корме стало подходить к Береговой деревне. Помимо жителей Береговой деревни сюда стали подбегать и люди Большой деревни. Большое каноэ двигалось без весел, издавая грохочущий звук. А очень большое каноэ стояло далеко. Неизвестно, что было на очень большом каноэ, а просто большое каноэ подошло к берегу, и на нем оказалось шестеро людей. Они были белые.

Пал-Пол стоял с копьем и луком вместе с воинами. Его разрисованное лицо неузнаваемо, а прямые острые плечи, по которым его можно было узнать, прикрыты широкой полосой тапы. Набедренная повязка такой длины, что опускается ниже колен. Из каноэ выпрыгнули четверо. Двое остались в каноэ. Все они были одинаково одеты: белые шляпы, белые шорты, светлоглубые рубашки, на ногах сандалии. Из ряда старейшин и вождей выступил вперед Канига. Он сказал:

– Мы, люди Хатуту, приветствуем вас. Вы наши гости.

От людей с каноэ выступил на шаг вперед пожилой лысый мужчина и громко заговорил. Хотя некоторые его слова были знакомы людям, никто не понял, что он сказал. Другой белый мужчина, помладше и повыше ростом, что-то тихо сказал лысому, и тот снова стал говорить то же, только медленнее, выпевая каждое слово. Он сказал:

– Мы рады, что вы нас приветствуете. Мы тоже вас приветствуем. Мы рады, что вы нас встретили. Мы ваши друзья.

Восторженный гул толпы показал, что люди поняли белого человека. Воины едва сдерживали толпу людей, рвущихся поближе к белым людям. Здесь были уже и жители из Долинной и Каменной деревень. Собралось почти всё население королевства. Подойдя вплотную к белым людям и стараясь перекричать общий шум, Канига объявил, что король Земли Хатуту приглашает их к себе в дом. Окруженные воинами, сдерживающими возбужденную толпу, четверо белых людей под предводительством старейшин стали подниматься вверх к Большой деревне и дальше, к дому короля. Тав-Чев вместе с другими детьми протискивался к идущим белым людям. Воины, охраняющие белых от возбужденной толпы, лишь слегка отстраняли Тав-Чева, не решаясь посильнее оттолкнуть будущего короля, и Тав-Чеву даже удалось дотронуться до рубашки одного из белых, но сзади послышался грозный окрик Пал-Пола:

– Тав-Чев! Назад! Сюда!

И мальчик, пятясь, отступил в толпу. Когда он приблизился к Пал-Полу, тот сказал:

– Бегом! В дом короля! Быстро!

И сам первый, вырвавшись из толпы, быстро побежал вперед. Тав-Чев едва успевал за ним. Еще никогда ему не приходилось так быстро бегать с отцом. Если бы не свисающая ниже колен тапа, не копье и лук, которые мешали Пал-Полу бежать, мальчик наверняка бы отстал. Перед королевским домом они остановились. Пал-Пол сказал:

– Не смей близко к ним подходить.

– Почему?

– Я потом тебе всё объясню.

Пал-Пол подумал, что Тав-Чев может всё же не послушаться. Слишком большой соблазн вместе с другими детьми войти в контакт с приезжими. И Пал-Пол сказал:

– Пойдешь со мной. Будущий король должен знать, как принимать гостей.

Они поднялись в дом короля. Король Намикио стоял посреди помещения, а его младшая жена обворачивала вокруг него длинную полосу тапы.

– Зачем так много тапы? – спросил Пал-Пол. – Сегодня жарко.

Взгляд короля говорил: но ты же сам обернулся тапой. Но вслух он этого не сказал. Король Намикио всё понимает. Пал-Пол стал докладывать:

– В каноэ шесть человек. Двое остались в каноэ. Четверо вышли. Канига их поприветствовал, как вы договорились. Они ответили приветствием, сказали, что они нам друзья. Один из них знает нашу речь. У них нет никаких вещей, только у одного мешок. Значит, они будут здесь недолго.

Намикио в ответ только кивнул. Пал-Пол спросил:

– Как желудок?

Король ответил:

– Я с утра не ел и не пил. Когда я долго не ем и не пью, я здоров, – и король улыбнулся.

И действительно, король Намикио выглядел здоровым и бодрым. Снаружи слышались крики людей. В проеме показался Кай-Той.

– Все идут сюда! Четверо белых. Двое остались в каноэ.

Король кивнул. Кай-Той вышел. Король поднялся на возвышение, сел на толстый слой циновки. Пал-Пол с копьем и луком сел позади короля, к задней стене. Здесь было темнее, чем в других местах дома. Тав-Чеву он велел сесть в угол, где совсем было темно. Вошли старейшины. За ними вошли четверо белых людей, а за ними четверо вождей – вошли и встали по стенам. Канига указал на короля, сказал:

– Намикио. Король Земли.

Все четверо белых наклонились вперед перед королем и снова выпрямились. Это было знаком почтения. Намикио это понял, кивнул им головой. Старейшины уселись рядом с королем. Король указал белым людям на циновки, разостланные перед ним, приглашая жестом сесть. Белые люди продолжали стоять. Король спросил:

– Кто из вас старейшина?

Белые люди, вероятно, не были готовы к такому вопросу. Лысый мужчина подтолкнул вперед высокого мужчину, с которым переговаривался на берегу, и сказал:

– Для нас, – тут он указал на себя и остальных белых, – он старейшина. Его имя Рожэ.

– Ро-Жео, – повторил король, изменяя непривычное звуко сочетание на более приемлемое для островитян.

Белый, имя которого назвали, кивнул головой. На его груди висел на черном ремне черный предмет, который никак не походил на какое-нибудь оружие.

Бинокль.

Король сказал:

– Вы наши гости. Вы голодны? Вы хотите пить? Вы хотите отдохнуть?

Король дал знак Кай-Тою, дежурившему у входа. Тот скрылся, и тут же вошли все три жены короля с различной едой в калабашах. Они поставили калабаши между королем и белыми людьми и тут же уселись на пол позади белых людей. Король сделал знак своим женам, чтобы они ушли. Но они сделали вид, что не поняли знака и продолжали сидеть. Заговорил Рожэ. Оказывается, он тоже знал речь королевства, правда, еще хуже лысого.

– Мы очень рады, что вы гостеприимны. Мы бы хотели долго у вас гостить. Но мы не можем. Нас там ждут, – и он указал в сторону океана. – Мы хотим походить по вашей земле. Посмотреть на ваше королевство. Посмотреть на ваших людей. Если вы разрешите.

– Походите, – сказал король Намикио. – Только люди очень любопытны. Они не дадут вам спокойно походить. Вас будут охранять воины.

Когда все стали выходить, король продолжал сидеть. Пал-Пол тоже. Тав-Чев во все глаза таращился на Пал-Пола в ожидании, когда тот разрешит ему выйти. Но Пал-Пол не спешил. После короткого разговора с королем Пал-Пол поднялся с места. Тав-Чев вскочил, направился к выходу, но Пал-Пол перегородил ему дорогу. Король положил руку на плечо Тав-Чеву. Так они и вышли из дома, втроем. Возбужденная шумная толпа окружила четырех белых людей. Воины старались сдерживать островитян. Роже указал на ручей, вероятно, привлечший его живописным видом, и все четверо в сопровождении старейшин и вождей двинулись вверх по

широкой тропе вдоль ручья. Король Намикио пошел за ними, присоединился к старейшинам. А Пал-Пол держался в конце толпы, издали наблюдая за белыми и не отпуская от себя Тав-Чева. Когда все дошли до водопада, некоторые мужчины и женщины стали пить, подставляя лица к падающим струям. Роже, ступая по камням, тоже приблизился к водопаду и, ухватившись за край скалы, потянулся лицом к прозрачной струе. За ним, к восторгу островитян, стали пить остальные белые, забрызгивая водой свою одежду. И тут все люди, толкая друг друга, тоже бросились к водопаду, надостаточно широкому для всех. Тибу-Тов, отесняя своим могучим телом других людей, сунулся головой под струю. Рядом с ним оказался Роже. Он спросил:

– Как твое имя?

Тибу-Тов сперва не понял: чужое произношение, чужая интонация. Роже повторил вопрос. Тибу-Тов просиял:

– Тибу-Тов! – и он хлопнул себя по груди.

– А я – Роже, – и Роже тоже хлопнул себя по груди. – Будем друзьями, – и Роже протянул Тибу-Тову руку.

Тибу-Тов в недоумении посмотрел на его руку, протянул неуверенно свою. И Роже пожал ему руку. Роже обратился к коренастому белому, у которого был за плечами мешок:

– Я же говорил, они ничем не отличаются от тех, которые встретили Альваро де Нэира в шестнадцатом веке. Открой рюкзак.

Он это проговорил вполголоса. Французская речь с обилием согласных звуков производила впечатление неясного бессмысленного бормотания. Коренастый снял с плеч мешок, отстегнул ремни. Роже запустил в мешок руку, вынул наугад нитку крупных стеклянных бус, протянул Тибу-Тову. Тот неуверенно взял бусы, стал удивленно рассматривать сверкающие стекляшки, посмотрел на Роже, спросил подозрительно:

– Это мое?

– Твое, – ответил Роже. – Чтобы ты меня помнил.

Тут Тибу-Тов в диком восторге разинул рот, издал радостный вой. И тут же проворный, хотя и толстый, Той-Пой протиснулся ближе к коренастому и сказал:

– Мое имя Той-Пой! – И, ударив себя в грудь, повторил: – Той-Пой!

– А я – Леон.

Коренастый Леон со словами «будем друзьями» вынул из мешка другие бусы и протянул Той-Пою. Тут началось нечто невообразимое. Отталкивая друг друга, люди начали протискиваться к белым, каждый выкрикивал свое имя, стараясь ухватиться за белого. Разумеется, первыми получили бусы воины, охраняющие белых. Воспользовавшись тем, что воины были некоторое время заняты радостным разглядыванием своих бус, люди тесной толпой окружили белых, теребя их и выкрикивая свои имена. Следовало заметить, что ни один островитянин, получив свой подарок, не подошел к белым, чтобы получить еще один подарок, хотя было понятно, что белые уже не могли помнить, кого они одарили, а кого еще нет. Наконец, все получили по связке бус, как мужчины, так и женщины и дети. Даже старая Фопу-Лей получила связку голубых сверкающих бус. Для этого ей пришлось цепко ухватиться за руку Роже и прокричать в ухо:

– Я Фопу-Лей, самая старая и уважаемая женщина Большой деревни!

Получив причитающиеся ей бусы, она, как и все остальные, с восторгом завывала, осерев старческий рот. Четверо белых под охраной воинов снова двинулись вверх по тропе, сопровождаемые толпой людей. Некоторые уже повесили на шеи свои сверкающие бусы. Здесь была и Соу-Най с Ниуфат. На обеих тоже были бусы. Только один король Намикио остался в стороне при раздаче бус. Он у себя в доме уже обменялся приветствиями с Роже, а попросить еще бусы было ниже его достоинства. И еще без бус остались Пал-Пол и Тав-Чев. Мальчик с отчаянием смотрел на отца, но тот крепко держал его за руку, не подпуская к толпе.

Теперь были известны имена всех четырех белых, поскольку им пришлось по многу раз повторять их. Роже был старейшиной у белых. Лысого звали Бернар. Коренастого блондина с мешком звали Леон. Самый младший, брюнет с вьющимися волосами, был Мишель. Он был не намного старше Пал-Пола и подвижнее остальных белых. Они прошли через тенистую рошу и стали подниматься на гору, поросшую низкими деревьями и кустами. Проворный Мишель определил толпу, взобрался на скалу, вынул из кармана шортов небольшой твердый черный предмет, и, повернувшись к толпе, приставил его к глазу. Люди, заинтересованно притихли. Раздался тихий щелчок. Люди снова двинулись вверх на гору. Мишель время от времени вынимал из кармана фотоаппарат, снимая людей, гору, некоторые растения. На одной из скал появилась горная коза. Один из воинов тут же поднял лук, натянул стрелу, но выстрелить не успел. Коза, увидев внизу толпу людей, скрылась. Козы умеют внезапно появляться и так же внезапно исчезать неизвестно куда. Поэтому охотиться на них трудно. Мишель успел сфотографировать козу. Появление козы очень заинтересовало белых. Они быстро и тихо заговорили между собой на своем непонятном шепелявом языке. Мишель сказал:

– Ни в одной записи не встречал.

– Еще одна загадка природы, – сказал Леон.

Роже заметил:

– Если и встречаются дикие козы в горах Новой Зеландии, то известно документально, кто и когда их туда завез.

Белые не стали спускаться в Каменную деревню. Они только осмотрели ее с горы. Отсюда же открывался вид на другую сторону океана. Роже поднял бинокль, осмотрел вокруг горы, а потом подошел к королю Намикио, подал ему бинокль, стал объяснять как им пользоваться, как регулировать видимость, поворачивая черный кружок. Король Намикио стал смотреть в бинокль. Его лицо озарила улыбка. Он долго смотрел в бинокль по сторонам, а люди, открыв рты, смотрели на короля. Наконец, Намикио протянул бинокль обратно Роже, а тот сказал:

– Намикио, это тебе. Мы друзья.

Намикио, держа бинокль в руках, спросил:

– Это мое?

– Это твое, – ответил Роже. – Это называется бинокль.

– Би-Оук-Ли, – повторил Намикио.

Роже сказал:

– Бинокль твой. Ты король. Бинокль твой, чтобы ты хорошо видел свое королевство.

И Роже перекинул через шею короля ремешок бинокля. И тут Намикио радостно по-детски рассмеялся и еще раз приставил бинокль к глазам.

Потом белые спустились в Долинную деревню, осмотрели каменные столбы в ущельи, о которых они уже раньше откуда-то знали. Мишель сфотографировал столбы. Бернар сказал:

– Возможно и так, следы преокеанской цивилизации.

– Не думаю, – возразил Роже. – Это же непрочные лавы. Учитывая климатические условия, это не тысячелетия. Не более двух веков.

Когда все вернулись в Большую деревню, белые стали прощаться, их ждали на очень большом каноэ. Но женщины принесли из своих домов еду в калабахах. Перед домом короля Намикио расстелили пальмовые и банановые листья, на которых женщины расставили калабахи, связки бананов, фрукты и камышовые корзинки с ягодами. Сам собой получился неожиданный пир. Четверо белых уселись на землю в окружении островитян, из которых каждый хотел поближе подсесть к белым. Воины попрежнему охраняли белых от приставаний островитян. Среди жителей Долинной деревни была и Ол-Мэй, с которой Пал-Пол всего один раз встретился ночью и тут же был выслежен Тибу-Товом и другими мужчинами. Пал-Пол издали следил за ней. К ней подсел белый брюнет Мишель, пытаясь заговорить с ней, хотя он явно не знал языка Хатуту. Вероятно, он спрашивал ее имя, и она что-то говорила ему, кокетливо

улыбаясь. Пал-Полу это не нравилось. Белые с осторожностью пробовали предлагаемую еду, по примеру островитян набирая пальцами из калабашей квашеную пой-пой, жареных креветок, отламывая кусочки жареной рыбы, с явным удовольствием ели фрукты. Лысый Бернар после еды вынул из кармана баночку, вытряхнул из нее розовую пилюлю и проглотил ее. Пал-Пол тихо сказал Тав-Чеву:

– Подойди к матери и скажи ей, пусть подойдет к лысому, который Бернар, пусть скажет ему, что у короля болит после еды желудок. У Бернара, наверное, та же болезнь, что у твоего деда. Он после еды ест эти камешки. Видел? Может, он даст этих камешков деду, и дед поправится.

Тав-Чев тотчас дернулся бежать к Соу-Най, но Пал-Пол крепко держал его руку.

– Смотри, – сказал Пал-Пол. – Подойди только к матери. Скажи ей это и сразу же беги ко мне. Понял?

– Понял, – ответил Тав-Чев и побежал к Соу-Най, которая сидела неподалеку от отца.

Пал-Пол издали проследил, как Тав-Чев переговорил с Соу-Най. Она посмотрела в его сторону, поднялась, подошла к лысому, заговорила с ним. Тав-Чев, как и обещал, вернулся к Пал-Полу. Когда Соу-Най говорила с лысым Бернаром, Мишель обратил на нее внимание и тут же подсел к ней ближе, пытаясь подключиться к разговору, хотя явно не понимал, о чем они говорят. Наконец Бернар поднялся, подошел к королю Намикио, заговорил с ним. Некоторое время они говорили между собой, сблизив лица, потому что общий шум мешал разговору. Потом Бернар дал одну пилюлю королю, тот ее проглотил, и Бернар протянул баночку королю, объясняя как и когда пользоваться пилюлями. А Мишель продолжал сидеть рядом с Соу-Най, пытаясь говорить с ней на неизвестно каком языке. Она что-то отвечала ему, величественно улыбаясь. Он взял ее за руку, рассматривая ее браслет из кораллов и раковин. Пал-Полу это не понравилось. Но тут к Соу-Най подошла неотступная Ниуфат и уселась между Соу-Най и Мишелем. Белые сперва тактично избегали разговоров между собой на своем языке, но во время еды, почувствовав некоторую раскованность, стали обмениваться наблюдениями. Мишель сказал коренастому Леону:

– По моему, все эти разговоры о сексуальной свободе полинезийцев сильно приувеличены. Таитяне, вероятно, развратили сами европейцы, а здесь, на Маркизах, они сохранили некую защиту от развращений.

– Не думаю, – ответил Леон. – Их одежда не располагает к целомудрию. Просто они сдерживаются при нас. Или ты думал, они станут совокупляться на твоих глазах, и ты будешь фотографировать? Как ты думаешь, у них настоящая татуировка?

– У некоторых настоящая, – сказал Мишель. – А иные молодые мужчины, по-моему, просто разрисованы. Вот, например, тот страшный, завернутый весь в тапу, который почему-то чуждается нас.

– А дети не разрисованы, – заметил Роже. – Только один мальчик разрисован. Я бы хотел с ним заговорить, но его почему-то к нам не подпускают, особенно тот, страшный.

После еды белые поднялись на ноги, и все тоже поднялись. Начался длительный процесс прощания. Все направились к берегу. Когда люди проходили мимо сточной канавы, некоторые мужчины стали ссать в канаву. Бернар, подойдя к канаве, всем своим видом показывая, что тоже хочет поссать, посмотрел вопрошающе на окружавших его мужчин. И мужчины тотчас выразительными жестами стали приглашать его к естественным отправлениям. Бернар явно стеснялся, стараясь ссать боком к толпе, прикрывая ладонью член, и при этом обоссал себе ногу. К нему присоединился Роже. Он ссал без стеснения, даже наоборот как-то демонстративно. Конечно, их тут же окружили тесной толпой. Всем было интересно, особенно женщинам, как ссут белые люди, как расстегивают, а потом застегивают свои шорты. Все двигались к берегу, процесс прощания продолжался. Белые люди говорили, дополняя жестами свои слова, что им очень понравилось в королевстве, и что они будут приезжать сюда еще и

привозить много подарков. На берегу стали обмениваться головными уборами. Старейшины отдали белым свои роскошные головные уборы, получив взамен белые шляпы. Большое каное с двумя оставшимися людьми покачивалось на воде за прибойной волной. Четверо белых двинулись к воде. И тут женщины, уже освоившиеся в общении с белыми, расталкивая мужчин, с визгом стали бросаться на шеи четверем белым. Пал-Пол, все еще стоящий позади толпы, видел, как Ол-Мэй, его любимая девушка из Долинной деревни, повисла на шее брюнета Мишеля. Дарить было уже нечего. И тут Мишель, слегка отстранив Ол-Мэй, снял через голову свою рубашку и протянул девушке. Ол-Мэй, визжа от восторга, стала тут же надевать на себя рубашку, а Мишель, обнаженный по пояс, стал ей помогать. И тут остальные белые тоже стали снимать с себя рубашки и дарить людям. Мужчины тоже пытались заполучить чью-нибудь рубашку, но женщины с пронзительным визгом тянули рубашки к себе, и мужчинам пришлось уступить. Тогда белые стали снимать шорты, предварительно вынув из карманов нужные предметы. Затем очередь дошла до сандалий. И четверо белых мужчин в одних трусах, перепрыгивая прибойные волны, побежали к своему большому каное. Мишель в высоко поднятой руке держал над головой фотоаппарат. Люди вошли по колено в океан, глядя вслед белым, которые несколько неуклюже стали переваливаться через борт в свое большое каное.

Когда они расселись по местам, рулевой, сидевший на корме, привстал, дернул несколько раз шнур, и мотор завелся, затарахтел. Моторная лодка стала разворачиваться носом к парходу, стоящему вдалеке. Пал-Пол, стоя позади толпы, тоже, как все, неотрывно смотрел на моторную лодку. Он и не заметил, как выпустил руку Тав-Чева, и теперь мальчик стоял по колено в воде рядом со своими сверстниками в толпе людей. А людей было много. Почти всё население четырех деревень королевства.

Белые люди покидали остров. Надолго. Правда, они обещали приезжать еще. Но ведь до сих пор их не было очень долго. Даже на памяти глубоких стариков остров ни разу не посещался белыми. Такие случаи жили только в легендах. И следующий такой случай будет, может быть, лет через двадцать. Белым людям этот остров не нужен. И сейчас они не увидели ничего, что бы могло заинтересовать мир белых людей. А нужен ли остров Пал-Полу? Всё это четко определилось в сознании Пал-Пола, и мгновенно, как это часто случается, возникла мысль, которая побудила его к немедленному действию.

Пал-Пол быстро пошел к толпе людей, на ходу разворачивая тапу с плечей и отбрасывая ее в сторону. От толпы отделилась, будто почувствовав что-то, Соу-Най и пошла навстречу Пал-Полу. Она схватила его за плечи, глядя на него немигающими глазами. Пал-Пол сжал ее локти и отстранил от себя. Он побежал к прибойной волне. Расталкивая людей, он побежал по воде, поднимая брызги. Прыгнув через последнюю волну, он пружинисто оттолкнулся ото дна, прыгнул головой в глубину, быстро поплыл к моторной лодке. Рулевой уже включил малую скорость. Вода забурилась из-под кормы. Пал-Пол выкрикнул всплывшее в памяти французское слово:

– Стоп!

Люди в лодке удивленно смотрели на него. Лодка продолжала удаляться. Рулевой выключил мотор. Лодка теперь двигалась по инерции. Одно французское слово повлекло за собой из памяти другие слова. Пал-Пол крикнул:

– Стойте! Подождите!

Лодка медленно двигалась с выключенным мотором.

И тут Пал-Пол увидел над водой острый черный плавник. Акула была еще далеко, за лодкой, но она двигалась к Пал-Полу. Пытаясь вспомнить слово акула по-французски и не вспомнив, он выкрикнул на языке островитян:

– Акула!

Роже понял, повторил по-французски:

– Акула!

Рулевой тоже увидел акулу. Он дернул за шнур, мотор завелся. Акула, которую спугнул треск мотора, свернула в сторону, поплыла в обход лодки, которая теперь двигалась назад, к Пал-Полу. Мужчина, который вместе с рулевым оставался в лодке, поднял короткое ружье, навел на акулу. Но Пал-Пол уже достиг лодки. Поджав ноги и нагнув к ним голову, он быстро распрямился, почти по пояс выпрыгнув из воды, и ухватился за борт. Люди помогли ему подняться в лодку. Пал-Пол присел на борт, уцепившись в него руками, перевел дыхание. Рулевой выключил мотор.

Шестеро людей в лодке, двое одетых и четверо раздетых, оставившие свою одежду на острове, пораженно смотрели на Пал-Пола. Только теперь они поняли, что он белый. Блондин с голубыми глазами. А Пал-Пол выдавливал из своей памяти французские слова и выражения. Он сказал:

– Я французский подданный. Я родился в Париже.

И замолчал.

Французские слова плавали в памяти, и он никак не мог собрать из них фразу. В детстве его обучали английскому языку, и на память пришел английский оборот:

– I want you to ... – а затем он закончил фразу по-французски: – отвезти меня во Францию.

Тут ему вспомнилась фраза не то из журнала, не то из радиопередач, которую он в детстве неясно понимал, она и теперь была ему мало понятна, но он все равно произнес эту фразу:

– Я прошу политического убежища.

Шестеро людей в лодке продолжали таращить на него удивленно глаза. Наконец, Роже сказал:

– Никто из нас не решает таких вопросов. Взять вас на корабль имеет право только капитан. Мы можем отвезти вас к нему.

Звуки французской речи, обращенной непосредственно к нему, восстанавливали в памяти Пал-Пола забытые слова и обороты. Он сказал:

– Очень хорошо. Отвезите меня к капитану.

Роже подал знак рулевому. И тут Пал-Пол услышал знакомый мальчишеский голос:

– Па!

Пал-Пол обернулся. Впереди толпы людей, стоящих в воде, стоял Тав-Чев. Мальчик пронзительно крикнул:

– Па! У меня глаза тоже голубые!

Пал-Пол выпрямился во весь рост, крикнул в ответ:

– Я вернусь! Жди меня! – и, резко повернувшись к рулевому, сказал по-французски: – Чего ждешь? Езжай!

Рулевой, уже получивший знак от Роже, дернул за шнур, мотор опять затарахтел, и лодка, развернувшись, полным ходом направилась к кораблю.

– Как вас зовут, мсье? – спросил Роже.

Пал-Пол помедлил, осваивая непривычное ощущение при обращении к нему на французском языке, и ответил:

– Поль.

– Как долго вы живете на этом острове? – спросил Роже.

Пал-Пол по привычке выбросил перед собой пальцы рук, но тут же спрятал руки за спину и ответил:

– Двенадцать лет, – и после паузы добавил: – Или тринадцать.

Приходилось говорить громко, чтобы перекрыть треск мотора. Роже спросил:

– Как вы попали на Хатуту?

Пал-Пол искал в памяти нужное французское слово, не нашел и сказал:

– На пальмах.

Роже переспросил:

– На пальмах?

Пал-Пол увидел, что им это не понятно, и пояснил:

– Четыре пальмы. Они упали от ветра. Я их связал корнями и листьями. Я на них приплыл в королевство Хатуту.

Люди смотрели на него недоуменно. Роже спросил:

– Откуда вы приплыли?

– От острова, – и Пал-Пол пояснил: – Это был маленький остров.

– Атолл? – предположил Роже, и Пал-Пол, вспомнив это слово, подтвердил:

– Атолл. Да.

– А с кем вы были на атоле? – спросил Роже.

– Я там был один.

– А как вы попали на атолл?

Пал-Пол помедлил: нужно было вспомнить очень много французских слов. И помимо этого, нельзя было рассказывать всё. Он начал:

– У моего отца был самолет. Я летел с отцом на самолете. Мы долго летели. От мотора пошел дым. Что-то горело. Отец велел прыгать. На мне был парашют. У отца не было парашюта. Я не хотел прыгать. Мы были близко от атолла. Отец сидел впереди. Он повернулся и потащил меня за волосы. Я вывалился на крыло. А потом я упал. Отец до этого объяснял мне, как дергать кольцо, как управлять ... стропами. Я дернул кольцо. Я упал на парашюте. Я упал около атолла. Вода была мелкая. Ветер и волны понесли парашют. Я не мог удержать. У меня был нож. Я обрезал веревки. Парашют утонул. Я вылез на берег. Это был атолл.

Пал-Пол замолчал, перевел дыхание. Все молчали. Тарахтел мотор. Пал-Пол торжествовал. Он помнил свой язык. А лодка приближалась к пароходу. Это был явно военный пароход. Но почему-то он весь был выкрашен в белый цвет. Даже пушки были белые. Пал-Пол в детстве видел военные пароходы, такие же как этот, но они не были белые. Вероятно, в мире что-то изменилось за эти годы, и военные пароходы стали белыми. Роже обратился ко второму одетому мужчине, который оставался в лодке вместе с рулевым:

– Фернан, передайте капитану. Мы везем пассажира.

Фернан, худой с проседью мужчина, уселся на дно лодки перед радиопередатчиком. Пал-Пол сразу понял, что это радиопередатчик, хотя радио, которые он видел в детстве, были другие. Фернан надел наушники, стал нажимать кнопки. Стали зажигаться и мигать зеленые и желтые лампочки.

– Луи? – сказал Фернан в микрофон. – Передай капитану: мы везем пассажира.

И он стал излагать то, что люди в лодке слышали от Пал-Пола. А Пал-Пол присел перед радиопередатчиком. Ему очень захотелось потрогать кнопки и лампочки на радио, не нажать, а только потрогать. Но он воздержался. Фернан обратился к нему:

– Мсье, повторите ваше имя.

– Поль. Поль До ... жеа ... жеар ... жер, – сказал Пал-Пол.

Он уже не был Пал-Полом. К нему возвратилось его собственное, от рождения, имя.

– Поль Дожер, – сказал в микрофон Фернан.

Глава 4. Поль Дожер

Когда военный пароход был уже близко, Поль Дожер прочел его название на борту. Сперва он прочел название про себя, а потом вслух:

– Васко да Гама.

Оказывается, читать он не разучился.

На пароход они поднимались по узкой железной лестнице, опущенной вдоль борта к самой воде. Перилами служили железные цепи, натянутые на железные стойки. Всё это тоже было покрашено в белый цвет. Первым поднимался радист, за ним следовал Поль Дожер, а за ним четверо мужчин в нижних трусах. Широкая полоса тапы, служившая Пал-Полу, теперь уже Полю, набедренной повязкой, намокла, стала расползаться и липнуть к ногам. Пал-Пол, теперь уже Поль, снял ее, перебросил через руку, чтобы она подсохла. Когда поднялись на палубу, четверо людей в нижних трусах надели головные уборы, которые они выменяли у островитян за свои шляпы. На палубе их встретило множество людей, среди которых были и женщины. Все смеялись, говорили шутки. Пал-Пол, теперь уже Поль, понимал, что шутки были по поводу оставленной на острове одежды, однако он не понимал смысла шуток, поскольку еще не освоился с французской речью. Люди с интересом поглядывали на Поля. Повидимому, они уже знали о нем из того, что радист передал капитану, но не решались обратиться к нему. Их, вероятно, смущала его нагота. На нем не было даже нижних трусов, какие были на этих четырех мужчинах. Полю это было понятно, однако, привыкнув ходить голым, как и все люди на острове, он не испытывал смущения. На палубе появились несколько человек в белой военной форме. Один из них держался немного впереди остальных, и Поль понял, что это и есть капитан. Роже тут же подтвердил это, сказав пониженным голосом:

– Это капитан. Он должен дать официальное согласие принять вас на корабль.

Военные подошли, и люди расступились перед ними. Капитан, немолодой мужчина с недоверчивым взглядом, обратился к Полю:

– Поль Дожер – как мне сообщили?

Роже ответил за Поля:

– Поль Дожер, – и добавил с оттенком иронии: – Просит политического убежища.

Даже не взглянув на Роже, капитан снова обратился к Полю:

– Мсье Дожер, вы умеете читать и писать?

Это был неожиданный для Поля вопрос. Он помедлил немного и сказал:

– Я давно не читал и не писал.

Капитан вынул из кармана книжечку, похожую на паспорт, и сказал:

– Мне доложено, что вы родились в Париже. По какому адресу?

– Авеню де Ламбаль, восемнадцать.

Поль ответил без запинки: стал привыкать к забытой французской речи. Капитан протянул открытую книжечку и спросил, указывая пальцем строку:

– Что здесь написано?

Поль прочел про себя по буквам и вслух сказал:

– Этьен Жирадо.

Капитан указал пальцем слово в предыдущей строчке, спросил:

– А это слово?

– Капитан, – прочел вслух Поль.

Капитан сказал:

– Это я. Будем знакомы.

И он подал Полю руку. Они пожали руки, и капитан сказал:

– Я просто хотел проверить, насколько вы понимаете французскую речь, и насколько вы грамотны. Относительно политического убежища, это, конечно, чепуха, но я вижу, вы – не уроженец Маркизских островов, тем более острова Хатуту. Вы хотите покинуть остров?

– Да.

– Ваше решение окончательно?

Это были полузабытые французские слова, возвращавшиеся в память Поля, и он повторил:

– Мое решение окончательно.

Голос капитана стал строгим:

– У нас жесткое расписание. Мы уже выбились из графика. Мы отплываем. Вы не будете сожалеть?

– Я не буду сожалеть, – ответил Поль.

Капитан быстро спросил:

– Куда вы летели на самолете с вашим отцом?

Поль ответил:

– На остров Нуку Хива. Губернатор острова был друг моего отца.

– Вам неизвестна дальнейшая судьба вашего отца?

Путаясь во французских словах, Поль ответил:

– Я думаю, он мертвый. Если бы он... – Поль запнулся, ища подходящее слово, наконец, нашел: – спасся, он бы разыскал меня.

В разговор вмешался Роже:

– Капитан, мы можем зайти на Нуку Хива и узнать подробности о судьбе отца Поля. Кстати, у нас там есть еще незаконченное дело.

Капитан официальным тоном сказал:

– Мы там стояли два дня. У вас было достаточно времени закончить все ваши дела. Относительно мсье Дожера и его отца – возвращение на Нуку Хива бессмысленно. Губернатор там давно сменился, а хроники Маркизов вы имеете в архивах вашей библиотеки. – И он обратился к своему помощнику: – Лейтенант, проводите мсье Дожера в мою каюту и скажите мадам Туанасье, пусть принесет хроники Маркизов десяти-пятнадцатилетней давности. – Он обвел взглядом людей с моторной лодки, добавил: – Вы тоже пройдите в мою каюту. Я отдам команды к отплытию и скоро буду там.

Капитан повернулся и быстро пошел прочь. Лейтенант, подтянутый стройный мужчина среднего возраста, вежливо представился Полю:

– Лейтенант Госсен.

Поль не знал, что надо ответить на это, и вежливо, как это делают белые, наклонил голову. Госсен повел Поля по нижней палубе, затем они поднялись по узкой белой лесенке на верхнюю палубу, перешли узкий белый мостик. Матросы, попадавшие им на пути, лишь только завидя их, бросали свою работу и начинали таращиться на Поля. И Поль, в свою очередь, разглядывал их. Они были не совсем как он, но тоже почти голые, в одних белых, засученных по колено, брюках. Вероятно, все на корабле о нем уже знали. Каютка капитана была не белой. Стены были деревянными и блестели. Большой деревянный стол и деревянные стулья тоже блестели.

– Присаживайтесь, мсье Дожер, – сказал лейтенант Госсен.

Поль отодвинул от стола один из стульев, повесил на его спинку свою сохнущую тапу, снял головной убор, положил его на стул, пригладил волосы. Госсен спросил:

– Вам нужен туалет?

Поль не понял вопроса, молча посмотрел на Госсена. А тот молчал, не зная как объяснить подробнее. И вдруг Поль понял. Туалет. Унитаз. Он вспомнил, что после приезда белых на остров он до сих пор не ссал.

– Мне нужен туалет, – ответил он.

Госсен открыл боковую дверь, за которой было маленькое помещение с несколькими дверями. Каюта капитана состояла из нескольких помещений. Госсен открыл узкую дверь, приглашая Поля войти. Совсем маленькое помещение. Всё железное и покрашено в белый цвет. Прямо перед дверью на полу две пластины в форме подошв, а позади них в полу дырка. Поль вспомнил, что подобие этого было в общественных уборных Парижа. Он спросил:

– Это?

Госсен улыбнулся:

– На военных кораблях такие унитазы.

– Унитазы, – повторил вслух Поль.

– Раковина для умывания, – и Госсен указал на раковину. – Холодная и горячая вода, – и Госсен отвернул, а потом завернул блестящие краны и указал за железную перегородку: – Там душ. Но это для капитана. Душ вы будете принимать в другом месте. Вашу каюту покажет вам стюард. Он же подберет для вас одежду.

И Госсен вышел, прикрыв за собой узкую дверь. Поль встал на железные пластины-подошвы и пошел в дырку, как в общественных уборных Парижа. При выходе он столкнулся с лейтенантом Госсеном, который ждал его за дверью.

– Обычно воду спускают, – сказал Госсен. – Это вентиль, – и он повернул вентиль на трубе.

С шумом полилась вода, заливая края дырки. Вентиль и труба тоже были выкрашены в белый цвет. Поль тотчас повернул вентиль, закрыл его и опять открыл, наблюдая спускающуюся воду. Госсен сказал:

– Можете вымыть руки.

– Кран, – сказал Поль, вспомнив это слово, и открыв кран, подставил под воду руки.

– Это полотенце, – указал Госсен. – Только не вытирайте им руки. Это всё личные вещи капитана. Вытрите руки моим платком.

И он достал из кармана носовой платок, протянул Полю. Поль некоторое время смотрел на платок. Белоснежный. На военных кораблях всё должно быть белым.

– Он чистый, – заверил Госсен.

Поль не взял платка.

– Руки сами высохнут, – сказал он и помахал мокрыми руками.

Они вернулись в комнату со столом. Госсен указал на телефон.

– Телефон, – сказал он.

Телефон был совсем не такой, какие видел Поль в далеком детстве. Госсен снял трубку, пояснил:

– Я соединился с коммутатором, – и в трубку сказал: – Дайте команду разыскать старшего стюарда. Пусть придет в каюту капитана. – Госсен повесил трубку и обратился к Полю: – На коммутаторной дежурит матрос, который разыскивает людей.

Затем Госсен позвонил в библиотеку и передал распоряжение капитана относительно хроник Маркизских островов. Поль подошел к окну. Океан. Горизонт. И только впереди, так что нужно было высунуть голову наружу, был виден край острова Хатуту, низкая коралловая коса с пучками кокосовых пальм. К этой косе и приплыл когда-то Поль, одиннадцатилетний парижанин, на четырех плохо связанных пальмах.

В каюту вошли четверо знакомых Полю мужчин в рубашках и шортах, таких же, какие оставили на острове. Все они улыбнулись Полю, и он ответил довольной улыбкой. Их положение на корабле уравнилось. Он был уже законным пассажиром, поскольку капитан согласился его принять. Все четверо расселись вокруг стола. Поль тоже присел на стул, сдвинув на край свой головной убор. Вошел капитан, и все поднялись с мест. Поль тоже встал. Капитан сел во главе стола, и все тоже сели. Капитан, ни на кого не глядя, сказал:

– Следующий наш причал в Панаме. – И посмотрев на Поля, он спросил: – Мсье Дожер, вы знаете географию?

Поль не нашелся, что ответить. Капитан задал другой вопрос:

– Вы знаете, где находится Панама?

– Это в Америке, – ответил Поль и тут каким-то внутренним чутьем понял, что пароход движется, хотя никакого толчка не было. Поль вскочил со стула, подошел к окну, высунул голову наружу. Коралловая коса уходила в сторону. Теперь был виден только ее край. Поль возвратился к своему стулу. Все теперь испытующе смотрели на него. Пал-Пол, теперь уже окончательно Поль, широко улыбнулся и повторил слова капитана:

– Следующий причал в Панаме.

И все тоже улыбнулись, даже капитан слегка усмехнулся. Когда Поль сел на свой стул, капитан сказал:

– Ваш самолет летел на остров Нуку Хива. Откуда он взлетел?

– Из Папита, – ответил Поль. Он хорошо это помнил.

– Какой марки был ваш самолет?

И Поль уверенно ответил:

– Лакхид Сириус.

– Кем был ваш отец? – спросил капитан.

– Он писал книги, статьи. Это культура и языки Океании.

И тут Роже радостно воскликнул:

– Жорж Дожер?

– Да, – ответил Поль.

Бернар тоже радостно подхватил:

– И как я раньше не догадался!

Но тут же они оба стали серьезными.

– Я не знал о его гибели, – сказал Бернар.

Поль осмелел, осознав, что французская речь ему теперь стала понятна, и он может, пусть с ошибками, говорить свободно.

– Почему же меня никто не искал? – спросил он.

В его памяти возникли эпизоды на атолле. Одиннадцатилетний мальчик, питаясь сырыми креветками, неумело связывает пальмовые стволы. Проходят изнуряющие дни и месяцы. Он плывет на пальмовых стволах по океану, выждав тихую погоду и попутное течение, плывет к виднеющемуся на горизонте острову, надеясь найти цивилизованных людей, и попадает к дикарям. Когда он подплывал к острову, его окружили акулы. Плохо скрепленные стволы стали разъезжаться. Он в отчаянии кричал. Никто не приходил на помощь.

Поль продолжал говорить, уже агрессивным тоном:

– Маркизы это французский протекторат! – Слова одно за другим всплывали в памяти. – У вас пароходы, самолеты, моторные лодки. Почему ваш пароход пришел только теперь? Где вы были раньше?

За столом все молчали. У них были озабоченные лица. Капитан сказал:

– Нам было не до Маркизов. Недавно закончилась мировая война.

– Мировая война? – воскликнул Поль. – Недавно? Мировая война закончилась, когда я еще не родился!

Тут все как-то странно переглянулись, а Роже улыбнулся. Капитан серьезно сказал:

– Вы имеете ввиду первую мировую войну. Год назад закончилась вторая мировая война.

– Вторая? – озадаченно спросил Поль. – И опять мировая? Из-за какого-нибудь убийства в Сараеве?

Тут Роже рассмеялся. Он спросил:

– Мсье Дожер, вы тогда в детстве еще не читали газет?

– Нет, – признался Поль.

– Значит, вы не знаете, что такое фашизм?

– Знаю, – сказал Поль. – Я читал журналы. Детские. И слышал радио. Фашисты – это в Испании.

Роже спросил:

– Может быть вы слышали по радио, или в журналах читали такое имя – Адольф Гитлер?

– Да, – ответил Поль, напрягая память. – Гитлер – социалист. Мой отец тоже был социалист.

Капитан заинтересованно спросил:

– И что вы помните о Гитлере?

– У моего отца был друг Отто Кирхбаум. Он был ученый. – Поль напряг память, вспоминая слово, и вспомнил: – Антрополог. Он плавал с моим отцом по Океании, искал расы. Гитлер его приглашал. Гитлеру тоже было интересно, какие расы в Океании.

– И что вы еще знаете о Гитлере? – спросил капитан.

Повидимому, этот разговор развлекал этого серьезного человека. Поль продолжал вспоминать:

– Я видел в журналах снимки Гитлера. Было написано: Гитлер – талантливый оратор. По радио говорили, он вождь рабочего класса Германии. Когда социалисты победили, Гитлер стал... – Поль запнулся, вспоминая трудное слово.

Откровенно улыбающийся Роже подсказал:

– Канцлером.

Поль повторил:

– Канцлером.

В каюту вошла женщина лет около сорока со стопкой книг в руках. Поль уже видел ее в толпе любопытных, когда впервые поднялся на палубу парохода. Женщина положила стопку книг перед капитаном и серьезным изучающим взглядом уставилась на Поля. Капитан представил его:

– Мсье Дожер, – и обращаясь к Полю, представил женщину: – Мадам Туанасье, наш библиотекарь.

Поль, как его учили в детстве, поднялся со стула, наклонил голову. Мадам Туанасье тут же отвела глаза, поскольку, когда Поль встал, стало видно, что он не просто голый, а совсем голый. Поль снова уселся на стул, несколько не смутившись: он еще не вошел во вкус ритуалов белой цивилизации. В нем еще оставался Пал-Пол. Мадам Туанасье села на свободный стул. Капитан раздраженно спросил помощника:

– Лейтенант, что там с одеждой?

– Я вызвал старшего стюарда, – отозвался Госсен.

Капитан, переводя светскую развлекательную беседу на серьезный тон, сказал:

– Адольф Гитлер объявил германскую расу ведущей в мире. С целью подчинения мира германской расе он захватил почти всю Европу.

– Как Наполеон Бонапарт? – спросил Поль.

– Наполеон в завоеванных странах устанавливал демократию, – строго пояснил капитан. – А Гитлер завоевывал народы с целью превратить их в рабов германской расы. Пока вы отдыхали на острове Хатуту, весь мир охвачен был войной.

Поль заметил, что мадам Туанасье со строгим одобрением слушает капитана. Слова «пока вы отдыхали на острове» показались Полю оскорбительными. Он сказал:

– Войны были всегда. Я учил историю. Всегда кто-то кого-то завоевывал.

За столом все притихли. Никто больше не улыбался. Капитан, глядя на Поля, говорил:

– Таких войн еще не было в истории. Некоторые большие города были полностью уничтожены. Гитлер уничтожал миллионы людей низших по его мнению рас. Были созданы новые

виды оружия, способные уничтожать миллионы людей. Была создана атомная бомба. Одна такая бомба может уничтожить целый город. На этой войне погибло более ста миллионов людей.

Поль помрачнел. Он помнил: население Франции было сорок миллионов. Он по привычке загнул четыре пальца. На руках осталось шесть пальцев. Это значит, еще одна Франция, и два пальца – половина Франции. Всего: две целых и еще половина Франции. Поль поднял глаза и увидел, что все смотрят на его пальцы. В ушах его звучали оскорбительные слова «пока вы отдыхали на острове». И он сказал:

– Я вижу, вы многое преуспели, пока я отдыхал на острове.

Роже опустил голову, скрывая улыбку, а мадам Туанасье холодно спросила:

– Кого вы подразумеваете, мсье Дожер? «Вы многое преуспели». Кого вы подразумеваете под этим «вы»?

– Кого? – переспросил Поль. – Вас. Белых.

Роже попытался обратить это в шутку:

– Вот видите? – сказал он. – Опять возникает вопрос о расах. Так что Гитлер не так уж и оригинален в своей расовой теории.

– Оставим теории, – строго сказал капитан и обратился к Полю: – У вас была мать?

– Да.

– Где она находилась в момент аварии?

– Она осталась на Таити.

– Она сотрудничала с вашим отцом?

– Она была художница. Она изучала искусство маори в Новой Зеландии.

Капитан раскрыл верхнюю книгу. Это были не книги, а кожаные папки со вшитыми листами. Он тотчас отложил верхнюю папку, раскрыл следующую. И только в третьей папке он нашел нужные листы. Перебирая листы, он проворчал вполголоса:

– В конце концов, это было дело вашей матери – поднять вопрос о розысках вас и вашего отца. – Тут он углубился в один из листов. – Вот, – сказал он. – Указан свидетель, который видел, как взорвался самолет у самого берега Нуку Хива. Была послана моторная лодка, и были обнаружены обломки самолета. Губернатор связался с островом Хива-Оа. Оттуда было послано сообщение на Таити. Десятое ноября тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

– Который теперь год? – спросил Поль.

Вместо капитана ответил шустрый Мишель:

– Сегодня двенадцатое декабря тысяча девятьсот сорок шестого года.

Поль подсчитал про себя: значит, ему было теперь двадцать три года, через четыре месяца исполнится двадцать четыре. Потерянный год, наконец, нашелся. Капитан, не отрываясь от чтения, проговорил:

– Да. Запись сохранилась. От Папита взлетел самолет Лакхид Сириус, на котором был Жорж Дожер со своим сыном Полем. О парашютах и оснащении ничего не сказано. – Капитан поднял глаза: – Всё логично. Все были уверены в вашей гибели, и какие-либо розыски считались бессмысленными. – Капитан снова углубился в листы, а потом поднял голову и сказал безразличным тоном: – Прошу всех выйти и оставить меня наедине с мсье Дожером.

Это было для всех неожиданностью. Люди с недоуменными лицами молча поднялись со своих мест и направились к выходу. Мадам Туанасье продолжала сидеть на месте.

– Я думаю, это ко мне не относится? – спросила она с улыбкой.

У нее была красивая улыбка. Как у Соу-Най.

– Относится, – сказал капитан тем же безразличным тоном.

Мадам Туанасье перестала улыбаться, сказала нарочито спокойно:

– Все архивные хроники находятся под моим ведомством. Я должна их буду отнести к себе в архив.

– Пожалуйста, – сказал капитан, придвигая к ней стопку кожаных папок. – Но эта папка останется у меня.

И он указал глазами на раскрытую перед ним папку. Мадам Туанасье сухим официальным тоном заявила:

– Вы не имеете права изымать документацию из архива экспедиции.

– Я капитан корабля, – всё тем же базразличным голосом сказал капитан.

Мадам Туанасье поднялась, взяла со стола стопку папок и вышла. Осмелевший было Поль насторожился. Теперь он оставался наедине с капитаном.

– Мсье Дожер, такое имя – Томас Диллон – вам ничего не говорит? – спросил капитан, не отрываясь от бумаг.

Поль помедлил и ответил:

– Он изучал культуру маори в Новой Зеландии.

Капитан пробормотал, продолжая читать бумаги:

– Как всё же много людей интересуются культурой Океании...

Поль привстал с места, заглянул в бумаги. Часть листов была напечатана на пишущей машинке, некоторые листы исписаны от руки. Разучившийся читать, тем более вверх ногами, Поль снова нервно опустился на стул. Возникло желание быстро схватить эту папку и бросить в открытое окно. Там океан. Но это было нельзя. Капитан поднял голову, посмотрел на Поля.

– Томас Диллон был убит в доме вашего отца за час до вашего отлета. Дежурный взлетной площадки сообщил, что самолет Лакхид Сириус с Жоржем Дожером и его сыном улетел в неизвестном направлении. В этот же день самолет взорвался у берега Нуку Хива. Сообщение об этом пришло в Папит только через неделю. Всю эту неделю шло следствие. Дело осложнялось тем, что американский подданный был убит французом на территории французского протектората. Из дела по убийству Диллона следует, что убийцей был Жорж Дожер. По получению сообщения о гибели самолета с пассажирами дело было закрыто.

Капитан продолжал смотреть на Поля. Поль молчал. Капитан положил перед Полем несколько листов. Поль с трудом разобрал несколько фраз, отпечатанных на пишущей машинке. Половина слов была малопонятна. Строчки, вписанные от руки, были совсем непонятны. Капитан спросил:

– Вы всё поняли, что я вам рассказал? – Поль кивнул. – Я изложил вам всё, что здесь сказано. Я могу вам всё это прочесть вслух, только будет длинно. И здесь много юридических терминов. В изложении малограмотной таитянской полиции вам это будет непонятно. – Поль снова кивнул. Капитан продолжал: – Вам, вероятно, хочется это прочесть самому. Вы можете взять в библиотеке элементарный словарь и читать эту документацию здесь, в моей каюте, в моем присутствии. А сейчас я эту папку положу в сейф.

Капитан поднялся, открыл сейф, положил в него папку, закрыл сейф. Поль сразу понял, что железный ящик это сейф, и сейф трудно взломать. Он повторил:

– Сейф.

– Вероятно, вы хотите знать, где ваша мать, – сказал капитан. Поль опять кивнул. – Пройдемте в радиорубку. Радист свяжется с Папитом.

Поль стал оборачивать тапу вокруг талии: следовало как-то приодеться.

Когда они вышли из каюты, снаружи их ожидал старший стюард. Капитан представил их:

– Мсье Сонар, старший стюард. Мсье Дожер.

Они втроем прошли в радиорубку – комнату, тесно заставленную громоздкой аппаратурой. Остановились у кресла радиста, сидящего за пультом. Вторым радистом была женщина. Она что-то передавала на английском языке. Она обернулась на пришедших и, конечно, уставилась на Поля. Однако, в лице ее не было любопытства. Взгляд сонный и бессмысленный. Блондинка с узкими кистями рук, гораздо уже, чем у женщин королевства Хатуту. Капитан

изложил задание: связаться с Папитом и узнать, что известно о мадам Сибил Дожер. Радист обратился к блондинке:

– Сейчас лучше на немецком передатчике.

Блондинка поднялась с кресла, потащила за собой несколько проводов на другую сторону комнаты. Поля поразила ее фигура. При тонкой талии у нее были очень широкие бедра. У некоторых женщин королевства Хатуту тоже широкие бедра, но у этой блондинки бедра иной формы. Проход был тесный, и блондинка, проходя мимо Поля, невольно задела его бедром. Поль проводил ее взглядом. Она остановилась у немецкого передатчика, стала подключать провода. В сочетании с узкой талией ее ягодицы казались непомерно объемистыми. Сверху они были обтянуты узкой юбкой, а поскольку юбка была прямая, невозможно было определить, где кончаются ягодицы, и как они скругляются внизу. Поль стоял близко, достаточно было протянуть руку, чтобы провести ладонью по этим скруглениям. Но это было нельзя. Здесь другие нравы. Капитан сказал:

– Мсье Сонар, пока они связываются с Таити, позаботьтесь об одежде мсье Дожера.

Они втроем вышли из радиорубки. Капитан снова обратился к стюарду:

– Вы, конечно, уже знаете о Поле Дожере то, что знают все на корабле. Белый человек, прошедший на Хатуту двенадцать лет. Когда вы его оденете, ознакомьте его с местами общего пользования. Как пользоваться душем, телефоном, он этого еще не освоил. Мсье Дожер, вам понятно, что я говорю? – Поль кивнул. – И не кивайте головой. Говорите. Вам нужно вспомнить французский язык. – Капитан снова обратился к Сонару: – Вам понятно?

– Да, капитан.

– Объясняйте ему всё. Лейтенант Госсен указал его каюту?

– Да, капитан.

– Проводите его в каюту. Потом покажете ему кают компанию, столовую и прочее.

Капитан стал спускаться куда-то вниз по узкой лесенке, а Сонар повел Поля по кораблю. Поль запомнил наставление капитана: «не кивайте головой, говорите». И, указывая на пушки, он спросил:

– Пушки?

– Пушки, – подтвердил Сонар.

– Это военный пароход? – спросил Поль.

– Бывший военный немецкий корабль. После войны его отвели Франции по репарации.

А военное министерство списало его по старости. Теперь его предоставили исследовательской экспедиции. Это первая послевоенная экспедиция во Французскую Полинезию.

Поль сказал:

– Мне теперь понятно, почему он покрашен в белое.

Сонар пояснил:

– Никакой символики. Просто на базе было много белой краски, и она оказалась дешевле.

Они спустились в узкий коридор со множеством дверей. Стюард открыл ключом одну дверь.

– Это ваша каюта. Запомните номер: тридцать первый. – и он указал номер на двери, выписанный от руки коричневой краской.

Маленькое помещение. Узкая кровать, над ней полка. Консольный столик. Узкий шкаф. Всё это привинчено к полу и стенам. Напротив кровати умывальник. Больше здесь ничего не могло поместиться. Потолок низкий, круглое окно. Поль снял головной убор, положил на кровать.

– Иллюминатор, – сказал Сонар, показывая как открывать и закрывать иллюминатор.

– Иллюминатор, – повторил Поль, глядя в зеркало, вделанное в дверцу шкафа.

в зеркале было его отражение. Ему часто приходилось видеть свое отражение: в луже перед домом художника, в маленьком озере под переходным бревном, в круглом горном озере. Но то были отражения в воде, когда он смотрел вниз, стоя на четвереньках.

Здесь было другое. Здесь он видел перед собой очень загорелого белого человека в набедренной тапе с космами разноцветных волос на голове. Потeki краски на лице и на груди, напряженный взгляд немигающих глаз. Казалось, Поль мог с ним заговорить, и тот человек в зеркале ответит. Поль дотронулся рукой до волос, отражение повторило жест. Он пытался вспомнить то отражение, которое видел двенадцать лет назад. Круглолицый мальчик с белесыми волосами, упрямая скобка мальчишеского рта. Он отвернулся от зеркала. Ему казалось, что когда он опять посмотрит туда, он увидит себя таким, каким был тогда. Но когда он опять взглянул в зеркало, там был чужой взрослый человек. Лицо по мужски угловатое, с заостренными чертами. А стюард стоял рядом и ждал. Лицо его бесстрастно и, казалось, лишено возраста. Поль вспомнил из своего детства официантов в приличных ресторанах. У них были такие же лица.

– Двенадцать лет вы не смотрели в зеркало? – спросил мсье Сонар.

– Двенадцать лет я не смотрел в зеркало, – повторил Поль, стараясь отчетливо выговаривать слова.

– Душ в коридоре, – сказал Сонар. – Возьмите полотенце.

Они вышли в коридор. Сонар открыл узкую дверь. Маленькое помещение. Железная перегородка, не доходящая до потолка. За перегородкой углубление в полу. Пол мокрый. Сонар показывал пальцем, поясняя:

– Краны. Холодная вода. Горячая. Мыло. Вода соленая, океанская. Когда помоешься, поверните этот кран. Это пресная вода. Она будет идти не больше двух минут. Для ополаскивания от соленой воды. Пресную воду на корабле экономят.

Поль отчетливо повторил:

– Пресную воду на корабле экономят.

Он встал под рожок душа.

– Снимите набедренную повязку, – напомнил Сонар. Поль повиновался. – Регулируйте воду. – Поль повернул кран, пошла горячая вода. Поль тотчас выскочил из-за перегородки.

– Регулируйте, – сказал Сонар. – Другой кран – холодная вода. – Поль протянул руку за перегородку, стал вертеть краны, повторяя вслух:

– Регулирую воду. Горячая вода. Холодная вода.

Когда вода стала чуть теплая, Поль встал под душ. Сонар вышел. Поль стал намыливать голову. Сразу защипало глаза. Поль намылил грудь, спину, живот, яйца. Зачем белые люди моются? Достаточно каждый день купаться и плавать, чтобы быть чистым. Вытираясь полотенцем, он смотрел на себя в зеркало. Почти вся краска с лица смылась, с груди и рук тоже смылась. Некоторые пряди на голове оставались красными. Кое-где концы прядей выцветены. Остальные волосы неровного цвета сухого камыша, или выцветшей травы. Поль повесил полотенце на крюк, стал разглядывать себя в зеркале. Белый человек. Дело не только в цвете кожи и строении лица. Мужчины королевства Хатуту ниже ростом, коренастые. Ноги их немного короче. Шеи тоже. Тибу-Тов тоже был высокого роста. Но его широкие плечи округлые, не торчали углами как у Поля. Он уже видел четырех мужчин почти голыми. Они были толще Поля, но не коренастые, как мужчины королевства. Даже низкорослый мускулистый Леон походил своей фигурой больше на худого Поля, чем на коренастых мужчин острова Хатуту. Поль не видел белых женщин голыми, однако мог их сравнивать с женщинами Хатуту. Соу-Най казалась длинноногой среди других женщин, но у двух белых женщин, которых Поль успел рассмотреть, ноги были не короче, чем у королевской дочери. Длинные ноги у белых женщин – норма. Поль вспомнил анемичную радистку, блондинку с широкими бедрами, ее узкие руки с длинными пальцами, вспомнил, как она коснулась его своим бедром, проходя мимо, и уви-

дел в зеркале, как его член начал увеличиваться. В дверь постучали. Поль приоткрыл дверь. Показалась голова старшего стюарда.

– Ваше белье, мсье.

Он протянул Полю майку и трусы, затем повернулся назад, и через его голову Поль увидел белую женщину, встретился с ней глазами. Это была молодая девушка с пухлым лицом и маленькими коричневыми глазами. Поль открыл дверь пошире, чтобы рассмотреть девушку, но Сонар взял из ее рук стопку одежды и снова прикрыл дверь настолько, чтобы только можно было подать Полю одежду. Очевидно, Сонар считал неприличным, что девушка видит Поля голым. Принамая одежду, Поль опять встретился глазами с молодой девушкой, и она при этом хихикнула. Сонар повернулся к ней, сказал:

– Кларетт, можешь идти.

И девушка ушла.

– Кто это? – поинтересовался Поль.

– Стюардесса. Она заведует бельем. Это ваша одежда. Я старался подобрать ваши размеры. Лейтенант Госсен поручил отвести вас к врачу на осмотр.

Полю вспомнились из детства медицинские осмотры, уколы, которых он панически боялся. Он спросил:

– Врач делает уколы?

– Не знаю.

– У врача надо раздеваться?

– Конечно.

Держа в руках новенькую белую майку, Поль спросил:

– Может быть, не одеваться теперь, а потом одеться, после осмотра?

Это он спросил из вежливости, чтобы не заставлять людей ждать, пока он будет одеваться и раздеваться, хотя ему очень хотелось сразу надеть на себя всё, что принес Сонар. Но Сонар ответил:

– Оденьтесь. Неудобно по кораблю ходить голым.

И Поль тут же стал поспешно одеваться. Верхняя рубашка и шорты показались ему верхом элегантности. Когда он готов был уже надеть брюки, Сонар остановил его:

– Шорты – верхняя одежда. Брюки на них не надевают. Носки тоже не надо надевать. Сандалии носят на босу ногу. К ужину вы можете надеть брюки и носки с ботинками. Потом я принесу вам еще пиджак.

– А пиджак какого цвета? – живо спросил Поль.

Корабельный врач был пожилой мужчина с толстым носом. Это было похоже на те медицинские осмотры из детства.

– Высуньте язык. Скажите а-а-а.

Врач завел Полю веки, осмотрел глаза, заставил прочесть мелкие буквы, прощупал железы под мышками, выслушал стетоскопом. Поль никак не мог вспомнить слово, спросил:

– Это что?

– Стетоскоп, – ответил врач.

Поль повторил:

– Стетоскоп.

Потом врач заставил Поля низко нагнуться, заглянул в задний проход. Затем он заставил Поля поднять одну, потом другую ногу, раздвигая пальцы ног. А потом он слегка сжал головку члена и ощупал яйца. Поль спросил:

– А женщин вы тоже осматриваете?

– А как же, – ответил сурово врач.

– И тоже у них всё это щупаете? – спросил Поль.

– Да, – так же сурово ответил врач и вдруг добродушно улыбнулся: – Завидуете?

Поль не ответил на улыбку, он еще не проникся юмором белых людей. Укол всё же врачу сделал. В ягодицу.

После врача старший стюард Сонар привел Поля в кают-компанию. Здесь были кресла, большой стол, пианино. Всё это было белым, но не покрашено в белую краску, а натурально белым. Кресла белой кожи, стол и пианино белой полировки. Ковер тоже белый с бледными серыми узорами.

– Вам нужно освоить телефон, – сказал Сонар. – Вы раньше говорили по телефону?

– Да, – ответил Поль. – Говорил. Только телефон был не такой.

Сонар подошел к телефону, висящему на стене.

– Попробуйте сами позвонить, – предложил он. Поль подошел, снял трубку, спросил:

– Где... – он забыл слово, подумал, вспомнил: – Зумер.

– Зумерными телефонами давно не пользуются, послушайте трубку.

Поль приложил трубку к уху. Послышался раздраженный мужской голос:

– Коммутатор!

Поль тотчас повесил трубку. Сонар спросил:

– Коммутатор ответил?

– Коммутатор ответил, – машинально сказал Поль.

Сонар пояснил:

– Коммутатор находится рядом с радиостанцией, где мы с вами уже были. Оператор соединит вас с любым абонентом. Попросите, например, библиотеку.

Поль опять снял трубку. И опять в трубке раздалось:

– Коммутатор.

– Я прошу библиотеку, – сказал Поль в трубку и посмотрел вопросительно на Сонара, а тот сказал:

– Если библиотека ответит, спросите, можно ли зайти взять книгу.

И тут в трубке раздался официальный женский голос:

– Библиотека.

– Можно зайти взять книгу? – повторил Поль слова Сонара.

Женский голос ответил:

– Библиотека закрыта. Заходите завтра.

Голос по телефону был неузнаваемый, но Поль понял, что это мадам Туанасье. После паузы она спросила:

– Кто это говорит?

– Поль Дожер, – ответил Поль и тут же объяснил: – Это мсье Сонар учит меня говорить по телефону.

– Вам действительно нужна книга, или вы просто осваиваете телефон?

– Нужна, – сказал Поль.

– Какая книга?

Поль вспомнил слова капитана «элементарный словарь» и сказал:

– Элементарный словарь.

– Вы сейчас где находитесь?

Поль обратился к Сонару:

– Где мы находимся?

– Это кают-компания.

– В кают-компании, – ответил Поль в трубку.

– Это мне по пути, – ответила мадам Туанасье. – Я сейчас вам занесу словарь.

В трубке раздался шелчок. Разговор окончен.

– Теперь вы знаете, как говорят по телефону, – сказал Сонар.

Поль машинально провел пальцем по полированной крышке пианино.

– Пианино вы, вероятно, видели в детстве.

– Видел, – ответил Поль.

Сонар открыл крышку, нажал клавишу, сказал:

– Это немецкое пианино фирмы «Беккер». Лучшая фирма в мире. На нашем корабле несколько человек умеют играть на пианино. Это очень красиво.

Поль понял, что мсье Сонар, превышая свои обязанности утилитарного путеводителя по кораблю, пытается приобщить его к эстетике белой цивилизации. Поль присел на кожаный табурет перед клавиатурой. Клавиши показались ему маленькими, игрушечными. Поль понял, что он вырос, и все предметы, которые он видел в детстве, кажутся ему теперь маленькими. Он дотронулся пальцами до клавишей, соизмеряя их размер со своими руками. И Поль на этих маленьких игрушечных клавишах заиграл «Норвежский танец» Эдварда Грига. Пальцы казались чужими, но механическая память подсказывала нужные движения, и Поль продолжал медленно аккуратно перемещать пальцы по клавишам, пока не дошел до модуляции. Тут начинались короткие аккорды в тесных обращениях. Пальцы стали ударять между игрушечных клавиш, и Поль прекратил игру. Лицо Сонара застыло обескураженно. Он даже приоткрыл рот, как жители Хатуту, когда их что-то поражало.

Отец Поля утверждал, что каждый культурный человек должен уметь стрелять из пистолета, печатать на пишущей машинке, водить автомобиль, играть на рояле и знать какой-нибудь иностранный язык. Стрелять и водить автомобиль отец учил Поля сам. Английскому языку его учила мать. А для уроков фортепиано наняли учительницу. Три раза в неделю. Это были мучительные часы. Упражнения и гаммы нагоняли на Поля отчаянную тоску, выливавшуюся порой в истерики. Во время одной такой истерики, когда Поль начал хлопать крышкой пианино и пинать его ногами, отец дал ему две пощечины и поставил конкретное условие: уроки музыки прекратятся, если Поль безукоризненно выучит «Норвежский танец» Грига. Эта короткая пьеска рассчитана на третий год обучения, а Поль учился музыке лишь полтора года. Но он тут же приступил к «Норвежскому танцу». До боли напрягая скулы, Поль такт за тактом заучивал пьесу, и когда она была готова, родители собрали гостей. Мама была в вечернем платье. Поль сыграл «Норвежский танец» без единой ошибки. Когда гости поаплодировали, Поль закрыл крышку пианино и объявил, что никогда больше не откроет ее. Отец сдержал обещание, и уроки музыки прекратились.

Сонар продолжал смотреть на Поля с величайшим удивлением.

– Что это? – прозвучал строгий голос мадам Туанасье.

Она стояла в дверях кают-компания с книгой в руке.

– «Норвежский танец» Грига, – ответил Поль и добавил: – Дальше я забыл.

– Вы играли в детстве? – спросила она, подходя к Полю.

У нее была очень стройная фигура. Женщины ее возраста на острове Хатуту не имели таких тонких талий. И таких аккуратных грудей. Впрочем, ее груди, вероятно, поддерживались какими-нибудь конструкциями одежды.

– Я играл в детстве, – ответил Поль.

Она сказала холодным тоном:

– Я мечтала в детстве научиться игре на фортепиано.

– А почему вы не научились? – спросил Поль, глядя на ее грудь.

– Я выросла в рабочей семье, – ответила с достоинством мадам Туанасье, полагая ответ исчерпывающим. – Это детский словарь, – и она протянула Полю книгу. – Думаю, что в первую очередь вам следует восстановить лексикон, которым вы обладали в детстве, когда вам было одиннадцать лет. Просмотрите словарь. Когда вы его освоите, вы сможете пользоваться полной энциклопедией для освоения современного французского языка.

Поль раскрыл словарь. Почти каждое слово было пояснено картинкой. Тут он вспомнил, что следует поблагодарить, и сказал:

– Спасибо, мадам Туанасье.

– Вы запомнили мое имя, – тем же холодным голосом сказала мадам Туанасье. – Это значит, у вас хорошая память. Вы быстро восстановите лексикон.

И она пошла к выходу. Когда, выходя, она открывала дверь, под ее блузкой отчетливо проступила лямка бра и застежка на спине. Все белые женщины носили бра, которые расстегивались и застегивались на спине. Поль знал это еще в детстве, но не придавал этому значения. У женщин должны быть гибкие руки, чтобы застегнуть на спине застежку.

Из кают компании они пошли вдоль борта мимо различных помещений. Солнце зашло. Часть неба заволокло тучами. Сонар свернул в широкий коридор, указал на закрытую дверь:

– Библиотека.

Поль вслух прочел надпись:

– Библиотека. Часы работы. Десять. Семь. Перерыв. Два. Четыре.

Они спустились в знакомый коридор с каютами. Сонар спросил:

– Вы запомнили номер вашей каюты?

– Тридцать первый.

– Верно. Вот ваш ключ. Ужин в восемь часов.

И Сонар указал на круглые часы в торце коридора. Поль уставился на часы. Он не сразу понял время.

– Семь уже было, – сказал он.

– Когда большая стрелка будет на двенадцати...

– Когда большая стрелка будет наверху, – вспомнил Поль, – а маленькая на... восьми... –

Поль нашел римскую восьмерку.

– Верно, – подтвердил Сонар. – Тогда и будет ужин. Вы помните, где столовая? Я вам показывал.

– Помню. – Поль повернул ключ своей двери, а Сонар заспешил по своим делам. В каюте Поль включил свет, как его научил Сонар, снял шорты и надел брюки. Посмотрел в зеркало. Красиво. Он надел носки и ботинки. Посмотрел в зеркало. Красиво. Сонар обещал дать пиджак.

Поль всё же перепутал помещения столовой и вошел в столовую командного состава. За столиками сидели мужчины, большей частью в военной белой форме. За одним из столов он сразу узнал капитана. Подошел матрос в полной матросской форме.

– Мсье, вы перепутали помещения. Столовая экспедиции по другому борту.

Еще только подходя к столовой, Поль услышал громкие разговоры и смех. Двери и окна были распахнуты для создания сквозняка. После душных коридоров вечерняя прохлада освежала. Когда он вошел, разговоры притихли. Некоторые мужчины были в шортах, но большинство, как и Поль, в брюках. А некоторые так и в пиджаках. Женщины нарядны. Гладко причесанные волосы, ярко накрашенные губы, цветастые платья и блузки с остро приподнятыми плечами. Поль понял, что такая теперь мода. Сервировка столов, кольца, серьги, браслеты и прочие украшения женщин – всё это сверкало в ярком электрическом свете. От одного из столов поднялся Роже, махнул рукой. Поль подошел.

– Это ваше место, мсье Дожер, – и Роже указал свободное место напротив.

Поль сел. Стало больно. После укола ягодица болела. Рядом с Роже сидел коренастый Леон и женщина с каштановыми волосами. А Рядом с Полем сидели Бернар и краснолицый молодой человек, вероятно, ровесник Поля. Роже стал всех представлять. Краснолицый оказался студентом, изучающим флору тропических морей, а женщина с каштановыми волосами была известным ботаником.

– А я вас не сразу узнал, – сказал Бернар. – В одежде вы совсем другой.

Бернар был в голубом пиджаке, а Роже в белом пиджаке с золотыми точками. Поль сказал:

– Старший стюард обещал дать мне пиджак, наверное, забыл.

– Вероятно, цивилизованная одежда несколько тяготит вас, – сказал Роже. – По первости. Я тоже сперва не узнал вас. Мы привыкли видеть вас в том виде, в каком вы появились на корабле. Так что если бы вы пришли сюда, на первый ваш ужин, обнаженным, никто бы вас не осудил.

– Даже наоборот, – сказала женщина с каштановыми волосами, и все рассмеялись.

Краснолицый студент сказал:

– Наша одежда – одна из тягот цивилизации.

И тут Поль увидел блондинку радистку с широкими бедрами. Она шла к нему между столами в сопровождении седого мужчины.

– Мсье Дожер, – сказала она. – Нас еще не представили. Я Мадлен Виронэ, радистка экспедиции.

Поль тотчас встал, Мадлен протянула ему руку, и он, наклонившись, поцеловал ей руку, как его учили в далеком детстве. Мадлен была в черном декольтированном платье, висящем на ней свободными складками, вероятно, для того, чтобы скрыть ее широкие бедра. Она слегка повернулась к седому мужчине и, глядя на Поля, сказала:

– Мсье Вольруи, заместитель начальника отдела протекторатов.

Поль понял, что Мадлен знакомит их по поручению мсье Вольруи. Седой мужчина протянул ему руку, Поль пожал его руку, и мсье Вольруи сказал:

– До сих пор я видел вас только мельком, когда вы впервые поднялись на борт. Теперь я вижу, вы начали осваиваться. Я знаю, вы дали запрос о вашей матери. К сожалению, администрация Таити рано кончает рабочий день. Завтра с утра мы пошлем еще один запрос и, надеюсь, получим ответ.

Поль ответил:

– Спасибо, – и, поскольку седой мужчина вежливо улыбался, тоже улыбнулся.

И тут мсье Вольруи сказал:

– Мсье Сонар сообщил мне, что вы прекрасно играете на фортепиано.

– Вот как? – Мадлен удивленно подняла глаза на седого мужчину, а потом перевела взгляд на Поля: – На нашем корабле только четыре человека играют на фортепиано. Вы пятый.

Поль хотел сказать, что он вовсе не играет, только одну детскую пьесу, да и ту забыл. Однако он еще не был уверен, что может правильно всё это сказать по-французски, и опять улыбнулся. Мсье Вольруи ушел к своему столу, Мадлен ушла за ним. Полю очень хотелось проводить ее взглядом, но все теперь смотрели на него, и он воздержался. Бернар провел носовым платком по лысине и сказал:

– Старые традиции и хорошие манеры не теряются, сколько бы времени не прошло.

Краснолицый студент тут же возразил:

– Старые манеры остались в довоенном времени.

Дама с каштановыми волосами сказала:

– Жизнь урегулируется, и старые манеры вернуться.

– Никогда! – отрезал студент.

Официанты и официантки разносили блюда. Перед Полем появилась тарелка с жареной рыбой и картошкой. Леон стал разливать по бокалам белое вино. Полю в детстве вина не давали. Впервые в жизни он поднял бокал с вином, сделал глоток. Ударило в нос. Во рту остался горький привкус. Поль обернулся к проходящему официанту, сказал:

– Гарсон! Воды! – и тут же понял: он никогда в жизни этого не говорил. Просто он видел этот едва заметный жест и слышал эти слова от отца и других людей в далеком детстве и теперь непроизвольно скопировал их. Удивительная вещь – память.

Но он тут же он понял, что здесь нельзя было этого говорить. Это был не один из ресторанов, которые он часто посещал с родителями. Это была корабельная столовая, где каждый

получал определенную порцию еды. Это он понял по тому, как все на него мельком посмотрели. Мадам Туанасье, которую он еще раньше заметил за соседним столом, тоже посмотрела на него. Ее глаза при этом сверкнули в электрическом свете, и это был недоброжелательный взгляд. Но тем не менее фигура у нее была стройной, и декольте ее белого платья открывало ее не по возрасту молодые плечи и шею.

Всё же официант принес ему стакан воды, и Поль сказал:

– Спасибо.

После ужина почти все закурили. Женщины тоже. Очевидно война приучила всех курить. Роже протянул Полю открытую пачку сигарет. Поль закурил от зажигалки, которой шелкнул перед ним Бернар. Первая затяжка пахла бензином от зажигалки, и только после второй затяжки Поль ощутил вкус табака. Едкий сигаретный табак, вероятно, с какими-то примесями, не шел ни в какое сравнение с мягким травянистым табаком, который курили мужчины Хатуту, передавая свернутые в трубку листья из рук в руки.

Некоторые мужчины прихлебывали вино во время беседы. Бернар больше не пил. Он принял пилюлю из маленькой бутылочки и сказал:

– Как война всё портит. Даже простое вино стало другого вкуса. И крысы. Я не помню, чтобы до войны кто-нибудь увидел в Париже крысу.

Леон пояснил:

– Не стало порошков от крыс.

Роже сказал:

– Раньше говорили, что оккупанты всё забирают. Кто же забирает теперь? Хотя бы этот крысиный порошок?

Дама с каштановыми волосами сказала:

– Говорят, во всех парижских школах у детей заводятся вши.

Поль про себя подумал, что это мало походит на светскую беседу. Подошел Мишель.

– Снимки получились великолепные, – сказал он Роже и обратился к Полю: – Вы тоже хорошо получились, мсье Дожер. Фотографии сохнут в лаборатории. Я готовлю корреспонденцию в своем журнале, отправлю авиапочтой при первой okazji.

– Корреспонденцию? – спросил Поль.

– Вы произведете сенсацию в мире, – пояснил Роже. – Белый человек, обнаруженный на острове дикарей, проведенный там двенадцать лет в отрыве от мира, не знавший ничего о мировой войне. Вас начнут осаждать корреспонденты уже в Панаме.

– Сенсацию, – повторил Поль.

Краснолицый студент сказал:

– Вы можете заработать целое состояние на репортажах, если будете требовать от корреспондентов деньги.

– И я буду первым репортером, – сказал с улыбкой Мишель. – Половина гонорара ваша. Начнем интервью. Прямо тут.

– Гонорар, интервью, репортаж, – серьезно повторял Поль незнакомые слова.

И Мишель начал:

– Где вы родились, мсье Дожер?

– В Париже.

– В каком месте?

– В нашем доме на улице де Ламбаль.

– Это ваш собственный дом?

– Это дом наших предков, – сказал Поль, повторяя забытое хрестоматийное выражение. – Я не знаю, что стало с домом. Говорят, многие города разрушены войной.

– Париж сохранился, – вставил Роже. – Французы недостаточно сопротивлялись фашистам, чтобы понести большие потери.

– Вы так считаете? – громко спросила мадам Туанасье.

Она поднялась с места, пододвинула свой стул, села ближе. Роже тут же ответил:

– А вы, мадам Туанасье, считаете, что Лондон, Дрезден, Берлин, Сталинград, Москва пострадали меньше Парижа?

– Оставим войну, она прошла, – оборвал разговор Мишель. – Приступаем к послевоенной сенсации. У вас был большой дом, мсье Дожер?

– Небольшой, – Поль почувствовал некоторую тревогу. – Два этажа. И сад вокруг дома.

– Неподалеку от дома Бальзака? – живо спросил краснолицый студент.

– Да.

– На фронтоне круглое окно?

– Да.

– Я помню этот дом! – воскликнул студент. – Он полностью сохранился. Поздравляю вас.

– Вы всё свое детство прожили в этом доме? – спросил Мишель.

– Нет. Когда я пошел в школу, родители сняли квартиру на Сан-Антуан. Рядом с моей школой.

– Где вы проводили школьные каникулы? – продолжал Мишель интервью.

– У нас был дом в Ницце. За Английским променадом. Там жила моя тетя. Сестра моего отца.

Поль начал нервничать.

– Я плохо знаю Ниццу, – признался краснолицый студент.

– Где получали образование ваши родители? – почти официальным тоном спросил Мишель.

– Мишель! – оборвал его Роже. – Этот человек провел двенадцать лет среди дикарей и только сегодня увидел людей из цивилизованного мира! Имейте чувство такта!

Мишель скорчил комическую мину:

– Роже, вы когданибудь встречали репортера, у которого было бы чувство такта?

Все рассмеялись. Мадам Туанасье заметила:

– Пусть закаляется. Ему еще предстоит встретиться с парижскими репортерами.

И она закурила следующую сигарету.

– Вот что, Мишель, – сказал Бернар, снова проводя носовым платком по своей лысине, – Это мы привезли Дожера в нашей лодке из первобытного мира в цивилизованный. Наша обязанность облегчить переход мсье Дожера из одного мира в другой. Вы это понимаете?

– Понимаю, – и Мишель примирительно положил руку на плечо Бернара. – Простите, мсье Дожер, – и он положил вторую руку на плечо Поля.

В своей каюте Поль сразу же разделся. Только теперь он почувствовал, как стесняла его одежда, и какое это облегчение стать снова голым. Он полистал детский словарь, который ему дала заведующая библиотекой мадам Туанасье. Как долго он не держал в руках книги! Электрическая лампочка была над самым изголовьем. Полулежа на кровати, Поль углубился в незнакомые и полузабытые слова. Альпинист. Апостроф. Аэростат. Капитан знает об убийстве Томаса Диллона. Папка со следствием в сейфе капитана. Утром радисты запросят сведения о матери Поля, Сибил Дожер. И все узнают об убийстве. Хотя это было двенадцать лет назад, в Париже имеются архивы протекторатов. Было бы хорошо, если бы фашисты разбомбили во время войны здание архива. Но Роже сказал, что Париж мало пострадал от войны. Жаль, конечно, но зато уцелел их семейный дом на Ламбаль. Поль выключил свет. Расстояния в помещениях корабля экономились, и когда Поль вытянулся на кровати, то уперся ступнями в стену каюты. Сон приближался.

– Па! У меня глаза тоже голубые!

Мальчик стоял по пояс в пенистой воде прибоа. Лицо его было так разрисовано художником, что нельзя было разглядеть, где настоящие глаза и какого они цвета. А глаза были не

голубые, как у Поля, а серые с зеленым или синим оттенком, но не такие, как у других жителей острова, не черные.

Глава 5. Белые женщины

Проснулся Поль от того, что захотелось ссать. Он зажег свет, встал с кровати, заглянул в иллюминатор. Черная ночь. Тогда он потушил свет и опять заглянул в иллюминатор. Вероятно, пароход шел быстро. Волны, уходящие назад, освещались корабельными огнями. Поль высунул руку наружу. Ветер и дождь. Поль опять зажег свет. Он хотел было поссать в умывальник, но тут захотелось срать. Надо было идти в уборную. Он вышел в коридор. Пусто. На часах в торце коридора обе стрелки торчали вверх. Полночь. После уборной он вошел в душевую по соседству. Горячей воды не было. После прохладного душа Поль мокрым вышел в коридор. Полотенце осталось в каюте. Он открыл дверь каюты, но тут увидел в конце коридора девушку, идущую в его сторону, и остановился. Это была Кларетт, заведующая бельем, как объяснил старший стюард Сонар. Она была в длинном халате. Приближаясь к Полю, она улыбнулась, не глядя на него. Она хотела пройти мимо, но Поль быстро взял ее за руку, остановил.

– Нет, нет, это нельзя, мсье Дожер, – сказала она, отвернувшись.

Поль произвольно вспомнил о табу. Однако здесь никаких табу не было.

– Что нельзя? – спросил он.

– Кто-нибудь может увидеть, что я разговариваю с голым мужчиной.

– Тогда зайдем в мою каюту, – сказал Поль. – Там никто не увидит.

И он распахнул дверь каюты. Кларетт посмотрела на него растеряннo, как бы удивляясь такому простому решению проблемы. Воспользовавшись этой заминкой, Поль за руку завел ее в каюту, прикрыл за спиной дверь.

– Это нельзя, – повторила Кларетт.

– Но здесь же никто не видит.

– Мсье Дожер, вы считаете это приличным, когда девушка заходит ночью в каюту мужчины?

– А куда ты шла сейчас по коридору? – спросил Поль.

– В душ.

– Неправда. Ты прошла мимо двух душевых.

– Вы меня допрашиваете?

– Допрашиваю, – повторил Поль знакомое, но не совсем понятное слово. – Так скажи, Кларетт, куда ты сейчас шла?

– Откуда вы знаете мое имя? – спросила кокетливо девушка.

Поль привлек ее к себе, сказал всплывшее в памяти выражение:

– Я прочел его в твоих глазах.

– Мсье Сонар сказал, что вы плохо читаете.

– Ты веришь мсье Сонару?

– Конечно. Он мой опекун.

– Как это?

– Он был другом моего отца. Мой отец погиб при Дункирке. А когда моя мать умерла от пневмонии, мсье Сонар взял меня в свою семью.

– А где Дункирк? – спросил Поль.

– Это в Бельгии. Там была высадка. И было открытое место. Немецкие самолеты летели низко и расстреливали солдат из пулеметов. И бомбили. Погибло несколько тысяч французских солдат. И мой отец погиб. – Она отошла от Поля, открыла шире раму иллюминатора, сказала сочувственно: – Да, ведь вы же ничего не знаете о войне.

Каюта была тесной. Поль сделал два шага и очутился вплотную к девушке. Ей было не больше двадцати лет, но она уже знала войну. Между ними были миллионы погибших на войне людей, и теперь он не понимал, как продолжить разговор. Она спросила:

– А на Маркизах женщины тоже ходят голые?

– Конечно, – сказал он с облегчением.

Он обнял ее за пухлые плечи, провел рукой по ее спине и понял, что под ее халатом не было никакой одежды. Он повел рукой вниз. Мягкие округлые ягодицы. Пояс халата был завязан сбоку узлом. Поль потянул за конец пояса, и узел развязался. Поль развел лацканы ее халата. По сравнению с загорелой кожей незагорелая грудь показалась ослепительно белой. Кларетт положила руки ему на плечи, он обнял ее. Она потянулась к нему лицом, он опустил голову, и она полуоткрытым ртом захватила его губы. Он тоже полуоткрыл рот. Их губы слились. Это был первый поцелуй в его жизни. Женщины острова Хатуту не целовались. Они ласкали, терлись щекой о щеку, искусно играли мужским членом, обхватывали бедрами, нежно щекотали пальцами в промежности, но никогда не целовали. Ощущение первого поцелуя было необыкновенным. Невероятное сочетание чистой невинности и откровенной похоти. Поцелуй расслаблял и одновременно придавал силы. Поль чувствовал, как его поднявшийся член твердо уперся ей где-то под ребра. Он поднял ее на руки. Пухленькая Кларетт оказалась довольно тяжелой, но он с легкостью поднял ее на уровень своей груди и даже слегка подбросил, и при этом она тихонько взвизгнула. Он посадил ее на кровать, сел рядом. Они опять поцеловались. Поль не мог отвести глаз от ее белых грудей, сжимал пальцами то одну, то другую грудь. Она одной рукой обвила его шею, а другой повернула выключатель. Но в темноте он продолжал ощущать белизну ее кожи.

Выждав, когда тяжелое дыхание станет ровным, Поль потянулся к выключателю. Ему не терпелось снова увидеть это белое тело. Кларетт тотчас села, поджав под себя ноги. Поль включил свет. Она набросила на плечи халат, поднялась с кровати.

– Мне надо в душ, – сказала она.

– Пойдем вместе, – предложил он.

– Да вы что, мсье Дожер! – воскликнула она. – Нас же увидят вдвоем.

– Кто увидит? – спросил он. – Сейчас ночь. Все спят.

Кларетт искоса посмотрела на него.

– Спят? А вы наивный, мсье Дожер. Вы думаете, что только мы вот так?

Поль вспомнил, как в детстве он обсуждал со своими сверстниками подробности половой жизни взрослых. На острове Хатуту обсуждение не скрывалось, как и сама половая жизнь. А в Париже дети говорили об этом, как о скрываемой от них тайне. И взрослые действительно держали это в тайне.

Кларетт ушла в душевую. Поль оставил дверь каюты открытой, чтобы проследить, когда Кларетт выйдет из душа. И когда она вышла, он выскочил в коридор и затащил ее обратно в свою каюту.

– У вас нет чего-нибудь попить? – спросила она. Поль посмотрел на нее недоуменно.

– Попить? – переспросил он.

– Ну, зельтерская вода, или сода, – пояснила она.

– А где это берут? – спросил он.

– В киоске около столовой. Там еще всякие вещи продают. – Поль вспомнил, что видел такой киоск, когда шел в столовую. – У вас нет денег! – догадалась Кларетт. – Как я раньше этого не сообразила! Вы же с дикого острова. Вам не дали денег на карманные расходы? – Поль растерянно покачал головой.

– Мне здесь всё дают без денег, – сказал он.

– Без денег нельзя. Здесь все что-нибудь покупают: напитки, сигареты, шоколад, хорошее вино. Хотите, я вам одолжу денег на карманные расходы?

Поль был несколько обескуражен. Только теперь он вспомнил, что жизнь в цивилизованном мире зависит от денег. Одежда и еда не растут на деревьях, как на Хатуту. Эта пухленькая

девушка, стюардесса, ответственная за белье, предлагала одолжить ему денег. Повидимому, это было проявлением щедрости. Он с особой нежностью обнял ее за плечи, сказал:

– Спасибо, Кларетт. Деньги мне пока не нужны. Если будет нужно, я попрошу.

И они опять поцеловались. После следующего полового акта Кларетт снова захотела пойти в душ, но Поль ее не отпустил.

– Зачем? – спросил он.

– Как зачем?

Они смотрели друг на друга. Кларетт сказала:

– Я понимаю. На Маркизах нет душа. Они ходят грязные.

– Они каждый день купаются, – возразил Поль.

Полулежа, он разглядывал ее. Загорелые плечи, руки, ноги, лицо. От груди до бедер ослепительно белая кожа, это очертания купального костюма, в котором она загорала. Он потрогал на ее бедре границу между загорелой и белой кожей. Она вдруг сказала игриво:

– А знаете, куда я тогда шла по коридору?

– Куда?

– Вот вы и спросили тогда, куда я иду. Вы подумали, что я иду в каюту какого-нибудь мужчины. А я правда шла в каюту одного мужчины. А вы меня перехватили. Он так, бедный, меня и не дождался.

– Кто он? – спросил Поль.

– А вы угадайте.

– А я его знаю?

– И очень даже хорошо.

Поль смотрел на нее озадаченно. В уме он перебирал мужчин, с которыми успел на корабле познакомиться. Кларетт весело рассмеялась.

– А вот я вас и обманула! Ни к какому мужчине я не шла. Я шла в кладовую белья за полотенцами, чтобы утром сразу разнести по каютам. Это моя обязанность.

Было непонятно, когда она шутила, а когда говорила правду. Коричневые женщины на острове тоже шутят, но всегда можно понять, правда это или шутка. Поль сжал пальцами ее загорелое пухлое бедро. А выше было белое тело. Он привстал, притянул ее вплотную к себе. Она больше не выключала свет, и он смотрел в ее глаза. Коричневые. На острове у всех глаза были черные. Он уснул в скрюченной позе: кровать была тесной. Сквозь сон он почувствовал, как она поднялась, надела халат. Открылась, а потом закрылась, дверь каюты.

Утром Поль проснулся от стука в дверь. В иллюминаторе утреннее пасмурное небо. Поль открыл дверь. Это была Кларетт. На ней была светлоголубая форма стюардессы. Губы и ресницы подкрашены. На согнутой руке она держала чистые полотенца.

– Ваше полотенце, мсье, – сказала она со слабой улыбкой.

Она положила полотенце на кровать, сняла с крюка старое. Поль схватил ее за руку. Она резко отдернула руку:

– Мсье?

Поль понял: она находилась при исполнении обязанностей на корабле. В коридоре она положила старое полотенце в белый мешок, постучала в дверь следующей каюты. Поль закрыл дверь, стал одеваться. В дверь снова постучали. Это был мсье Сонар. Он принес пиджак и рубашку, которую следует носить под пиджаком. Поль тут же на голое тело надел пиджак, посмотрел в зеркало. Пиджак был голубой в белую полоску. Сонар объяснил:

– К завтраку все обычно приходят в шортах и рубашках с короткими рукавами. У вас это есть. И вот, – Сонар вынул из кармана пачку бумажных денег. – Это капитан поручил передать вам деньги на карманные расходы. Завтрак в десять часов.

Когда Сонар вышел, Поль пересчитал деньги. Это заняло немало времени. Всего здесь было девяносто франков. Поль понятия не имел, что на них можно купить. Он рассортировал

деньги на мелкие и крупные купюры. Мелкие он положил в карман рубашки, крупные в задний карман шортов. До завтрака оставалось более получаса, и Поль направился в радиостанцию. Блондинки с широкими бедрами, Поль теперь знал, ее звали Мадлен, не было. Седой радист сказал, что он уже передал запрос на Таити, и ответ будет через час. Поль направился в столовую. Здесь еще никого не было. Он остановился перед киоском, где продавались напитки, сигареты, шоколад. Поль долго разбирал надпись на бутылке безалкогольного напитка. В конце концов он понял, что надпись была по-английски. Кока-кола, и маленькими буквами указано, что напиток содержит натуральную вытяжку из колы. Вероятно, какое-нибудь новое английское изобретение. За прилавком стояла молодая женщина. Встретившись взглядом с Полем, она улыбнулась. Поль тоже улыбнулся, спросил:

– Мадемуазель, как ваше имя?

– Жюстина, – ответила она и опять улыбнулась.

– А я – Поль, – сказал Поль.

– Я знаю, – сказала она лукаво. – Здесь все вас знают, мсье Дожер.

– А вот я вижу вас в первый раз, Жюстина.

– И какое я произвожу впечатление?

Это был сложный вопрос. Поль начисто забыл, что означает слово «впечатление». Путаясь в словах, он сказал:

– Вы выглядите очень прекрасно. Хорошо. Мне нравится.

Жюстина рассмеялась. Поль взглянул на другую часть киоска и замер. На полках стояли фотоаппараты, бинокли, даже подзорные трубы. На маленькой витрине под стеклом лежали бусы, браслеты, часы, кольца. Поль подошел к витрине. Несколько ручных часов. В детстве ему так хотелось иметь часы. Но когда он поступал в школу, директор предупредил родителей, чтобы детям часов не покупали, потому что в классе они постоянно смотрят на часы: скоро ли кончится урок. Таким образом, Поль никогда не имел ручных часов. И теперь он с большим интересом разглядывал часы в витрине. Рядом с часами были картонные кружочки. Поль понял, что на кружочках указана цена. Маленькие золотые часы стоили девятьсот франков. У Поля не было столько денег. А большие часы в тонкой сверкающей оправе стоили почему-то всего двести франков. Таких денег у Поля тоже не было. Он разглядывал самые красивые часы. Черный циферблат. Зеленые цифры. Зеленые и красные стрелки. Таких красивых часов он никогда еще не видел. Цена была выведена неаккуратно, от руки. Поль вгляделся и глазам не поверил. Пятьдесят франков! Вероятно, здесь была ошибка. Он обратился к продавщице, от волнения даже забыв ее имя:

– Мадемуазель, сколько стоят эти часы? – и он указал на черные часы.

Продавщица, даже не глядя на часы, а глядя на Поля, с улыбкой ответила:

– Пятьдесят франков.

Поль опять стал разглядывать часы в витрине. Были еще серебряные, выпуклые. Но черные были самые красивые. Ремешки для часов лежали отдельно. Они тоже были разные. Но черные часы были уже с ремешком. Поль спросил:

– А сколько стоит ремешок к этим часам?

Продавщица ответила:

– Часы продаются с ремешком. Он входит в стоимость часов.

Поль полез в задний карман, отсчитал пятьдесят франков, и еще не уверенный в том, что черные часы могут стать его собственностью, протянул деньги продавщице. Она сунула не считая деньги в кассу, достала с витрины черные часы, спросила:

– Вам их завести?

– А как это делается? – спросил Поль.

Она протянула через прилавок часы, показывая Полю завод.

– Это завод. Нужно заводить каждый день в одно и то же время. – Она покрутила завод, приложила часы к уху. – А так ставят время. Нужно слегка оттянуть головку.

И она, взглянув на свои собственные часы, перевела стрелки на нужное время, протянула часы Полю. Он приложил их к уху. Они тикали! Поль торжествовал. Он стал надевать их на руку. Продавщица протянула через прилавок руку, он протянул ей свою руку, она помогла ему застегнуть ремешок. Он посмотрел на часы. Маленькая стрелка была на десяти. Это часы. Большая стрелка подошла почти к самому верху. Это были минуты. Стрелки были зеленые. Но была еще одна стрелка. Красная. И она медленно вращалась. Вращалась прямо на глазах. Поль тут же сообразил: это секунды. Он еще раз приложил часы к уху. Они тикали. Не в силах скрыть своего восторга, он посмотрел на продавщицу и сразу вспомнил ее имя, и вспомнил слово «впечатление». Он сказал:

– Жустина, вы производите очень красивое впечатление!

В столовой уже завтракали. Занятый покупкой часов, Поль не заметил, как люди проходили мимо него, заполняя столовую. Когда он приближался к своему столу, люди, как и вчера за ужином, украдкой поглядывали на него. Ему казалось, что все смотрят на его красивые часы, и он небрежно сунул левую руку в карман так, чтобы часы были видны. За его столом сидели Роже и Леон. Остальные еще не пришли. Роже сказал:

– Доброе утро, мсье Дожер.

Поль вспомнил, что с утра надо поздороваться, и ответил:

– Доброе утро, – и, как его учили в детстве, наклонил голову и сделал четверть оборота, отдавая поклон присутствующим за столом.

Леон ответил:

– Доброе утро.

На столе стояли две низкие вазы. В одной были нарезанные свежие овощи, в другой фрукты. Поль по примеру других вилок набрал себе в тарелку овощей. Он почти забыл их вкус. Пришел краснолицый студент, поздоровался, сел. Поль уже знал, что его зовут Антуан. Роже спросил:

– Мсье Дожер, как вы провели свою первую ночь в цивилизованном мире?

Поль насторожился, но все смотрели на него вежливо, и он ответил:

– Хорошо.

Леон сказал:

– Это пока хорошо. Сегодня пасмурно. А в жаркие дни в каютах очень душно.

Официант принес тарелки с омлетом. Поль попробовал омлет. Блюдо показалось ему таким вкусным, что он даже не мог жевать. Куски омлета просто таяли у него во рту. Остальные заедали омлет овощами, но Поль не хотел ни с чем смешивать блюдо, чтобы не портить его вкус. А Роже сказал:

– Они не умеют хранить продукты. Яйца уже начали портиться.

Леон поддержал его:

– В Нуку Хива мы стояли два дня. Могли бы запастись свежими яйцами.

Студент Антуан, который любил всё уточнять, объяснил:

– В Нуку Хива яйца дороже, и они пользуются теми, что запасли на Таити, – и он фамильярно, поскольку они были примерно одного возраста, обратился к Полю: – Поль, ты приобрел немецкие часы?

– Это немецкие? – спросил Поль.

Антуан взглянул поближе на часы, сказал:

– Да. На четырех камнях.

– А у тебя на скольких камнях? – осторожно спросил Поль.

Антуан мельком взглянул на свои золотые часы, сказал небрежно:

– На двенадцати. Из швейцарских самые дешевые.

Пришел лысый Бернар, поздоровался, сел, начал с аппетитом есть омлет с овощами. И вдруг Роже обратился к Полю:

– Поль, вы находите Жустину интересной дамой?

По примеру Антуана он тоже стал называть его Полем. Оказывается, некоторые люди наблюдали, как он разговаривал с продавщицей. Поль ответил:

– Да. Она красивая женщина.

Роже улыбнулся:

– Можете на нее не рассчитывать. Пустой номер. Она бретонка.

Бернар тоже добродушно улыбнулся, подтвердил:

– Бретонка. Муж механик на корабле. У бретонцев жесткие семейные традиции.

А Леон добавил:

– Наши интеллигентные дамы из экспедиции куда доступней.

Мужчины за столом улыбались. Поль еще не вошел во вкус юмора цивилизованных людей и серьезно спросил:

– Как доступней? И мадам Туанасье тоже?

– О-о! – и Антуан скорчил значительную мину. – Она особый экземпляр. Маки. Муж расстрелян гестаповцами. Дать ей волю, она бы перестреляла всех колаборационистов.

Он говорил вполголоса, наклонившись к Полю, поскольку мадам Туанасье сидела за соседним столом. Роже сказал:

– Антуан, не говорите возвышенных слов.

И все рассмеялись. Кроме Поля. Он ничего не понял. Антуан снова наклонился к Полю:

– Извини, Поль. Я совсем забыл, что у тебя проблемы с языком. Но ты быстро наверстаешь. Будь только смелее, больше говори. Во время войны Германия захватила Францию. Это называется оккупация. Гестапо – это вроде немецкой военной полиции. Колаборационисты – французы, которые во время оккупации сотрудничали с немцами. Маки – группа сопротивления, французы, которые во время оккупации боролись с немцами. Когда ты будешь в библиотеке, спроси мадам Туанасье о войне. Она помогала собирать материалы для нюрнбергского процесса. Да! – спохватился он. – Ты же этого не знаешь. В Нюрнберге был международный судебный процесс. Судили фашистов.

В это время пришла дама с каштановыми волосами, поздоровалась, села на свое место, принялась за омлет. Поль уже знал, что ее зовут мадам Планше. Антуан продолжал говорить Полю:

– Мадам Туанасье расскажет это лучше. Только ты поосторожней с ней. Она коммунистка. Одно слово, и ты станешь ее врагом. Она имеет большое влияние, и у нее хорошие связи. Ты знаешь, что такое коммунисты?

Поль помнил это слово, помнил, как говорили о событиях в России. Революция. В Германии, кажется, тоже была революция. Тут он увидел, что все смотрят на него, ждут ответа. Нужные слова ускользали из памяти, и он сказал:

– Коммунисты это русские и немцы.

И тут все пятеро человек за столом неожиданно стали смеяться. Они смеялись, не глядя на Поля и не глядя друг на друга. Люди за соседними столами недоуменно смотрели на них. У мадам Планше от смеха выступили слезы. Она воскликнула:

– Нет! Это невозможно объяснить!

Роже, переставая смеяться, но еще не совсем перестав, сказал:

– Поль! Не обижайтесь! Вы забыли язык, то, что вы сказали, строго говоря, не имеет смысла. Но вы не представляете себе, что значили для нас ваши слова! До сих пор события казались мне статистикой, эпизодами моей биографии. И только вы, вы Поль, дали сейчас мне понять, что произошло за последние двенадцать лет.

Однако самому Полю не было понятно ничего. Официанты подали кофе. Молоко было в маленьких фарфоровых кувшинах. Мадам Планше сказала:

– Молоко из порошка. Война давно кончилась, а молоко до сих пор подают порошковое.

Роже заметил:

– Вероятно, на нашем корабле нет коровы.

Сразу после завтрака Поль направился в радиостанцию. Он перепутал лесенки, и поднялся на верхнюю палубу с другого борта, так что пришлось обойти пушечную башню и пройти по переходному мостику. В радиостанции были капитан и седой радист в наушниках. Поль сказал:

– Доброе утро.

Помещение было хорошо изолировано, и снаружи не проникало ни звука. Поль подошел к радисту, от наушников слышалось тихое попискивание азбуки Морзе. Поль уже знал: радист относится к команде и подчиняется капитану, а Мадлен – радистка экспедиции и подчиняется Роже и мсье Вольруи. Радист писал на синем бланке, переводя серии писков на французские буквы. Капитан читал уже исписанный лист. Подняв глаза на Поля, он сказал:

– Мы слишком далеко отошли от Папита, чтобы переговариваться. Сообщение только зуммером.

Вошла Мадлен, сказала: – Доброе утро, – и остановилась в дверях. Капитан обратился к ней:

– Мадемуазель, прошу вас, оставьте нас не надолго.

Мадлен слабо улыбнулась и вышла. Радист кончил записывать, отстучал на ключе конец приема, подал капитану второй исписанный лист. Капитан обратился к Полю:

– Вы уже знаете про следствие об убийстве Томаса Диллона. В передаче они всё повторили. Все улики против вашего отца, Жоржа Дожера. Сибил Дожер, ваша мать, подтвердила улики. Имеются ее показания. После гибели вашего самолета следствие автоматически закрыто. Ваша мать не сомневалась в вашей гибели. Двадцать первого ноября тысяча девятьсот тридцать четвертого года Сибил Дожер отбыла из Папита на пароходе «Андромеда» в Сидней. Дальнейшая ее судьба администрации Папита неизвестна. Когда мы прибудем в порт Панамы, вы сможете подать запрос о судьбе вашей матери. Вам нечего к этому добавить?

Поль растерянно пожал плечами, отрицательно покачал головой. Капитан сказал:

– Думаю, вам бы не хотелось, чтобы теперь на корабле узнали об этом убийстве.

Поль подтвердил:

– Не хотелось бы.

– Я вас понимаю. Для вас и так достаточно труден переход к цивилизованной жизни. О деле Жоржа Дожера известно теперь только мне и мсье Курбэ. – Поль понял, что Курбэ это седой радист. Капитан закончил: – Так что пока никто ничего не узнает. Вам понятно?

– Да. Спасибо, – сказал Поль.

– А пока, – и капитан аккуратно сложил два исписанных листа, – это будет тоже лежать в моем сейфе.

Капитан вышел. Поль повернулся к радисту, мсье Курбэ, сказал:

– Спасибо.

В радиостанцию вошла Мадлен, спросила:

– Вы нашли свою мать?

– Нет еще, – ответил Поль, а мсье Курбэ пояснил:

– Сибил Дожер после катастрофы отбыла из Папита в Сидней. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Будем выяснять в Панаме. – Мадлен сочувственно наклонила голову, сказала, растягивая слова:

– Это было ужасно для нее: сразу потерять мужа и сына. – Она смотрела на Поля светлыми, ничего не выражающими глазами. Поль невольно окинул взглядом ее фигуру: тонкая талия, широкие бедра, обтянутые узкой юбкой. Ободряющим тоном она сказала:

– Вы ее обязательно найдете, мсье Дожер. Я представляю себе ее радость, когда вы встретитесь. – Поль сказал: – Спасибо, – поскольку больше ничего не мог придумать. Он уже собрался выйти, но Мадлен сказала:

– Мсье Дожер, мсье Сонар сказал, что вы в кают-компании играли Грига. Я не играю, но я очень люблю музыку. И люблю Грига. Вы тоже любите Грига?

Поль ответил, стараясь найти более знакомые и легче произносимые слова:

– Григ – мой любимый композитор.

Это была настолько вопиющая ложь, что он при этом не смог сдержаться от улыбки. Мадлен поняла эту улыбку иначе и ответила ему тоже улыбкой. При улыбке ее рот вяло растянулся в узкую ровную полоску, в которой была видна узкая ровная белая полоска зубов. Ее улыбка показалась Полю восхитительной. Мадлен сказала:

– Я бы хотела послушать вашу игру. – Это привело Поля в замешательство. Он никак не был пианистом. Но признаться в этом Мадлен означало упустить удачный момент сближения с этой блондинкой. Он смотрел в ее глаза, но видел ее фигуру с тонкой талией, переходящей крутыми линиями в широкие бедра. Тщательно подбирая слова, он сказал:

– Когда я буду играть в следующий раз, я вам это скажу заранее. – Она ответила: – Спасибо. – И Поль вышел. В своей каюте он захватил детский словарь с картинками и направился в библиотеку. Люди, попадавшие ему навстречу, говорили ему с улыбкой: – Добрый день. На корабле было много женщин, не только в составе экспедиции, но и в административной группе.

В библиотеке было несколько человек. Некоторых Поль уже знал. Мадам Туанасье сидела за письменным столом, что-то писала в толстой тетради. Поль поздоровался, нерешительно протянул ей словарь.

– Слишком элементарно? – спросила она. Поль молча подбирал нужные слова. – Вам здесь всё понятно? – спросила она, беря у него словарь. – Все слова знакомые?

– Не все, – признался он. – Я бы хотел узнавать слова и что-нибудь еще узнавать. Вот я ничего не знаю о войне.

– Конечно, не знаете, – сказала мадам Туанасье, поднимаясь с места и что-то обдумывая.

– И еще я не знаю новые вещи, – сказал Поль. – Вот я не знаю, что такое коммунисты.

– Я в этом не сомневалась, – сказала мадам Туанасье, направляясь к книжным стеллажам. Она пододвинула низкий табурет, встала на него, достала с полки книгу. Поль следил за ее четкими движениями. Светлосерое платье сидело на ней как военная форма, а подставные острые плечи, какие теперь носили женщины, придавали ей особенно воинственный вид. Когда она опускала ногу с табурета, четко обозначились под платьем ее круглые ягодицы. Икры ее ног были мускулистые, а щиколотки тонкие и крепкие. Она чем-то напоминала вторую жену Тибу-Това Су-Суэй. Вчера вечером, когда она была в декольтированном платье, Поль видел ее гладкие плечи. Такая же гладкая чистая кожа должна была быть и на этих округлых ягодицах и бедрах. Но теперь они были затянuty в сложные приспособления с резинками и застежками, которые то и дело проявлялись под ее платьем при каждом резком движении. Такие же сложные приспособления обтягивали ее груди, и уж никак нельзя было понять, какой они формы и как на них расположены соски. Мадам Туанасье подала ему толстую книгу в суперобложке. Поль с некоторой опаской взял книгу, прикидывая в уме, сколько времени может уйти на ее прочтение.

– Не пугайтесь, – сказала она. – Здесь много фотографий и мало текста. Если попадется непонятное слово, у нас есть энциклопедия.

– Что? – спросил Поль.

– Энциклопедия это словарь с объяснением каждого слова.

– Энциклопедия, – повторил Поль незнакомое слово.

– Непонятные слова записывайте, а потом вы их найдете в энциклопедии. – Она показала один том энциклопедии для примера. – У вас есть на чем записывать?

– Я куплю в киоске, – сказал Поль.

– У вас есть деньги?

– Деньги мне дал капитан.

– Эти часы вы сами купили? – Оказывается, она обратила внимание на его красивые часы.

– Сам, – похвастал Поль. – И еще у меня осталось сорок франков. – Мадам Туанасье выдвинула ящик стола, достала тетрадь и авторучку, подала Полю. Он тут же открыл авторучку. На конце ее вместо пера был крохотный шарик. Поль потрогал пальцем шарик: мажет фиолетовыми чернилами. Поль нарисовал на тетради кружочек. Шарик пишет! И даже легче, чем перо. Потрясенный Поль закрыл авторучку, потом снова открыл, стал рисовать на тетради заглавие. Шарик писал. Тут он вспомнил, что надо поблагодарить.

– Спасибо, – сказал он.

– У ваших родителей было состояние? – спросила мадам Туанасье.

– Наверное, было, – сказал он неуверенно. Такими вопросами он в детстве не задавался.

– Я знаю, вы подавали запрос о своей матери. За время войны многие потеряли своих близких. – Поль уже знал, что муж мадам Туанасье был расстрелян немцами. Она продолжала:

– Не исключено, что вам придется самому зарабатывать себе на жизнь. – Тут она неожиданно улыбнулась: – Так что вы еще можете и пожалеть, что покинули остров Хатуту. – Поль уверенно ответил:

– Не пожалею.

У себя в каюте он сразу раскрыл книгу. На каждой странице были фотографии. Некоторые фотографии были во всю страницу. Подготовка к войне. Строительство линии Мажино. Военные пароходы. Немецкие мотоциклисты в Польше. Митинг фашистов в Берлине. Марширующие колонны фашистских солдат. Немецкие танки в Бельгии. Взрывы. Бомбардировка Лондона. Дункирк. Концлагеря. Колонны евреев, везомые немецкими автоматчиками. Раздетые еврейские женщины. Горы трупов до ужаса истощенных людей. Гитлер на трибуне. Рибентроп. Сталин. Черчилль. Взрывы. Разрушенный американский флот в Перл Харборе. Японские военные корабли. Небо, покрытое летящими военными самолетами. Время летело незаметно. Поль почувствовал, что у него пересохло во рту. Вспомнились слова капитана: – пока вы отдыхали на острове...

На обед в столовую Поль пошел с книгой. Когда он вошел, все уже обедали. Роже спросил Поля, указывая на книгу:

– Мадам Туанасье вас просвещает?

– Да.

– Ну и как?

– Страшно очень, – признался Поль. Антуан тут же дал конкретное определение:

– Война – хороший опыт для человечества. – За соседним столом раздался громкий смех. Там кто-то шутил. Эти люди пережили, то, что было в этой книге, которая лежала у него на коленях. И теперь они смеются, шутят, едят. Поль уже знал: человек очень сильный. Всё может вынести. А суп был луковый. В детстве он его не любил. На всякий случай Поль попробовал одну ложку и стал есть один хлеб. Роже сказал с улыбкой:

– Поль, ну какой же вы парижанин! – И все, улыбаясь и жуя, посмотрели на Поля. Антуан сказал:

– Поль, сегодня в клубе кино. Ты интересуешься? – Поль удивился:

– Кино?

– Да. Висит объявление. Американский фильм. – Поль уже видел перед входом в столовую доску, где висели листки с объявлениями, и люди останавливались, читая эти листки. Ему

не приходило в голову читать их, поскольку он полагал, что к нему там ничто не относится. Кроме того, он еще не обрел навыка к чтению. Он с трудом разбирал надписи под фотографиями этой страшной книги.

– Я люблю кино, – сказал Поль.

– В три часа. Ты знаешь, где клуб? – спросил Антуан.

– Да, мсье Сонар мне показал. – В детстве Поль очень любил кино. Перед сеансом он решил надеть пиджак и брюки. Когда он переодевался, в дверь каюты постучали. Поль открыл. Это был незнакомый матрос. В руке у него был ящик с инструментами.

– Мсье Дожер, мне приказано наладить у вас транслятор. – Поль не понял, но кивнул головой. Матрос открыл деревянную коробку, прикрепленную под потолком, и Поль понял, что это радио.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросил он.

– На собрании сказали. Вас все знают, – ответил матрос.

– На каком собрании? – подозрительно спросил Поль.

– Вчера капитан собрал всех в клубе. Нам объясняли, как надо с вами себя вести.

– И как вам надо себя вести со мной? – поинтересовался Поль.

– Ну, не приставать к вам со всякими вопросами. Люди ведь любопытные, а вам это может быть неприятно. И следить за вами.

– Следить? – насторожился Поль.

– Ну, следить, чтобы с вами ничего не случилось. Вы же на острове привыкли лазить по деревьям, так чтобы вы не залезли на мачту, или на трубу. Это опасно. – Матрос покопался в трансляторе, сказал:

– Надо заменить регуляторы. – Он снял транслятор и унес его, сказав, что наладит в мастерской, а завтра принесет. Когда Поль выходил из каюты, он едва не столкнулся с мадам Туанасье, шедшей по коридору.

– Мадам Туанасье, вы в кино? – спросил он.

– Нет, – ответила она, не глядя на него. – Я такие фильмы не смотрю. – Она сказала это таким тоном, что Поль не решился пойти рядом с ней, отстал на несколько шагов. По коридору шли и другие люди, вероятно, как и Поль, в клуб. Поль смотрел вперед на мадам Туанасье, на ее прямую спину и развернутые плечи. Несмотря на ее высокие каблук, она шла четким ровным солдатским шагом. – Коммунистка, – подумал про себя Поль, хотя еще неясно понимал значение этого слова.

В клубе собралось много народу. Здесь были люди из команды, из экспедиции и из администрации. Поль подсел к Антуану, и тот фамильярно хлопнул его по плечу. Фильм был звуковой. Говорили по английски, а титры были на французском. Лучше бы наоборот. Название фильма он всё же понял: – «Первый бал». Героиню играла молодая красивая актриса. Антуан сказал ему на ухо, что это самая популярная американская актриса военных лет. Про войну в этом фильме не было ничего. Было много забавных сцен. Когда героиня, убегая с бала, потеряла туфель, стало ясно, что фильм сделан по сказке Перро «Золушка». Все это было поставлено в современных костюмах и в современной обстановке. Героиня фильма много пела. Красиво пела. В конце фильма она спела что-то очень длинное и классическое. Тут Поль увидел мадам Туанасье. Она стояла сбоку, прислонившись к стене. Когда, после окончания фильма, все начали расходиться, Поль догнал мадам Туанасье, спросил:

– Так вы всё же решили посмотреть кино?

– Нет, – ответила она надменно. – Я пришла к концу только послушать арию. – Из клуба все почему-то направились в столовую, хотя до ужина было далеко. Оказывается, здесь был кофе. Официанты и официантки разносили чашечки. К кофе ничего больше не подавалось. Так было положено. Роже купил в киоске бутылку коньяку, стал всех угощать. Поль отказался. Ему не понравился запах коньяка. Он спросил:

– А почему в кино ничего не говорилось о войне?

Мишель объяснил:

– Все устали от войны и хотят развлечений.

– А вот вы, Роже, говорили, что Франция мало пострадала, – напомнил Поль.

– Поль, – Антуан толкнул его плечом, – Роже потерял на войне брата. А отец Мишеля умер в немецком концлагере.

Мадам Планше сказала:

– Сестра моей матери с ее мужем были убиты при артобстреле в Лиле. – Поль огляделся. Люди попивали кофе, разговаривали, улыбались. Поль встретился глазами с Мадлен. Она улыбнулась ему. Он ответил улыбкой. Роже сказал:

– Мадлен потеряла на войне двух.

– Родственников? – спросил Поль.

– Женихов. – Мадам Планше с улыбкой пояснила:

– У Мадлен было два жениха. Одного из них я помню по университету. Оба делали ей предложения. Она долго не могла решить, кого из них выбрать. В конце концов оба попали на фронт. Один был убит на границе с Бельгией, другой на границе с территорией Виши до соглашения Петена. – Когда Поль поднялся от стола, то увидел, что Мадлен направляется к нему. Он пошел ей навстречу.

– Мсье Дожер, – сказала она. – Я знаю, вы любите Грига. Сегодня из Лос-Анжелеса транслируется фортепианный концерт. Слышимость хорошая. Я подключу передачу на трансляцию корабля. Вы можете в своей каюте прослушать концерт по радио. У них начало в восемь, но мы в другом часовом поясе. У нас это будет в семь часов.

– Мадлен, у меня нет радио. Матрос забрал транслятор и сказал, что будет готово только завтра.

– В кают-компании есть транслятор, – подсказала Мадлен. – Впрочем, там они играют в карты. Приходите в радиостанцию. По нашему приемнику звук чище.

– Я приду. Спасибо, – ответил Поль. Мадлен еще раз улыбнулась своей узкой улыбкой и ушла. Поль вышел на открытую палубу. Небо в тучах, дул ветер, и высокие волны быстро двигались в одном направлении. Это двигался пароход. Поль стал обходить корабль, вспоминая слова. Пушечная башня. Мачта с реями. На мачте круглая площадка с ограждением. Наверное это называется марс. Мимо прошли два матроса, поглядывая на него. Вероятно они следят, чтобы он не забрался на мачту, поскольку он привык на острове лазить по деревьям. Поль взглянул на свои часы. Антуан сказал, что они немецкие, и в них только четыре камня. Хорошо бы их разобрать и посмотреть, что это за камни.

Мадлен сидела в наушниках на краю кресла перед большим пультом с мигающими лампочками.

– Мадлен, вы здесь одна? – спросил Поль.

– Да. Сейчас мое дежурство, – сказала Мадлен, снимая наушники.

– Вы же не входите в состав команды, – сказал Поль, непроизвольно улыбаясь женственной блондинке.

– Мы дежурируем по очереди. Пять человек. Такое правило после гибели «Титаника». Вы слышали о «Титанике»? – Поль видел в детстве такой фильм.

– Да. Я видел фильм. Немой. «Титаник» утонул.

– С тех пор такое правило, – и Мадлен провела длинным изящным пальцем по пульту. – На всех кораблях, где есть радиостанция, всегда должен кто-нибудь дежурить.

– Это интересно, – сказал Поль. – Была война. Я уже читал, сколько взорвали пароходов, но до сих пор есть правило «Титаника». – Мадлен посмотрела на него, улыбнулась. И он тоже улыбнулся.

– Я уже отрегулировала связь через Галапагосские острова, – сказала она. Тут Поль вспомнил, что пришел сюда слушать Грига.

– Вы мне дадите эти... – он указал на наушники.

– Наушники? Зачем? Я включу динамик. Немецкий. У него чистый звук. – Поль отметил, что на пароходе много всего немецкого. И сам пароход был немецкий. Красивые черные часы тоже немецкие. Похоже было, что не Гитлер напал на Францию, а наоборот: союзники напали на Германию, чтобы ограбить ее. Мадлен подошла к динамику, что-то отрегулировала. Послышался приглушенный говор людей, покашливания, аплодисменты. Поль понял, что это большой зал, в котором сейчас будет исполняться концерт. Мадлен повернулась к нему, сказала:

– Вы сядьте. Сейчас начнется. – Поль сел в кожаное кресло. Приглушенный говор в динамике стих. Мадлен снова обернулась к нему, кивнула, – это означало: сейчас начнется. Послышались первые оркестровые аккорды. Громкие. Затем аккорды рояля. Тоже громкие. Это Полю понравилось. Потом пошла простая, но очень торжественная мелодия. Потом эту мелодию стал повторять рояль. Это Полю тоже понравилось. Потом начались переборы рояля. Без мелодии. Пианисту нужно было показать, какие у него ловкие пальцы. Потом рояль играл с оркестром, но уже стало скучно. Очевидно, композитору другие мелодии в голову не приходили. А потом стало совсем скучно. Мадлен стояла перед динамиком, спиной к Полю. Теперь он заворуженно смотрел на ее талию, резко переходящую в широкие, красивых очертаний бедра. Юбка была до колен. Плавные выгнутые икры, тонкие щиколотки, ступни с высоким подъемом. Поль поднялся, тихо подошел к Мадлен. Она обернулась, сказала:

– Сейчас начнется вторая часть. – Поль взял ее за плечи, повернул лицом к себе. Она смотрела на него ничего не выражающим взглядом. Он ласково провел ладонью по ее спине, почувствовал под материей блузки какие-то лямки, застежки, пересечения швов. Взгляд ее не изменился. Он крепче прижал ее к себе, коснулся губами ее рта. Они поцеловались. И только после этого в ее взгляде появилось удивление. Очевидно, у нее была – Поль вспомнил слово из детского словаря «реакция» – замедленная реакция. Проводя руками по ее спине, он просунул ладони за пояс юбки. Пояс был слабый. Очевидно, широкие бедра позволяли удерживаться юбке безо всякого пояса. Его пальцы достигли того места, где талия переходила в бедра. Здесь тоже были сложные переплетения швов и даже металлические крепления. Он нащупал и растянул скрытую пуговицу на поясе. Дальше были крючки. Обхватив и прижав к себе ее за талию, он стал пальцами обеих рук растягивать крючки. И только тут она стала обеими руками отталкивать его от себя. В ее глазах была тревога.

– Сюда могут войти, – сказала она. Тогда он быстро подошел к двери, щелкнул замком, он уже знал, как запираются двери на корабле, и так же быстро вернулся к Мадлен. Она продолжала стоять не шевелясь. Поль сбросил с себя мешающий ему пиджак и снова обнял ее за плечи, стал медленно скользить руками вниз, вдоль ее тела, и юбка заскользила вниз под его руками. Еще под юбкой оказались короткие шелковые трусы, которые он захватил большими пальцами. Всё это он опустил вниз, присев при этом в неудобной позе. Сидя боком на корточках, он смотрел перед собой. Теперь прямо перед его лицом было всё. Розовый атласный пояс с ажурной кружевной отделкой, от которого опускались туго натянутые ажурные подвязки, поддерживающие длинные, доходящие почти до паха, чулки. А между чулками и поясом полоса белого незагорелого тела. Белая полоса на ширину роскошных бедер. А посередине треугольник золотистых волос, в котором сконцентрировалась вся привлекательность женского тела. Поль уткнулся лбом в этот золотистый треугольник. У коричневых женщин лобковые волосы жесткие. Эти золотистые волосы были мягкие, почти такие же как у Поля на голове. Он терся лбом об этот магический треугольник, волосы смешивались, перепутывались. Поль выпрямился. Мадлен попрежнему стояла без движения. Он уже не мог сразу обнять ее. Ему казалось кощунственным прикоснуться грубой тканью брюк к этой полосе белого тела. Он порывисто опустил брюки до колен. Мадлен смотрела на это, слегка откинув голову, как бы в

полусонном состоянии. Он обнял ее. Наконец, будто очнувшись, она тоже обняла его за талию, прижимаясь к нему. Его торчащий вверх член оказался зажатым между их телами. Он поднял ее на руки, сделал шаг в сторону. Опущенные брюки не давали делать широких шагов. Наткнувшись на кресло, он посадил ее на край кресла, держа поднятыми ее ноги. Она ухватилась за ручки кресла, а он пригнулся, завел подбородок за ее плечо. Фортепианный концерт Грига продолжался. Половой акт длился долго. Но фортепианный концерт был длиннее. Оркестровое форте почти заглушило тихий стон Мадлен во время оргазма. Поль помог ей подняться с кресла. Застегивая брюки, он наблюдал, как она плавными движениями натягивает юбку на роскошные бедра. Достав из сумки гребень, она расчесала светлые волосы, и они снова легли густой волной, закрыв затылок. А фортепианный концерт Грига всё продолжался. Они стояли друг перед другом одетые, но еще не пришедшие в себя от пережитых ощущений. Он обнял ее за талию. Она сказала:

– Кончается третья часть концерта. Дверь надо открыть. – Поль быстро подошел к двери, отщелкнул замок, снова вернулся к Мадлен. Они поцеловались. Это было воспоминание о белой назагорелой полосе женского тела.

После ужина Поль принял душ и снова у себя в каюте стал листать страшную книгу, читая надписи и заглядывая в детский словарь. По ходу дела он посмотрел в словаре, что такое коммунизм. Там было написано, что это система социальной организации, в которой правительство владеет всем имуществом, и оно распределяется поровну между людьми. Поль поразмыслил и подумал, что это похоже на королевство Хатуту. На этом вопрос о коммунизме был исчерпан. Дверь каюты он оставил распахнутой. Он надеялся, что к нему придет Кларетт. Он взглянул на свои ручные часы. Полночь. Кларетт не пришла. Он с ней вовремя не договорился. С Мадлен он тоже ни о чем не договорился. Он еще не научился ориентироваться среди белых людей. Поль вытянулся на кровати, уперевшись ногами в стену. Перед глазами была белая полоса нежной незагорелой кожи с золотистым треугольником посередине. На острове Хатуту мужчины много рассуждали об эрекции. Некоторые утверждали, что со стоящим членом невозможно уснуть. Поль не мог этого проверить, потому что под боком у него всегда на этот случай была Соу-Най. Теперь он понял, что это неправда. Он уснул со стоящим членом. Уснул крепко.

Утром старший стюард Сонар принес прибор для бритья. Поль с интересом стал развинчивать и завинчивать металлический станочек с лезвием. Здесь были и запасные лезвия. Он хорошо помнил, как его отец брился. У Поля уже отросла неровная щетина цвета прошлогоднего камыша.

У многих мужчин на острове борода вообще не росла. У всех белых мужчин росли бороды, и они брились. Поль развел мыло в блестящей медной чашечке. Борода у него начала расти уже с прошлого года. На острове мужчины брились острыми камнями. Сперва это было интересно, а потом это стало неприятной процедурой. Бритье бритвой было куда легче. Всё же он порезался в двух местах. Мыло щипало порезы. Захотелось встать под душ. Поль уже знал, что в коридор голым выходить нельзя. Вместо набедренной повязки он повязался полотенцем и пошел в душевую. В этот момент из душевой выходил ихтиолог Конрад, с которым Роже познакомил Поля еще в столовой. Он был в длинном халате, подвязанном поясом с кистями, висящими сбоку. Полю сразу захотелось такой же халат. Конрад улыбнулся, сказал:

– Доброе утро, Поль. – Поль ответил: – Доброе утро, мсье, – и вошел в освобожденную душевую. Сбросив полотенце, он увидел в углу маленький полупрозрачный предмет. Он поднял его. Это была трубочка из тонкой мягкой резины. Вероятно, что-то нужное, что нечаянно обронил Конрад. Забыв, что он совсем голый, Поль выскочил в коридор, где были и другие люди.

– Мсье! – крикнул он вслед удаляющемуся Конраду, а поскольку он всех знакомых называл уже по имени, крикнул: – Конрад! – и тот обернулся, остановился. Держа в поднятой руке резиновую трубочку, Поль сказал:

– Это вы уронили в душевой? – Конрад быстро подошел, взял у Поля мягкую резиновую трубочку, сказал сквозь зубы: – Спасибо, мсье, – и быстро удалился. Проходящий по коридору матрос, обернулся на них и рассмеялся. Поль понял, что он сделал что-то не то, однако это его не смутило, поскольку он теперь часто делал что-то не то.

За завтраком Роже обратился к Полю:

– Сегодня у нас в кают-компании конференция по языкам Полинезии. Вы не хотите принять участие? – Поль кое-что помнил об этих языках, поскольку его отец постоянно ими занимался. Ему даже нравилось повторять за отцом отрывистые гласные. Это его забавляло, и это ему помогло в свое время освоиться на острове Хатуту. Он сказал:

– Отец меня учил. Я забыл. Я только знаю, как говорят на Хатуту.

– Это нам и нужно, – подтвердил Бернар. Поль зашел в свою каюту, взял детский словарь, предварительно посмотрев, что такое «конференция», и пошел в библиотеку. Здесь была одна мадам Туанасье. Она не подкрашивала губы и ресницы, как это делали другие женщины. Ее кожа всегда казалась такой, будто она только-что приняла душ. Поль попросил другой словарь, поскольку в детском не было некоторых нужных слов.

– Я уже вам говорила, мсье Дожер, записывайте непонятные слова, а потом ищите их в энциклопедии. Вы записываете? – строго спросила мадам Туанасье. Поль молчал. И тут она сочувственно улыбнулась.

– Трудно адаптироваться? – спросила она. Поль не знал такого слова, но понял его и повторил:

– Трудно адаптироваться.

– Вы еще в таком возрасте, когда всё быстро усваивается, – сказала она ободряюще. До сих пор Поль видел ее лицо только строгим, а теперь оно показалось ему красивым. Она была необыкновенной женщиной. И он спросил:

– Мадам Туанасье, вам снятся сны? – Она недоуменно посмотрела на него, ответила:

– Редко.

– Мне тоже. Мне с детства снится иногда один и тот же сон. – Поль старательно подбирал французские слова: – Мне снится девушка, которой я в жизни никогда не видел. В детстве она была девочкой. Потом я рос, и эта девочка росла. Я вырос, и эта девушка стала взрослой женщиной. И в жизни я этой женщины не встречал. А когда я увидел вас, мне показалось, что вы и есть та самая женщина, которую я видел во сне. – Мадам Туанасье посмотрела на него внимательно, спросила:

– А вы это не придумали? – Мадам Туанасье умная женщина. Следовало прикинуться наивным, и Поль сказал:

– Я такое придумывать не умею.

– У Фрейда есть несколько работ о природе сновидений. – сказала она серьезно. – Вы знаете, кто такой Фрейд? – В страшной книге упоминалось это имя, и Поль ответил:

– Гитлер не любил Фрейда. – И тут мадам Туанасье снова улыбнулась. Поль еще не видел ее так часто улыбающейся. Он шагнул к ней, обнял ее за плечи и почувствовал, как напряглись мускулы ее тела. Она пристально смотрела ему в глаза. Он медленно провел ладонью по ее спине, чувствуя под ее платьем какие-то лямки, швы, застежки. Сильным движением она отстранилась от него, сказала нарочито спокойным тоном:

– Мсье Дожер, я понимаю, за двенадцать лет жизни в первобытных условиях вы привыкли к свободным нравам острова Хатуту, но здесь для вас началась жизнь в цивилизации, и вы должны это помнить. – Полю не понравилось замечание о первобытных условиях, и он сказал:

– Вы коммунистка, а на Хатуту коммунизм. – На миг ее глаза расширились, и она неожиданно рассмеялась. Она пошла к книжным стеллажам, продолжая смеяться. Сняв с полки книгу, она снова подошла к Полю. Ее лицо было теперь доброжелательным. Она сказала:

– Это сравнительная характеристика Парижской коммуны и русской революции. Текст несложный. – Поль взял книгу, поблагодарил, вышел. Оставив книгу о коммунистах в своей каюте, он вышел на верхнюю палубу. Небо было облачным, ветер тихий. Поль перегнулся через борт, увидел длинные волны, выбегавшие из-под носа парохода. Из обеих труб шел дым. Поль подумал, что хорошо бы спуститься в машинное отделение, посмотреть на печи и всякие механизмы. Он пошел вдоль борта, пытаясь определить, где должны быть спуски вниз. Впереди он увидел пару, которую можно было назвать влюбленной. Они стояли, облокотившись на перила, глядя на волны. Когда он подошел ближе, это оказались Антуан и молодая медсестра, которую Поль мельком увидел в приемной у корабельного врача. Девушка показалась Полю красивой. У нее было удлинненное лицо с большими коричневыми глазами. Она была высокой, худощавой. Хотя полные девушки очень привлекательны, у худых девушек есть большое преимущество: во время секса с ними легко и удобно менять самые различные позы, даже не прекращая ритмичных движений. Когда Поль поровнялся с ними, он хотел остановиться. Но Антуан, встретившись с ним взглядом, коротко кивнул и тут же отвернулся. Поль понял, что останавливаться рядом с ними нельзя, и пошел дальше. Вероятно, на корабле шла активная сексуальная жизнь, может быть, такая же, хотя навряд ли, как и на острове Хатуту. Только на острове это было откровенно, а здесь прикрывалось условностями. Когда Поль вошел в кают-компанию, конференция уже началась. Народу было много. Были поставлены дополнительные раскладные стулья. Говорил Роже. Увидев Поля, он кивнул ему, не прекращая говорить:

– Как мы теперь убедились, признаки санскрита имеются и в языках американских индейцев, и в языках Океании. Сравните французское мэмбрэ с английскими мэмбэр и лимб и тут же соотнесите с протоокеанским лима. Языки Маркизских островов, а я теперь убежден, их несколько...

– Один, – возразил пожилой лысый мужчина.

– Несколько, – повторил Роже. – Пожилой мужчина не соглашался:

– Вас путает дезинтеграция. Это следствие отсутствия письменности. Разница в наречиях не больше, чем между бретонцами и гасконцами.

– Признак самостоятельности языка это история самого языка. – Тут Роже обратился к Полю: – Мсье Дожер, как на острове Хатуту именуют яйцо?

– Тэлур, – ответил Поль.

– Это же западное сокращение! – воскликнул Роже, – Вплоть до Мадагаскара! Откуда оно появилось на Хатуту, если на Нуку Хива говорят «католур» по принципу Протоокеании? Куда ушел слог? – Пожилой мужчина объяснил:

– Языки, не имеющие письменности развиваются и меняются быстрее, чем языки, зафиксированные письмом. – Роже опять обратился к Полю:

– Мсье Дожер, как будет «вода» на языке Хатуту?

– Уаиду, – ответил Поль.

– Теперь вы видите? – обратился Роже к пожилому мужчине. На санскрите «уду». Это куда ближе к санскриту, чем полинезийское «уаи» и английское «уотер». – Тут заговорила мадам Туанасье. Перед ней лежала толстая тетрадь, та самая, что Поль видел у нее в библиотеке. Она сказала:

– Наша основная цель – подвести базу для создания письменности Полинезии. – Роже возразил:

– Не думаю, чтобы они в настоящее время нуждались в письменности. – Мадам Туанасье сказала:

– Полинезия географически раздроблена. Письменность объединяет людей.

– Совершенно верно, – сказал мсье Вольруи, сидевший рядом с Роже. – Французская Полинезия должна быть объединена. Это облегчит общее управление. – Мадам Туанасье уточнила:

– А главное, социально объединит разрозненные племена. – Роже насмешливо спросил:

– Уж не хотите ли вы построить социализм в Полинезии? – Мадам Туанасье, холодно сверкнув глазами, сказала:

– Ленин теоретически, а Иосиф Сталин практически доказали, что социализм наиболее рациональная форма государственного строя.

– Вот как? – удивился мсье Вольруи. – Мадам Туанасье, при всём моем глубоком уважении к вам, должен заметить, что Французская Полинезия находится под протекцией Франции, и установление формы правления в Полинезии дело Французского правительства. – Полю стало скучно. Он встал и пошел к выходу. Никто его не задержал. В коридоре он встретил старшего стюарда Сонара и обратился к нему:

– Мсье Сонар, а халаты дают с бельем, или это отдельно?

– В бельевой, кажется, есть халаты. Пройдемте туда, мсье Дожер. – Поль выбрал красный халат и тут же пошел к себе в каюту примерить. Заодно он решил принять душ. Когда он вышел из душевой, в его каюте оказался знакомый матрос, который принес ему починенный транслятор. Поль поблагодарил матроса и некоторое время крутил рычаг, то убавляя, то повышая звук. Передача шла на английском языке. Поль ничего не понимал, но ему нравилось слушать радио. Он поворачивался в красном халате перед зеркалом, раздвигал и задвигал лацканы. Халат был не до полу, а до щиколоток. И пояс был без кистей. Вероятно, халат с кистями Конрад купил на свои деньги. Поль вспомнил, что в кают-компании в углу стоял большой трехцветный французский флаг, с древка которого спускались золотые шнуры с кистями. И Поль решил, что как-нибудь, когда в кают-компании никого не будет, надо бы срезать золотые кисти с флага и приделать к поясу халата. Он стал листать книгу о коммунистах. Портрет Адольфа Тьера, горящий дворец Тюэльтри, горящий Отель де Вилль, баррикады на Риволи и на Ришелье, портреты Ленина и Сталина, штурм Зимнего дворца. Стало скучно, и Поль опять стал читать страшную книгу. Здесь тоже была фотография Сталина рядом с Черчиллем и Рузвельтом. Это тоже была конференция. В городе Ялта. Это не то в Греции, не то на юге России. Поль подолгу рассматривал фотографии, где были взрывы. Взрыв бомбы на улице Берлина. Взрывы на улицах Сталинграда. Высадка союзников у Дункирка. Взрывы на воде похожи на большие фонтаны. Фотографии, где было много трупов, Поль быстрее перелистывал и останавливался на тех фотографиях, где стреляли из пушек и автоматов.

Когда Поль вышел на палубу, он увидел Бернара и пожилую даму-лингвистку, специалистку по Океании. Он видел ее на конференции.

– Мсье Дожер, – обратилась она к нему, – почему вы сбежали с конференции? У нас были к вам вопросы.

– Это ничего, – успокоил Бернар. – После Панамы у нас будет еще конференция. Мсье Дожер, мы идем стелать в тире. Хотите пойти с нами? – Тир был внизу – единственное помещение на пароходе, которое сохранилось в первоначальном виде с тех пор, когда пароход был военным. Здесь уже были Мишель, Антуан, Роже и еще несколько человек. Здесь же был капитан. На стойке пистолеты и ружья. Роже взял большой пистолет какой-то новой, неизвестной Полю марки, и стал целиться. Мишель и Антуан тоже целились. Поль выбрал пистолет поменьше, вроде тех браунингов, которые он знал в детстве. Роже сказал:

– Моя мишень под красным кружком. Цельтесь в соседнюю. – Поль прицелился. С непривычки руку повело, и он опустил пистолет. Затем он поднял его и, поймав центр мишени на мушку, сразу выстрелил. Когда все сделали по выстрелу, дежуривший матрос поднял руку, и все направились к мишеням. Мишель сказал:

– А я уже стал попадать ближе. Что значит тренировка! – и тут же воскликнул: – Мсье Дожер! Вы попали точно в центр! – Поль это видел. Он сказал:

– Меня учил отец. Он хорошо стрелял. – И тут же он поймал на себе взгляд капитана. Поль не стал больше стрелять, а выждав подходящий момент, незаметно вышел. На палубе его догнал капитан.

– Мсье Дожер, у меня к вам вопрос.

– Слушаю, капитан, – ответил Поль, как отвечали матросы. Они остановились у перил.

– Я бы хотел выяснить некоторые детали, – сказал капитан. Поль молча смотрел на пробежавшие волны. – В моторной лодке, которая вас привезла на корабль, было шесть человек. Четверо из них, те, которые выходили на остров, знают язык маори. Они слышали, как вы говорили с мальчиком островитянином, из чего заключили, что это ваш сын. Это так?

– Так, – согласился Поль. Капитан спросил:

– Вы рано женились?

– В двенадцать лет. – Капитан продолжал:

– Ваш сын гораздо светлее маори, поэтому вы раскрасили его, а заодно и себя, чтобы наши люди не догадались, что вы белый. Поэтому же вы держались со своим сыном подальше от наших людей. Вероятно, вы опасались, что убийство, которое совершил ваш отец, может как-то отразиться на вашей жизни среди белых людей. Но в последний момент вы передумали и решились, будь что будет, вернуться в цивилизованный мир. Так?

– Так, – опять согласился Поль.

– Вам нечего добавить? И вы будете отвечать «так» на все мои вопросы?

– Так, – ответил Поль, и капитан улыбнулся.

– А кто была ваша жена? – спросил капитан.

– Дочь короля Хатуту.

– Наконец-то вы что-то сказали. Они всё поняли правильно. Вы послали сына к жене, чтобы она сказала королю, чтобы он попросил Бернара дать ему таблеток от катара желудка. Бернар дал. И король сказал ему, что она его дочь. Вы это знаете?

– Я после этого больше не говорил с женой.

– Таким образом, вы являетесь зятем короля Хатуту? – Поль ответил:

– Да. После смерти Намикио, короля Хатуту, мой сын станет королем Хатуту. У Намикио нет сыновей. У них такой закон: если у короля нет сыновей, следующим королем становится его внук.

– Вот этого я не знал, – улыбнулся капитан. – Как зовут вашего сына?

– Тав-Чев.

– И ему предстоит стать королем?

– Да. – Капитан произнес отдельно:

– Его величество Тав-Чев. А ведь он сможет при вашем содействии претендовать на представительство в ООН. Правда, без права голоса, потому что населения недостаточно.

– А что это такое? – спросил Поль.

– Это серьезнее, чем Лига Наций. Вы помните, что это такое?

– Нет.

– Спросите в библиотеке у мадам Туанасье. Запомните: Организация Объединенных наций. ООН. – И капитан повторил: – Его величество Тав-Чев. Это интересно. Вы этого еще никому не говорили?

– Нет.

– На всякий случай пока не рассказывайте. Те четверо, которые выходили на остров, доложили мне о вашем родстве с королем, и мы договорились никому не говорить, пока вы сами не скажете. Об убийстве на Таити здесь на корабле знают только я и мсье Курбэ, наш

радист. В Панаме, если мы свяжемся с Парижем, вы, вероятно, узнаете, что стало с вашей матерью. Вам всё понятно?

– Всё понятно. Спасибо, капитан. – Капитан улыбнулся:

– Вы мой подопечный. Здесь, на корабле, я самый ответственный за вас.

Поль шел по палубе, и пасмурное небо казалось ему теперь выше, а океан шире. Вся жизнь была впереди в открывающемся для него цивилизованном мире. После обеда он в своей каюте занялся чтением книги о Парижской коммуне и Русской революции, заглядывая в словарь.

В дверь постучали. Поль открыл. Это была мадам Туанасье. Она была всё в том же сером платье, только на плечи был накинута красная жакет. В руках у нее были две толстые книги. Официальным тоном она сказала:

– Литература для усвоения современного языка. – Она прикрыла за собой дверь, подошла к столику под иллюминатором, положила на столик толстую книгу. – Это том энциклопедии. Здесь Советский Союз. Сокращенно СССР. А это, – она положила сверху еще одну книгу, – Статьи Зигмунда Фрейда. Я заложила страницу со статьей о природе сновидений. – Оказываясь, она запомнила, что Поль говорил ей о своих снах. Белые женщины тоже любят, когда им говорят необыкновенные вещи. И тут Поль заметил некоторые изменения в ее фигуре. Еще не осознав, что изменилось в фигуре этой женщины, он шагнул к ней, обнял за плечи, как и тогда, в библиотеке, и почувствовал руками, что на плечах и спине ее нет никаких дополнительных лямок. Она не двигалась, пристально, как и тогда в библиотеке, глядя в его глаза. Его рука скользнула вниз: спина, слегка выгнутая талия, переходящая в четко округленные ягодицы. Платье было надето на голое тело. Он повел рукой вверх. Платье застегивалось на спине. Вертикальный ряд крючков, скрытых продольным швом. Он стал расстегивать крючки, начиная с верхнего. Расстегнутое платье повисло на ее плечах. Он слегка отодвинулся от нее и, взявшись за подставные острые плечи, потянул платье вверх. Мадам Туанасье, прикрыв веки, гибким движением подняла руки. Платье легко снялось через ее голову, и Поль положил его на столик поверх толстых книг. Теперь она была голой, в одних туфлях на высоких каблуках. Фигура ее показалась Полю красивой. Четко, будто высвеченное солнцем, белело незагорелое тело там, где положено быть купальнику. Тряхнув головой, она небрежным движением руки поправила волосы, присела на кровать, сказала:

– Заприте дверь на замок. – Поль запер дверь, быстро и деловито стал раздеваться: одним движением одновременно майку и рубашку, двумя движениями, – на каждую поднятую ногу по четкому движению, – одновременно шорты и трусы. Он сел на кровать рядом с ней. Мадам Туанасье серьезно и деловито разглядывала Поля, – с одинаковым вниманием и плечи, и ноги, и стоящий вертикально член, и лицо, и грудь, исследовательски провела пальцем по его груди в том месте, где у него уже росли короткие светлые волосы. Она подняла руку, пропустила меж пальцев несколько прядей волос на его голове. Поль положил руку на ее бедро, хотел приподнять его, но она неожиданно повернулась к нему грудью, ухватила за плечи и села верхом на его бедра. Полю не всегда нравилось, когда женщины проявляли чрезмерную активность, и он, резко подняв ее ногу и обхватив другой рукой ее талию, развернулся и положил ее на спину. Она схватила обеими руками его за шею, притянула к себе. Тогда он сжал ее запястья, отвел ее руки за голову, а сам навалился на нее всем телом. Так они лежали некоторое время, не шевелясь. Он видел, что ей тяжело. Но он продолжал давить ее своей тяжестью, не давая ей проявить инициативу. Это было похоже на укрощение. Наконец он выпустил ее руки, привстал на локтях. Она не шевелилась, пристально глядя ему в глаза. Потом, подвигав бедрами, она резко приподняла таз, и сама начала половой акт. Непроизвольно, подчинившись ее инициативе, он начал ритмичные движения бедрами, и она на каждое его движение отвечала снизу рывками бедер. Тут он просунул руки ей под колени, пригнул ей ноги к плечам, так что она уже не могла сама двигаться. Двигался теперь только он. Делая ритмичные удары бедрами, он

смотрел ей в глаза. Она сощурилась, выражение ее лица было почти злым. Во время оргазма она не простонала, а как-то зло промычала, а он зарычал, выдвинув нижнюю челюсть. Она была сильной, волевой женщиной, даже в сексе. Коммунистка.

Полулежа на кровати, он наблюдал, как она надевает платье. Четкие уверенные движения. Когда она стала застегивать на спине крючки, Поль вскочил на ноги, хотел ей помочь. Но она отстранила его.

– Мсье Дожер, у меня достаточно гибкие руки, – сказала она с достоинством. У нее действительно были гибкие руки. Она накинула на плечи свой красный жакет, сказала:

– Энциклопедию я у вас возьму. И книгу о Парижской коммуне тоже. Я должна выйти из вашей каюты с книгами. – Она была очень хороша, ей шел подчеркнутый вид собственного достоинства. – Мсье Дожер, выгляните в коридор, нет ли кого-нибудь. – Поль выглянул в коридор.

– Никого нет, – сказал он. Она взяла две книги, быстро вышла.

Пароход приближался к Америке. В порте Бальбоа «Васко да Гама» делал стоянку, и всем людям экспедиции, а также части команды предоставлялась возможность высадки на берег на один день. Во время традиционного кофе Роже спросил Конрада:

– Так вы не поедете с нами в Панама-сити?

– Я в Бальбоа, – ответил Конрад. – Хочу увидеть знаменитые орхидеи.

– А как же Мурильо? – спросила мадам Планше.

– Во-первых я не считаю его лучшим художником Ренессанса. Кроме того, заезжать из-за одной картины в провинциальный латино-американский город просто бессмысленно.

– А кафедрал семнадцатого века? – напомнил Роже. Антуан тут же компетентным тоном заявил:

– Все латино-американские соборы по архитектуре идентичны. Здесь вы не отличите семнадцатый век от девятнадцатого.

– Поль, а вы в Панаму-сити? – спросил Бернар. Антуан предложил:

– Поль, махнем в Бальбоа. У нас молодежная компания.

– Я еду в Панаму-сити. – Дело было в том, что из порта Бальбоа в Панаму-сити нужно было ехать на поезде. А Поль в детстве обожал поезда и паровозы. Теперь ему не терпелось снова увидеть паровоз, хотя более всего его волновал запрос по радио о его матери, которого он ожидал в порте Бальбоа. В приемной каюты капитана лейтенант Госсен вручил Полю двадцать долларов.

– Думаю, вам этого достаточно для прогулки по Панаме. – сказал Госсен. – Пересчитайте деньги. Вы когда-нибудь держали в руках доллары?

– Нет. – Поль стал пересчитывать, с трудом соображая, сколько какая купюра стоит, и как их сосчитать вместе. Госсен пододвинул ведомость, подал авторучку.

– Распишитесь в получении денег. – Поль никогда не расписывался и старательно написал в указанной графе свое имя и фамилию. Буквы получились кривые. Он хотел исправить «и» и «g», но Госсен сказал:

– Не надо. Так достаточно.

Поль пошел в библиотеку попросить ноты, если они там есть, и по ним вспомнить заново ненавистный норвежский танец. Кроме того в библиотеке можно увидеть необыкновенную женщину мадам Туанасье. Теперь он может быть с ней смелее. В библиотеке кроме мадам Туанасье было несколько человек. Поль подошел к ее столу.

– Я бы хотел взять... – начал Поль, но она перебила его:

– Все английские словари разобраны. – Поль вспомнил, что когда они пили кофе, многие листали английские словари: готовились к высадке на американский берег. Он сказал:

– У вас есть какие-нибудь ноты? – Мадам Туанасье поднялась от стола, направилась в дальний угол. Поль пошел за ней. Две короткие полки нот.

– Композитор? – официальным тоном спросила мадам Туанасье.

– Григ.

– Смотрите сами, – она указала на полку. Грига было всего несколько тетрадей. И среди них новенький сборник для начинающих. Тот самый, по которому Поль учился в детстве. Только тот был очень потрепанный. Поль стал сворачивать его в трубку.

– Не сворачивайте, – строго сказала мадам Туанасье.

– И еще, – сказал Поль, – можно тот же том энциклопедии? – Он старательно выговорил это слово.

– Он на моем столе, – и она кивнула головой назад. – Он мне нужен для работы. Хорошо, возьмите. – Она говорила официальным строгим тоном: – Только сегодня же верните. До полуночи. Номер моей каюты шестнадцать. И еще захватите элементарный словарь. – Поль понял, что словарь нужен для того, чтобы было две книги, и чтобы, если кто попадет в коридоре, видел, что он только занес ей книги. Поль еще на некоторое время задержался в библиотеке, полистал журналы. Особенно ему нравились цветные журналы. А больше всего нравились рекламы. На них были красивые женщины, и все они улыбались. Поль вышел на палубу. На закатной стороне сквозь тучи просвечивало солнце. Настроение было бодрым, и Поль побежал. Он бежал по открытой палубе, прижимая к себе одной рукой толстую книгу и нотную тетрадь. Добежав до перепада уровней палубы, он в два прыжка взбежал на переходной мостик, прыгнул по другую сторону и побежал по противоположной палубе. Навстречу попался матрос.

– Мсье Дожер! – крикнул он. – Вы уронили! – Поль оглянулся. Ветер гнал по палубе оброненную им нотную тетрадь. Поль побежал за тетрадь, матрос тоже. Поль подхватил тетрадь, взмахнул ею в воздухе.

– Вы куда, мсье Дожер?

– А никуда! – весело выкрикнул Поль, чувствуя, что родной французский язык возвращается к нему с подростковым парижским слэнгом. – Айда, помчим вместе! – крикнул он матросу. И матрос, вероятно, его ровесник, расхохотался. А Поль побежал дальше по палубе, обегая вокруг корабль. После ужина он в своей каюте читал энциклопедию. Было много картинок, и прежде чем он нашел СССР, он прочел объяснения многих слов, таких как роллер, Сант-Яго, симфония, сопрано, сперматозоид, спиритизм. То и дело он поглядывал на свои красивые часы. Когда маленькая стрелка начала подходить к верху, он снова надел брюки, белую рубашку и пиджак. Из каюты он вышел с двумя книгами: энциклопедией и словарем. В коридоре никого не было. Он потянул дверь с надписью шестнадцать, и дверь открылась. Мадам Туанасье была в розовом халате с кружевной отделкой. Она тихо и строго спросила:

– В коридоре никого не было?

– Никого. – Она защелкнула дверной замок, сказала:

– Положите книги на стол. – Поль положил книги, повернулся к ней. У нее была большая каюта. Стол под иллюминатором был продолговатый, на нем лежали книги. У стола были два раздвижных стула. Кровать была шире, чем у Поля, и наполовину уходила в широкую нишу. Умывальник был не прямо перед кроватью, а за железной перегородкой. Мадам Туанасье стояла, выжидающе глядя на него, и повидимому, не собиралась проявлять инициативу. Он подошел к ней, обнял, как и раньше, за плечи, раздвинул лацканы ее халата, пригнулся, дотронулся губами до ее груди. Она не пошевелилась, в ее взгляде не было, как прежде, надменного достоинства. Она была просто женщиной. Каким-то внутренним чутьем такта Поль понял, что нельзя теперь ее обнажать, если сам он был в полной одежде. Он снял пиджак, стал раздеваться не спеша, потому что спешить было некуда. И только раздевшись, он развязал пояс ее халата. Она, так же не спеша, сбросила халат на пол. Он поднял ее на руки, усадил на кровать, сам улегся рядом, закинув ноги за ее спину. Опершись на локоть, он другой рукой ласкал ее грудь, отвисшую, но сохранившую округлость. Потом он привлек ее к себе. Половой акт длился долго. Во время оргазма она с тихим стоном произнесла: – Поль... – Так

она впервые назвала его по имени. Потом она ушла за перегородку. Послышался шум воды в умывальнике, а потом шум закипающего электрического кофейника. Поль задремал. Когда он очнулся, мадам Туанасье стояла перед ним в халате.

– Кофе подан, – сказала она насмешливо. Они пили кофе из маленьких чашечек, и еще был ликер в маленьких рюмках. Поль впервые в жизни пил ликер, и он показался ему потрясающе вкусным. Они шутливо преговаривались. Мадам Туанасье закурила. Поль отобрал у нее сигарету, попытался сделать затяжку, но закашлялся с непривычки от горького цивилизованного табака. Игривое настроение не проходило, и он откровенно играл с ней во время половых актов, как это проделывал с женщинами на острове. Уснул он как-то сразу, будто провалился в небытие. Мадам Туанасье разбудила его, тряся за плечи.

– Скоро утро, – сказала она, и в ее голосе послышались прежние строгие нотки. Поль тут же начал одеваться, путаясь спросонья в своей одежде. Она выглянула в коридор, командным голосом сказала:

– Никого нет. Идите. – И он вышел. В голове была тяжесть. Это было действие ликера, который он пил впервые в жизни. Он дошел до своей каюты, открыл дверь, вошел.

Перед ним был Роже. Поскольку каюта была тесной, они оказались на расстоянии шага друг от друга.

– Добрый вечер, – вежливо сказал Поль.

– Скорее утро, – поправил его Роже. – Мсье Дожер, где вы были?

– На палубе, – ответил Поль.

– От вас пахнет вином. Кто вас напоил? – Поль сразу нашелся:

– Там были два матроса. Они пили вино и угостили меня. – Тут в каюту вошел старший стюард Сонар. Мельком взглянув на Поля, он обратился к Роже:

– Он давно здесь?

– Только что вошел. Вы проверили?

– Она спит. У нее никого не было. – Роже улыбнулся:

– Я же вам говорил. Мсье Дожер прогуливался по палубе, у него есть причины, бессонница. А там еще матросы угостили его вином.

– Это правда, – согласился Сонар и обратился к Полю: – Завтра вы должны получить сведения о вашей матери. Переживаете?

– Да, – ответил Поль.

– Вы ее найдете, мсье Дожер, не волнуйтесь, – успокоил его Сонар. – Спокойной ночи. – И он вышел. Роже улыбнулся.

– Поль, вы оставили дверь каюты приоткрытой. Я проходил мимо и увидел, как мсье Сонар проверяет вашу каюту. Я подумал, с вами что-нибудь случилось. Мсье Сонар признался, что подозревает вас в том, что вы соблазняете его подопечную Кларетт. Она у нас заведует бельем. Он был другом ее погибшего отца и до сих пор опекает ее. Но теперь оказалось, всё в порядке. Спокойной ночи. – И Роже вышел.

Поль разделся. Спать не хотелось, и он понял, что это действие непривычного для него крепкого кофе. И тут он решил пойти в кают-компанию и восстановить в памяти по нотам Норвежский танец Грига, а заодно и срезать кисти с французского флага. Он надел халат, взял нотную тетрадь, положил в карман халата новенькое бритвенное лезвие и полез в карман брюк за ключом. Ему не понравилось, что Сонар проверял его каюту. Ключа не было. Если бы ключ упал на пол, он бы услышал звяканье. Тут он вспомнил, что в каюте мадам Туанасье на полу был коврик, и ключ мог упасть на него беззвучно. Возвращаться в каюту мадам Туанасье он не решил: слишком холодно она его проводила. Оставив дверь незапертой, Поль пошел в кают-компанию. Здесь никого не было. Поль положил ноты на пианино и, не зажигая света, вынул бритвенное лезвие из конвертика и стал срезать кисти с флага. Шнуры, на которых висели кисти, были толстые, приходилось долго перепиливать лезвием каждый шнур. Наконец, работа

была закончена. Поль сунул кисти и лезвие в карман халата и уже собирался включить свет и сесть за пианино, как снаружи послышались чьи-то шаги. Дверь кают-компания оставалась открытой. Человек, проходя мимо, мог заглянуть и увидеть Поля. Затем этот человек мог включить свет и увидеть, что флаг уже без кистей. Древко флага упиралось в угол, и флаг с него свисал почти до пола. Поль неслышно, он был босой, зашел в угол за полотнище флага, поправил на нем складки. Шаги приближались. По легкому цоканью каблучков Поль понял, что это женщина. Она вошла в кают-компанию и, не зажигая света, присела к столу. Поль выглянул из-за флага. При свете, проникавшем из коридора, он увидел мадам Туанасье в том же розовом халате. Поль затаился за флагом. Чиркнула зажигалка, на миг осветив помещение. Запахло знакомым дымом ее сигареты. Снаружи послышались еще шаги. Кто-то остановился в дверях кают-компания. Щелкнул выключатель, и кают-компания осветилась ярким электрическим светом. Поля не было видно за флагом, и он продолжал стоять не шевелясь. Послышался голос Роже:

– Ты не собираешься спать?

– Я ждала, когда ты выйдешь из моей каюты. – ответила мадам Туанасье.

– Я вышел.

– Вот я и пойду спать.

– Но я кое-что нашел в твоей каюте.

– Ты делал обыск?

– Нет, нашел на полу. – Что-то звякнуло, упав на стол. И Поль понял, что это ключ, который он обронил в каюте мадам Туанасье, ключ с прикрепленной бляшкой, на которой был выдавлен номер его каюты. Судя по звуку отодвигаемого стула мадам Туанасье поднялась на ноги. Последовала пауза. Роже нарочито спокойным голосом произнес:

– Шлюха. – Снова последовала пауза. Раздался звук пощечины. Затем раздался более сильный звук пощечины. И снова пауза. И тихий недоуменный голос мадам Туанасье:

– Ты меня ударил.

– Безусловно, – сказал он. – В ответ на твою пощечину. А ты ударила меня, потому что я дал точное определение. Как правило, всех шлюх привлекают смазливые мальчишки с нулевым интеллектом.

– В данном случае нулевой интеллект это чистая страница, заполнение которой зависит от окружения.

– Пустые слова. Этот дикарь – примитив не потому, что он провел двенадцать лет среди дикарей, а потому что он примитив по своей сущности. И ты отлично это видишь. А насчет пустой страницы, какое пошлое выражение, он вполне заполненная страница. На острове он оставил жену и сына. И женился он там не на ком-нибудь, а на дочери короля племени. Это говорит о примитивном практицизме, который изначально заложен в характере. – В голосе Роже была высокомерная ирония. Мадам Туанасье понизила голос:

– Роже, до сих пор ты относился к нему весьма благосклонно. Ты меняешь оценки по личным мотивам. Это по твоему не примитивно?

– Ты стала много себе позволять. Я жалею, что зачислил тебя в состав экспедиции.

– Что? – возмущенно воскликнула мадам Туанасье. – Без давления нашего комитета министерство никогда бы не субсидировало твою экспедицию. – И мадам Туанасье направилась к выходу. Ее шаги удалялись. Роже чиркнул зажигалкой. Поль почувствовал запах табачного дыма, более горького, чем от сигарет мадам Туанасье. Роже подошел к пианино. Послышался шелест перелистываемых страниц. Это Роже перелистывал нотную тетрадь. Поль услышал, как Роже подсел к пианино, открыл крышку. Раздались звуки «Норвежского танца». Полю показалось, что Роже играет очень профессионально.

– Что это? – послышался голос мадам Туанасье. Судя по ее голосу она вернулась и стояла теперь в дверях. Точно так же она спросила, когда Поль в первый день приезда заиграл этот танец. И Роже ответил так же, как тогда ответил Поль:

– «Норвежский танец» Грига. – Поль услышал, как мадам Туанасье подошла к пианино. Роже прекратил игру.

– Откуда у тебя эти ноты? – спросила она.

– Лежали здесь, – ответил Роже. Мадам Туанасье обошла стол, подошла к флагу. Поль посмотрел вниз и увидел, что его голые ступни торчат из-под флага. Мадам Туанасье резким движением откинула полотнище. Поль мигнул от яркого электрического света. Роже и мадам Туанасье пораженно смотрели на него. Тут Поль почувствовал, что все французские слова, даже те, которые он хорошо помнил с детства, улетучились из его головы. И он сказал на языке Хатуту:

– Мне очень жаль, что я здесь. Я понимаю, что вам жаль, что я всё слышал, и мне очень жаль, что вам жаль, что я это слышал. Я не виноват, что я был здесь. – Мадам Туанасье повернула голову в сторону Роже.

– Что он говорит? – спросила она растерянно. Роже перевел:

– Он сказал, что очень сожалеет о своем присутствии при нашей конфиденциальной беседе, и что его присутствие непреднамеренно.

– Французский язык лаконичней, – серьезно заметила мадам Туанасье. – Очевидно, в языках Полинезии не такой уж и маленький запас слов.

– Дело не в количестве слов, – так же серьезно сказал Роже. – У них много суффиксов и приставок, даже по несколько подряд, и сложная система предлогов. – И тут он засмеялся. Он смеялся искренне весело, откинув назад голову. Мадам Туанасье тоже стала смеяться. Поль всё стоял на месте, не понимая, что их так смешит, уж не обилие ли суффиксов и приставок. Они закончили смеяться, но выражение их лиц оставалось смешливым. Поль нерешительно подошел к пианино, взял нотную тетрадь и, чувствуя как знание французского языка возвращается к нему, сказал мадам Туанасье:

– Завтра я принесу ноты в библиотеку. Спокойной ночи. – Он направился к выходу, но Роже остановил его:

– Поль, вы забыли, – и он взял со стола ключ, протянул Полю.

– Спасибо, – сказал Поль.

У себя в каюте Поль вынул из кармана кисти от флага и при этом порезался лезвием бритвы, которое тоже лежало в кармане. Роже и мадам Туанасье, конечно, не заметили, что у флага нет кистей. Им, наверное, было не до кистей. Поль чувствовал некоторую неловкость. Но потом он подумал: – А нечего было говорить в кают-компании, это общественное место, говорили бы в своих каютах, – и вслух повторил новое слово: – Конфиденциально.

Глава 6. Панама. Паровоз. Голос мамы

Утром Поля разбудил стук в каюту. Это была Кларетт. На ней была форма стюардессы. На согнутой руке она держала чистое отглаженное белье.

– Доброе утро, мсье. Это к выходу в Панаму, – сказала она, вручая Полю белье. И, взглянув на его, как обычно по утрам, торчащий вверх член, официальным тоном добавила: – Если будет дождь, в кладовой есть плащи и зонтики, – и тут же вышла. Спросонья Поль не успел схватить ее за руку.

Перед завтраком Поль вышел на палубу. Было пасмурно. У перил стоял Антуан. Поль вспомнил, что вчера в этом же месте Антуан был с красивой девушкой-медсестрой. Поль встал рядом с Антуаном. Они поздоровались. С утра лицо Антуана не было красным, как это бывало к вечеру.

– Панама уже видна, – сказал Антуан, положив руку на плечо Поля. На горизонте виднелась полоска земли. – Ты раньше проходил Панамский канал?

– Нет. Мы тогда плыли через Индийский океан.

– А твои родители часто плавали в Полинезию?

– Три или четыре раза, – ответил Поль и поспешил перевести разговор на другую тему: – Как звать ту девушку?

– Которую?

– С которой ты вчера здесь стоял. Она медсестра. – Поль почувствовал, как рука Антуана застыла на его плече.

– Откуда ты знаешь, что она медсестра?

– Я видел ее в белом халате в приемной врача.

– Она тебя заинтересовала?

– Красивая девушка, – признался Поль. Сжав рукой плечо Поля, Антуан небрежно проговорил:

– Хватит с тебя Кларетт. – Это озадачило Поля, и он спросил:

– Кларетт что-нибудь тебе говорила?

– Нет, – так же небрежно ответил Антуан. – Я мало общаюсь со стюардессами. – Вспомнив разговор Роже с мадам Туанасье, Поль спросил:

– А тебе трудно было зачислиться в состав экспедиции?

– Я не в составе экспедиции. Я путешествую на свои деньги. Я убедил своих родителей, что это путешествие необходимо как приложение к курсу ботаники, который я прохожу в Сорбонне.

Хотя Поль был очень голоден, к завтраку он шел с некоторой опаской. Он не знал, как вести себя с Роже после ночной встречи. В киоске он купил плитку шоколада, предварительно поздоровавшись с улыбающейся Жустиной. Он тут же развернул обертку и съел половину плитки. Было потрясающе вкусно. Другую половину он тщательно завернул и положил в карман. За его столом уже все завтракали. Перед тем как сесть, он поздоровался и вежливо наклонил голову. Роже смотрел на него с улыбкой.

– Поль, у вас лицо в шоколаде, – сказал он.

– Прошу прощения, – сказал Поль, тоже улыбаясь, и стал вытирать лицо носовым платком, который получил от Кларетт вместе с бельем. И все за столом улыбались ему. И Поль подумал, что цивилизация белых людей не зря веками вырабатывала правила вежливости.

Сразу после завтрака Поль бегом направился в радиостанцию. Здесь был один Фернан, худой мужчина с проседью, который был в моторной лодке, забравшей Поля с острова Хатуту. Это было его дежурство. Он сказал, что радиостанция Бальбоа приняла запрос о местонахождении Сибил Дожер. Ответ придет не раньше вечера.

В бельевой была одна Кларетт. Она торопливо гладила простыни на гладильном столе. Она тут же отвела Поля в кладовую, и он выбрал короткий матросский плащ с капюшоном. Держа в одной руке плащ, другой рукой он взял за руку Кларетт.

– Кларетт, ты больше меня не хочешь видеть? – Она с обиженным видом отвернулась.

– Мсье Дожер, вы были очень грубы со мной. – И тут же кокетливо спросила: – С другими девушками вы тоже грубый?

– Я был с тобой очень нежный, – возразил Поль.

– Неправда, – сказала она игриво обиженным тоном. – Вам уже двадцать три года, и вы солидный мужчина. А мне еще нет девятнадцати. Вам надо было это учесть. А вы не учли. – И пониженным тоном, капризно надув губки, она пояснила: – После вас у меня всё болело. – Поль обнял ее одной рукой, в другой был плащ, сказал тихо:

– Теперь я буду с тобой очень осторожен. – Он хотел поцеловать ее, но слышались шаги, и она испуганно отстранилась. Вошел Сонар, спросил:

– Мсье Дожер, а зонтик вам не нужен? Будет сильный дождь.

– Нет, у меня плащ с капюшоном. – Сонар подозрительно посмотрел на Кларетт. – Кларетт, если ты собираешься на берег, тебе пора одеваться.

– Мне нужно догладить простыни. Я только выдала плащ мсье Дожеру. – И она вышла. Сонар сказал пониженным тоном:

– Мсье Дожер, должен вас предупредить: Кларетт очень порядочная девушка.

– Я это знаю, – сказал уверенно Поль.

Берег был уже отчетливо виден. Был виден порт Бальбоа с его доками и складскими зданиями, а правее виднелась столица Панамской республики город Панама с белыми башенками кафедрального собора. У трапа стояли люди, направляющиеся в Панаму. Отдельной группой стояли девушки стюардессы. Среди них была Кларетт, и еще была красивая медсестра, имя которой Антуан не пожелал назвать. Поль подошел к ним, сказал:

– Доброе утро, медам. – Девушки улыбались ему, некоторые ответили: – Доброе утро. – Медсестра спросила:

– Мсье Дожер, вы тоже в Бальбоа?

– Я в Панаму, – ответил Поль. – Мадемуазель, вы знаете мое имя, а вот я вашего не знаю. – Некрасивая девушка, которую Поль видел в столовой официанткой, сказала:

– А вы бы попросили мсье Сонара. Он старший стюард, он бы всех нас вам представил.

– Мсье Сонар представил мне только Кларетт, – и Поль вежливо наклонил голову в сторону Кларетт.

– Ей всегда везет! – воскликнула некрасивая девушка, и все девушки рассмеялись. – Кларетт, раз ты уже представлена, представь ему всех нас. – Кларетт скорчила величественную мину:

– Начну по порядку, – сказала она. – Мсье Дожер, разрешите вам представить: вот эта, – и она указала на медсестру, – которая вам так понравилась, – Мари.

– Очень приятно познакомиться, – и Поль наклонил голову в сторону Мари. Некрасивая девушка тотчас спросила: – А со мной вам тоже очень приятно познакомиться? – Девушки захихикали.

– Конечно, – галантно ответил Поль.

– Виолетт, – указала Кларетт, и некрасивая девушка присела в реверансе. Дело было в том, что у Виолетт, при ее некрасивом лице с утиным выступающим вперед носом и маленькими, близко посаженными глазами, была очень красивая фигура. Поль еще в столовой заметил ее легкую походку, когда она разносила подносы с тарелками. И шуточный реверанс у нее получился как у профессиональной балерины. А все девушки хихикали.

Внезапно раздавшийся сверху грохот заставил Поля поднять голову. Это летели два самолета. Соблюдая между собой постоянное расстояние, они круто развернулись вокруг парохода. Девушки тоже смотрели на самолеты.

– Военные истребители, – пояснила Виолетт. – Проверяют наш корабль. – И тут Поль увидел вертолет, приближающийся к пароходу. В детстве Поль видел вертолет только на картинке. Теперь он заворуженно смотрел на обтекаемый корпус этого чуда. Вращающиеся лопасти винта слились в полупрозрачный круг. Вертолет завис над пароходом на некоторое время, а потом направился обратно к берегу. Два самолета тоже полетели в сторону берега. Поль провожал их заворуженным взглядом, не замечая, что девушки продолжали свою болтовню. Кларетт спросила:

– Мсье Дожер, так что же вас больше привлекает, Мари, или самолеты? – Некрасивая Виолетт с красивой фигурой всё объяснила:

– На острове у него было много девушек, а самолетов не было.

Лейтенант Госсен объявил высадку, и люди стали спускаться по трапу. На причале стояли два человека с фотоаппаратами.

– Кажется, это репортеры, – сказал Роже Полю. – Хотите дать интервью?

– Нет, нет, – замотал головой Поль.

– Тогда не называйте себя. Они не знают вас в лицо. – и Роже обратился к присутствующим: – Не будем его выдавать. – Первой на причал ступила мадам Планше. Двое мужчин тотчас подскочили к ней.

– Мадам, прошу прощения, – сказал один из них с явно английским акцентом. – Мсье Дожер участвует в высадке на берег?

– Он вам нужен? – спросила мадам Планше.

– Небольшое поручение. Мне необходимо задать ему несколько вопросов.

– Мы направляемся в Панаму, – ответила мадам Планше. – А мсье Дожер в следующей группе, которая будет обозревать Бальбоа. Вы можете подождать его здесь. – Когда они направились к вокзалу, Роже с улыбкой сказал:

– Мадам Планше, вы блестяще справились с задачей. При следующей оккупации Парижа мадам Туанасье обязательно зачислит вас в ряды маки. – На вокзале вся их группа, около тридцати человек, выстроилась в очередь за железнодорожными билетами. Рядом с Полем оказался Бернар, у которого был фотоаппарат.

– Поль, если вас что заинтересует, скажите, и я сфотографирую, – сказал он. Вместо дождя выглянуло солнце, и Бернар надел шляпу, защищая свою лысину. Прямо от кассы, забыв о приличиях, Поль торопливо потащил за собой Бернара.

– Сфотографируйте только паровоз, – говорил он. – Это самое главное. – Все надежды Поля оправдались. За двенадцать лет конструкция паровозов заметно усовершенствовалась. Паровоз был больше, длиннее, выше тех паровозов, которые Поль видел в детстве. Труба была короче, корпус был обтекаемый. Всё сверкало: корпус черным блеском, огромные поршни никелированным блеском, фонари зловеще-стеклянным блеском, колеса сразу и черным, и никелированным и красным блеском. Мощные железные полосы, отходящие от поршней, Поль не знал их названия, которые должны при движении быстро двигаться вперед и назад, вращая колеса, угрожающе застыли в своих сочленениях. И всё это гудело, шипело, испуская с громким свистом струи пара. Из трубы шел дым. Ошеломленный Поль так и не мог понять, из каких мест вырывается пар. Бернар щедро истратил четыре кадра пленки на это великолепное железное чудовище, и даже снял самого Поля на фоне этого чуда. Придя в себя, Поль стал перебегать с места на место, чтобы с других сторон осмотреть паровоз. Спереди паровоз выглядел сурово и непреклонно. Сверкающий холодным блеском фонарь впереди трубы смотрел прямо перед собой из-под железного козырька, как бы грозно вглядываясь в необозримую даль, и эта даль будет покорена. Выдвинутая вперед красная решетка готова была снести всё, что попадется на

пути едущему поезду. Вдоль корпуса паровоза тянулся узенький мостик с перилами от кабины машиниста до самого передка. Идя по перрону вдоль паровоза, Поль представлял себе, что идет по этому мостику, и поднятой рукой держится за перила. А паровоз мчится с невероятной скоростью. Дойдя до передка паровоза, он представил себе, как во время движения опускается до самых буферов, здесь впереди тоже перила, а под ногами мощная красная решетка, под которую с бешеной скоростью уходят рельсы и шпалы. Кабина машиниста была низкой и длинной. Широкое окно, а вместо двери эллипсовидный проем. В окне был машинист. Там еще должен быть кочегар и помощник машиниста, но с наружи их не было видно. Ударил вокзальный колокол. Теперь уже Бернар заспешил, таща за руку Поля к вагонам. Паровоз издал мощный гудок, от которого перехватило дыхание. Бернар и Поль вскочили на подножку первого вагона, и поезд тронулся.

До вокзала Панама была всего одна остановка, а в Панаме шел дождь. Тридцать французов из экспедиции и администрации протекторатов шли в плащах и под зонтиками по латиноамериканскому городу Панаме. Мокрые панели, мокрые бульвары и скверы, вода, брызжащая из водосточных труб невысоких домов с мокрыми черепичными крышами, пасмурное небо, — ничто не напоминало о хрестоматийно известных по рекламкам карнавалах и ярких праздниках с танцующими мужчинами в сомбреро и темноглазыми женщинами в цветастых платьях. Поль чувствовал себя нелепо в матросском плаще с капюшоном. Было жарко. Но если снять плащ, промокнет одежда, а красивый пиджак потеряет элегантную форму. На Хатуту, когда шел дождь, все снимали тапы и ходили голыми. Что-то было лишнее в системе условностей белых людей.

Предводительствовала французскими подданными маленькая худощавая пожилая дама-лингвистка, которая вчера отчитывала Поля за то, что он сбежал с конференции. Звали ее мадам Колоньи. Она много путешествовала и знала Панаму. В беседке-ротонде на площади перед кафедральным собором все закрыли зонтики, сняли плащи. Мадам Колоньи рассказывала:

— Постройка этого собора была начата в тысяча шестьсот семьдесят третьем году. В течение последующих столетий собор несколько раз перестраивался. В оригинале сохранилась почти вся центральная его часть. — Поль смотрел на собор, а перед его глазами был паровоз. Захотелось ссать. Здесь ссать было нельзя, хотя дождевые потоки моментально бы смыли мочу в канализационные люки. Еще одна лишняя условность белой цивилизации. Затем все вошли в собор, где остановились перед мадонной кисти Бартоломео Мурильо. Полю стало скучно, как тогда в детстве, когда мать водила его по музеям, заставляя запоминать имена художников. Затем все направились в церковь святого Франциска. Дождь прекратился, проглянуло солнце, от мокрых мостовых пошел пар, и это напомнило Полю паровоз. После церкви святого Франциска был ресторан. Это было роскошное помещение, где Поль по-настоящему ощутил себя в цивилизованном мире. В ресторане все, и мужчины и женщины, первым делом сходили в уборную. Здесь были писсуары, которых Поль двенадцать лет не видел. Официанты были в белых смокингах. За обед Поль заплатил шесть долларов. С появлением солнца на улицах появились туристы. Мадам Колоньи объявила, что одной из достопримечательностей Панама считаются знаменитые ночные клубы и кабаре, но они открываются вечером, а всем пора на корабль. Мадам Туанасье тут же заметила, что ночные клубы далеко не положительное проявление цивилизации, на что Роже возразил, что при любых политических мировоззрениях следует уважать маленькие человеческие слабости. Мадам Колоньи повела всех на площадь, где продавались в магазинах, а то и прямо на панели, различные сувениры. Все накупали сувениров. Поль купил большую устрашающую индейскую маску, красиво разрисованную, украшенную большими перьями незнакомых ему птиц. Когда подходили к вокзалу, Поль почувствовал некоторое волнение: ему опять предстояло увидеть паровоз. Опередив своих спутников, он побежал к вокзалу, купил билет до Бальбоа. До прихода поезда оставалось несколько минут.

Поль пошел по перрону до того места, где была надпись по-испански: «остановка паровоза». Он уже знал, как будет «паровоз» по-испански и по-английски. В перспективе уходящих рельс показался перед паровоза. И сразу раздался его гудок, и выплеснулась вертикальная струя пара при гудке. Из трубы шел дым. С боков, откуда-то из-под колес вырывались клубы пара. Паровоз приближался, сверкая черным обтекаемым передом с белыми буквами и цифрами. Два сверкающих фонаря и два черных буфера, а под буферами, впереди всего паровоза выдвинутая вперед мощная красная решетка. Паровоз замедлил ход, остановился рядом с Полем. И после этого откуда-то между колес оглушительно пыхнуло, выстрелив облако пара, на миг закрывшее колеса. Поль почувствовал на лице теплую влагу этого пара. Поль сосчитал красно-черно-никелированные колеса. Их было четыре. Четыре больших колеса, а спереди два поменьше. Раздалось мощное шипенье, и пар пошел откуда-то сверху. По всему корпусу паровоза проходили швы с черными, как и корпус, заклепками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.